

С. А. СОЛОВЬЕВ

**РАЗВИТИЕ
ГОСУДАРСТВЕННО-
МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО
КАПИТАЛИЗМА
В АНГЛИИ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Рецензенты:

кандидат исторических наук Л. Н. Еремин

кандидат исторических наук Г. С. Остапенко

Соловьев С. А. Развитие государственно-монополистического капитализма в Англии в годы первой мировой войны.— М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. 152 с.

Монография посвящена изучению важных социально-экономических процессов в Англии в период первой мировой войны; рассматриваются причины, вызвавшие резкое усиление государственного вмешательства в экономику, исследуются основные формы и методы государственного регулирования в промышленности, сельском хозяйстве, в торговле, на транспорте, в кредитно-финансовой сфере, прослеживаются основные этапы становления, развития и частичной послевоенной ликвидации механизма контроля хозяйственной жизни, анализируется отношение английского рабочего класса и британской буржуазии к возрастанию экономической роли капиталистического государства. Особое внимание уделено выявлению глубокой взаимосвязи экономических и социальных факторов, определяющих характер и динамику сложного процесса развития государственно-монополистического капитализма.

Для специалистов-историков, научных работников, преподавателей, аспирантов.

С $\frac{0504030000-113}{077(02)-85}$ 51—85

В. И. Ленин характеризовал первую мировую империалистическую войну как «...величайший исторический кризис, начало новой эпохи»¹. Война резко ускорила развитие капитализма и созревание материальных предпосылок нового общественного строя, она предельно обострила присущие капитализму противоречия. Первая мировая война и победа Великой Октябрьской социалистической революции положили начало общему кризису капитализма. Наглядным проявлением его стало нараставшее вмешательство буржуазного государства в сферу капиталистического хозяйства, сращивание капиталистических монополий и буржуазного государства в единый механизм государственно-монополистической эксплуатации, которое отражало рост общественного характера производства при сохранении частнокапиталистической формы присвоения его результатов.

Исследование развития государственно-монополистического капитализма в годы первой мировой войны в Великобритании, тогда одной из ведущих буржуазных стран, представляет несомненный исторический и теоретический интерес не только с точки зрения изучения генезиса современного капитализма. Оно позволяет глубже понять сложный, зигзагообразный характер эволюции государственно-монополистического капитализма в последующие десятилетия, определить основные социально-экономические факторы, формирующие динамику этого процесса.

Своеобразие расширения хозяйственных функций буржуазного государства в Англии определялось прежде всего особенностями британского империализма, его колониальным характером — последний проявился как в мощи ориентированного на внешние рынки финансового капитала, который обладал громадной колониальной империей и осуществлял в огромных размерах экспорт капитала, так и в относительно медленном развитии концентрации производства в метрополии. Несмотря на утрату Англией к началу XX в. мировой промышленной монополии, принцип невмешательства государства в экономику накануне войны проводился в ней полнее и шире, чем в других империалистических странах. В связи с этим переход к государственно-монополистическому регулированию экономики в Англии во время первой мировой войны обнаруживается более контрастно и наглядно, глубже выявляется существо происшедших в военных условиях изменений.

Методологической основой для изучения развития британского государственно-монополистического капитализма в 1914—1918 гг. послужили положения, выдвинутые К. Марксом и Ф. Энгельсом, и созданное В. И. Лениным учение о монополистическом и государственно-монополистическом капитализме².

К. Маркс, рассматривая существовавшие в середине прошлого века формы государственной собственности, установил, что буржуазные государства «...выполняют функции промышленных капиталистов...», применяя производительный наемный труд на государственных железных дорогах, предприятиях связи и т. п.³ Он гениально предвидел, что рост акционерного капитала приведет к возникновению монополий, а это неизбежно потребует прямого государственного вмешательства⁴.

Ф. Энгельс, на основе анализа деятельности первых трестов, сформулировал и обосновал в книге «Развитие социализма от утопии к науке» принципиальные положения, имевшие важное значение для разработки научной теории государственно-монополистического капитализма, — о закономерности и экономической неизбежности развития процесса огосударствления средств производства по мере роста монополий; о том, что ни «планирование» производства трестами, ни переход средств производства в собственность буржуазного государства не означают ликвидацию капиталистических производственных отношений; и наконец, о том, что государственная собственность, будучи высшей точкой эволюции капиталистической собственности вообще, представляет собой потенциальную возможность уничтожения всякой частной собственности после завоевания пролетариатом государственной власти⁵.

В эпоху империализма, в эпоху господства монополий и финансового капитала функции буржуазного государства в области капиталистического хозяйства значительно расширяются. Речь идет уже не только о дальнейшем росте отмеченного основоположниками марксизма процесса огосударствления средств производства, но и о новой роли буржуазного государства как разностороннего регулятора капиталистического воспроизводства.

В новых исторических условиях взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса были творчески развиты в трудах В. И. Ленина. В годы первой мировой войны Ленин завершил разработку научной теории монополистической стадии капитализма. В книге «Империализм, как высшая стадия капитализма» он рассматривал переход средств производства в собственность буржуазного государства как одно из проявлений монополистической сущности империализма, установив, что «...частные и государственные монополии переплетаются воедино в эпоху финансового капитала...»⁶, а «"личная уния" банков с промышленностью дополняется "личной унией" тех и других обществ с правительством»⁷.

Оценивая объективную историческую тенденцию развития капиталистического способа производства, В. И. Ленин писал: «Мировой капитализм, который в 60—70-х годах прошлого века был передовой и прогрессивной силой свободной конкуренции, и который в начале XX века перерос в монополистический капитализм, т. е. империализм, сделал за время войны изрядный шаг *вперед* не только к еще большей концентрации финансового капитала, но и к превращению в *государственный капитализм*»⁸. Развитие государственно-монополистического капитализма порождается ростом концентрации производства и капитала. Война ускоряет этот процесс, служит его катализатором. «Война,— указывал В. И. Ленин,— ...гигантски ускорила развитие капитализма, превращая монополистический капитализм в государственно-монополистический...»⁹. Именно совершающийся в годы первой мировой войны переход «...от монополий вообще к *государственному капитализму*...»¹⁰ он рассматривал как отличительную черту, характеризующую новое качество в развитии капитализма.

В становлении государственно-монополистического капитализма В. И. Ленин видел процесс «...соединения гигантской силы капитализма с гигантской силой государства в один механизм, ставящий десятки миллионов людей в одну организацию государственного капитализма»¹¹. В его работах содержится анализ государственного руководства хозяйственной жизнью капиталистического общества в различных отраслях экономики, в области финансовой политики, в сфере производства и распределения, в области отношений труда и капитала. Последнему аспекту Ленин придавал особое значение. Он подчеркивал, что «огосударствление рабочей силы» является неизбежным следствием развития государственно-монополистического капитализма¹². Разоблачая реформистскую идею о «надклассовом» характере государственного контроля, Ленин показал, что буржуазные государства «регулируют экономическую жизнь» в интересах монополий, а это в условиях войны — «...военная каторга для рабочих, военная охрана прибылей капиталистов»¹³.

Создание механизма государственно-монополистического регулирования экономики выдвигает перед рабочим классом задачу практической подготовки и свершения социалистической революции. «...Государственно-монополистический капитализм,— писал В. И. Ленин,— есть полнейшая *материальная* подготовка социализма, есть *преддверие* его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, *никаких промежуточных ступеней нет*»¹⁴. Это ленинское положение стало одним из краеугольных камней современной научной теории общего кризиса капитализма, ибо государственное регулирование капиталистической экономики становится возможным и необходимым на такой ступени развития капитализма, когда в недрах его полностью созрели материальные условия для перехода к социализму.

Ленинский подход к изучению развития государственно-монополистического капитализма в неразрывной связи с развитием классовой борьбы позволяет глубоко и научно исследовать характер и особенности современного капитализма. Общие закономерности и специфика развития государственно-монополистического регулирования экономики отдельных капиталистических стран постоянно учитываются коммунистическими и рабочими партиями в их практической деятельности. Развернутую характеристику системы государственно-монополистического капитализма дали Московские совещания коммунистических и рабочих партий 1960 и 1969 гг. Глубокое определение современного капитализма содержится в Программе КПСС, а основные особенности эволюции государственно-монополистического капитализма в последние годы были освещены на XXIV, XXV и XXVI съездах КПСС.

Созданное на базе анализа и обобщения опыта развития капитализма в годы первой мировой войны учение В. И. Ленина о государственно-монополистическом капитализме имеет непреходящую идейно-теоретическую и практически-политическую ценность. Исключительно велико значение ленинского анализа процессов капиталистического развития в 1914—1918 гг., когда военный кризис буржуазного хозяйственного и общественного строя впервые заставил правящие классы в широких масштабах прибегнуть к методам государственно-монополистического регулирования, для исследования истории становления и развития современного капитализма.

Изучение развития государственно-монополистического капитализма в Англии в годы первой мировой войны, составляющее общую задачу предлагаемой монографии, требует исследования по ряду направлений, основными из которых являются: анализ причин резкого усиления государственного вмешательства в экономику, определение главных этапов развития британского государственно-монополистического капитализма в рассматриваемый период, выделение характерных форм и методов влияния буржуазного государства на капиталистическое хозяйство, оценка механизма государственного контроля над экономикой и его масштабов, изучение социально-политической борьбы пролетариата и буржуазии в связи с расширением экономических функций буржуазного государства. Исследование этих вопросов позволяет понять сущность происшедших за годы войны экономических и социально-политических изменений в их взаимосвязи, отметить новые черты классовой борьбы пролетариата и буржуазии в условиях государственно-монополистического регулирования и оценить воздействие массового рабочего движения на динамику развития государственно-монополистического капитализма.

Сложный социально-экономический характер рассматриваемых в монографии вопросов определил привлечение и критическое использование разнообразного круга источников.

Прежде всего это официальные публикации британских государственных учреждений: стенографические отчеты заседаний обеих палат английского парламента¹⁵, доклады различных правительственных, парламентских и ведомственных комиссий и комитетов, а также законодательные акты, в частности «Закон о защите королевства», «Закон о производстве вооружений» и их редакции¹⁶. В эту группу источников входит и официозная «История министерства вооружений»¹⁷, содержащая значительный документальный материал по истории важнейшего органа системы государственного регулирования военной экономики.

Другую группу источников составляют документы профсоюзного и лейбористского движений: протоколы конгрессов тред-юнионов¹⁸ и конференций лейбористской партии¹⁹, тексты принятых в 1918 г. устава лейбористской партии и ее программы «Труд и новый социальный порядок»²⁰ и ряд публикаций документов и материалов, подготовленных лейбористским исследовательским департаментом²¹.

Использованный в работе статистический материал почерпнут из нескольких изданий, весьма разных по характеру. Прежде всего следует упомянуть сборник «Мировые экономические кризисы»²², под редакцией академика Е. С. Варги, и справочник «Мировая война в цифрах»²³. Определенный интерес представляют и данные английской официальной буржуазной статистики, содержащиеся как в изданиях общего характера²⁴, так и в специальном сборнике «Blood and Treasure», посвященном военным усилиям Англии²⁵, а равно в приложениях к журналам «Statist» и «Economist». Кроме того, богатый статистический материал содержится в появившихся вскоре после окончания войны многочисленных работах буржуазных авторов, посвященных отдельным аспектам социально-экономической истории Англии военного периода. Среди изданий справочного характера следует также упомянуть ряд сборников по финансовым вопросам, составленных Э. Киркалди («Труд, финансы и война», 1916; «Промышленность и финансы», 1917; «Английские финансы во время и после войны», 1921)²⁶, и интересный опыт хронологии социально-экономической истории первой мировой войны, под общей редакцией Н. Дирля²⁷.

Большую и важную группу источников, позволяющих даже в относительно узких рамках военного периода обнаружить быструю эволюцию взглядов различных слоев английского общества под влиянием развития государственно-монополистического капитализма, составляет периодическая печать. Наиболее полно в работе были использованы материалы социалистической газеты «Call», органа шоп-стюардов Шотландии «Worker», лейбористских газет «Herald» и «Labour Leader», либеральных журналов «Economist» и «Nineteenth Century and After», консервативных изданий «Times» и «Statist» и др. К этому типу источников примыкает и сборник высказываний видных общественно-политических деятелей и представителей делового мира о

перспективах системы государственного контроля экономики, собранных и опубликованных Х. Картером²⁸.

Последнюю большую группу использованных в монографии источников образуют мемуары и дневники. В их числе воспоминания видных политических деятелей того времени Г. Асквита²⁹, Д. Ллойд Джорджа³⁰, У. Черчилля³¹, К. Аддисона³², мемуары государственных чиновников среднего ранга, таких как Дж. Дэвис³³ и Л. Эмери³⁴, записки лейбористского министра Дж. Клайнса³⁵ и дневники Б. Вебо³⁶. Важное значение имеют воспоминания выдающихся деятелей английского коммунистического и рабочего движения — Гарри Поллита, Уильяма Галлахера, Тома Белла и др.³⁷, соединяющие в себе достоинства источника с классовым анализом истории британского рабочего движения в рассматриваемый период.

В буржуазной и реформистской историографии социально-экономической истории первой мировой войны отчетливо прослеживаются три периода, так сказать, «волны интереса».

Первая, самая мощная из них, возникла сразу же после окончания войны и достигла наибольшей силы в 1922—1924 гг. В то время историки и экономисты различных политических направлений и научных школ стремились изучить новые черты хозяйственной и общественной жизни, возникшие за годы войны, осознать ее уроки и оценить военный опыт с позиций мирного времени. Большим подспорьем для них явилось предпринятое по инициативе американского «Фонда Карнеги» грандиозное по масштабам издание ряда серий под общим названием «Экономическая и социальная история мировой войны». В британской серии было опубликовано свыше 20 работ, посвященных отдельным аспектам деятельности механизма государственного контроля над экономикой, развитию различных отраслей хозяйства в годы войны и вызванным ею переменам в английском обществе³⁸.

Общим для авторов почти всех трудов было то, что в недалеком прошлом они сами работали в хозяйственных органах буржуазного государства. Так, У. Биверидж был секретарем министерства продовольствия, Э. Ллойд являлся сначала ответственным сотрудником отдела сырья военного министерства, а затем — помощником секретаря министерства продовольствия, Т. Миддлтон был генеральным директором департамента продовольственного производства при министерстве сельского хозяйства, Р. Редмейн занимал должность главного государственного инспектора шахт, а позже — заместителя контролера угля по вопросам производства и т. д. Не случайно поэтому многие работы серии если не по форме, то по содержанию приближаются к мемуарам; их авторы тяготеют к описанию деятельности учреждений, в которых они сотрудничали в годы войны. Но вместе с тем в них предпринята попытка систематизации и анализа фактов, чтобы на этой основе прийти к некоторым обобщающим оценкам военного опыта³⁹.

Буржуазные авторы британской серии «Экономической и социальной истории мировой войны» рассматривают развитие государственного регулирования капиталистической экономики с единых позиций. Суть их подхода наиболее кратко и откровенно изложена в работе Э. Ллойда: в условиях войны такого масштаба замена «частного предпринимательства коллективной организацией» неизбежна и экономически эффективна для ее успешного ведения. Но именно потому, что «личная свобода и частная собственность современной войной обречены», «необходимость в военное время вводить контроль над жизнью, свободой и собственностью служит дополнительным аргументом в пользу прекращения войн», ибо в противном случае «следующая великая война ввергнет мир в пучину такого военного коммунизма, по сравнению с которым контроль времен минувшей войны будет выглядеть праздничной Аркадией»⁴⁰. В этой формуле слиты воедино оценка государственного контроля как чрезвычайной военной меры, неизбежной и даже полезной в военных условиях, и страх перед ростом государственного регулирования, посягающего якобы на основу основ господства класса капиталистов — частную собственность.

Несколько иную точку зрения развивает работа правительственного эксперта Л. Чиозза Монэ «Триумф национализации»⁴¹. Анализируя опыт государственного управления производством главным образом на примере министерства вооружений, он приходит к выводу о его безусловной экономической эффективности, подчеркивает роль государственного вмешательства в экономику в достижении победы в войне и настаивает на целесообразности сохранения и расширения этой практики в мирных условиях. Выход в свет этой книги осенью 1920 г. совпал с обострением классовой борьбы вокруг вопроса о сохранении государственного контроля в угледобывающей промышленности. В такой обстановке защита Л. Чиозза Монэ государственного регулирования экономики была встречена в штыки. «Сэр Лео и его друзья, — писал Дж. Баркер в опубликованной журналом «Economist» рецензии, — рекомендуют самую непопулярную политику, если только они... не скрывают того, что они за захват рабочими различных предприятий, за рабочую собственность и управление ими, как этого сейчас добиваются шахтеры»⁴². Автор «Триумфа национализации» отнюдь не призывал к обобществлению средств производства рабочими, он защищал капиталистическую национализацию, но даже в такой форме буржуазия, напуганная мощным подъемом рабочего движения, отказывалась принимать идею огосударствления.

В то же время буржуазия не препятствовала попыткам идеологов лейборизма выдать государственный контроль над военной экономикой за «социализм» или по крайней мере представить его первым шагом на пути к социализму. Такой подход к оценке развития государственного регулирования и участия лидеров тред-юнионизма в работе государственного аппарата наметился

уже в годы войны⁴³ и получил дальнейшее развитие в послевоенный период⁴⁴.

В 1919 г. профессор экономики и правительственный эксперт по вопросам труда М. Хэммонд опубликовал работу, посвященную государственному регулированию отношений между трудом и капиталом⁴⁵, в которой не только подробно рассмотрел чрезвычайное военное законодательство в области организации промышленного производства, но и попытался определить общие масштабы государственного контроля над национальными трудовыми ресурсами. Победу буржуазии в борьбе с рабочим движением в годы войны, по мнению Хэммонда, обеспечило гибкое сочетание широкого государственного вмешательства в регулирование отношений на производстве с активным включением «рабочих» (т. е. профбюрократии) в государственный механизм.

Американских буржуазных ученых особенно привлекало изучение английской практики в сфере финансовой деятельности: американский финансовый капитал, выступавший в новой для него роли мирового банкира, стремился усвоить опыт предшественника. В начале 20-х годов одна за другой выходят в свет несколько книг американских экономистов, посвященных финансированию Англией военных расходов, государственной политике цен, роли Англии в мировой валютно-финансовой системе капитализма и даже истории британских финансов⁴⁶. Однако наиболее полный и детальный анализ английского опыта финансирования военных расходов в связи с изменением форм и объема налогообложения принадлежал перу британского буржуазного экономиста, одного из директоров Английского банка Дж. Стэмпа⁴⁷.

Книгой Дж. Стэмпа практически закончился послевоенный анализ социально-экономической истории британского капитализма периода первой мировой войны. В 30-е годы интерес буржуазной и реформистской науки к этой теме заметно остыл. Гипноз предвзятого мнения об исключительно военном характере государственного регулирования экономики в 1914—1918 гг. был настолько силен, что новый рост государственного вмешательства в период мирового экономического кризиса начала 30-х годов, который заставил буржуазную науку начать пересмотр концепции «государство — ночной сторож» и вызвал появление в 1936 г. «Общей теории занятости, процента и денег» Дж. Кейнса, не стал новым стимулом к изучению хозяйственного опыта первой мировой войны. Правда, продолжалась публикация военных мемуаров⁴⁸, появилось несколько новых книг о социально-политической борьбе в период войны⁴⁹, но ни буржуазная, ни лейбористская историография даже не пытались искать аналогий и проводить параллели в действиях британских правительств в период обоих кризисов — военно-хозяйственного и мирового экономического.

Новая «волна интереса» поднялась с началом второй мировой войны, изучение опыта участия буржуазного государства в перестройке хозяйства на военные рельсы вновь приобрело

актуальность. Особое внимание буржуазных ученых привлекла проблема организации распределения продовольствия. Так, Дж. Уолворт⁵⁰ попытался оценить возможность применения опыта министерства продовольствия в условиях новой войны, а бывший сотрудник и будущий биограф Ллойд Джорджа Томас Джонс предпринял сравнительный анализ снабжения населения Великобритании продовольствием в двух мировых войнах⁵¹, стремясь подчеркнуть преемственность традиций первого министерства продовольствия, созданного по инициативе последнего либерального премьер-министра.

Значительный интерес представляет небольшая по объему, но важная по идеям статья известного лейбористского историка Р. Тоуни⁵². Основной смысл ее — убедить правительство не спешить с послевоенной отменой государственного контроля над экономикой, как было после первой мировой войны, и таким образом избежать тех социально-экономических трудностей, которыми характеризовались 1919—1921 гг. Для обоснования этого Тоуни не только рассматривает процесс ликвидации государственных контрольных органов в начале 20-х годов (не касаясь значения борьбы шахтеров), но и по-новому оценивает созданный в годы войны механизм государственного регулирования. В отличие от других теоретиков лейборизма он не стремится объявить первые меры государственного вмешательства «социализмом» и не считает, как Ллойд, что они рождены только военной необходимостью, хотя и признает, что носили они целиком стихийный характер⁵³. Р. Тоуни полагал, что уже в период первой мировой войны имело место «вмешательство государства не просто как охранного ведомства... но как силы, организующей, направляющей, а иногда и управляющей»⁵⁴. Подобная оценка отражала возникшее именно в годы второй мировой войны стремление части реформистских теоретиков распространить начавшийся в середине 30-х годов пересмотр принципа невмешательства государства в сферу капиталистического хозяйства и на период первой мировой войны. Показательно, что вскоре после публикации статьи Тоуни в США появилась работа экономиста Дж. Кларка, посвященная той же проблеме демонтажа военных органов контроля и содержащая такую же оценку роли государства: государство «превратилось из полицейского в позитивную экономическую силу»⁵⁵. Тем самым закладывался фундамент теоретического обоснования необходимости развития государственно-монополистического капитализма после второй мировой войны⁵⁶.

После войны увидел свет первый и пока единственный обобщающий труд по проблеме государственного регулирования экономики Англии в годы первой мировой войны. Он принадлежал перу американского буржуазного историка С. Харвица и представлял собой его докторскую диссертацию⁵⁷. Автору удалось показать размах и многообразие хозяйственной деятельности британского государственного аппарата, проследить рост госу-

государственного вмешательства в отдельные отрасли экономики, тщательно избегая при этом оценки причин широкого развития и классовой сущности государственно-монополистического регулирования.

Третий, последний и самый слабый, «всплеск» интереса английской буржуазной и лейбористской историографии социально-экономической истории первой мировой войны можно обнаружить в 50-е годы. Он связан главным образом с разработкой истории второй мировой войны. В поисках истоков тех или иных явлений, характерных для 1939—1945 гг., исследователи обращались к событиям первой мировой войны. Так, изучение вопросов сельскохозяйственного производства в период второй мировой войны побудило К. Мюррея ознакомиться с опытом государственного стимулирования роста продукции сельского хозяйства в 1915—1918 гг.⁵⁸ Сравнительный анализ эффективности использования государством трудовых ресурсов страны в двух мировых войнах проведен в исследовании Г. Паркера⁵⁹, а лейбористский историк П. Инмен сосредоточился на оценке взаимоотношений профсоюзов, предпринимателей и правительства в военном производстве⁶⁰. Список подобных работ можно было бы продолжить, однако ничего нового в разработку истории первой мировой войны они по существу не внесли.

В 60—70-е годы обращение британских историков к указанным проблемам носит эпизодический характер и встречается, как правило, в обобщающих трудах. Все же некоторые работы, безусловно, заслуживают упоминания. К полувековому юбилею окончания первой мировой войны известный английский историк консервативного направления Л. Вудвард завершил работу над фундаментальной историей участия в ней Англии⁶¹. Книга его почти целиком может быть отнесена к жанру военно-политической истории, она изобилует описаниями дипломатической борьбы и боевых действий на суше и на море, но один из ее разделов посвящен работе тыла и сравнительно подробно излагает систему организации государственного контроля над экономикой. Единственным критерием оценки социально-экономической деятельности буржуазного государства служит Вудварду ее эффективность с точки зрения достижения победы в войне. Автор воздерживается от категорических выводов, однако необходимость и оправданность участия государства в мобилизации капиталистического хозяйства для ведения «тотальной войны» не вызывают у него сомнения. Он даже критикует некоторые действия правительства, в частности недостаточно решительное, по его мнению, проведение политики «милитаризации труда», что позволило рабочим продолжать забастовочную борьбу, якобы срывавшую «военные усилия нации». Хотя внешне государственное вмешательство рассматривается Л. Вудвардом только как военная мера, но характерный для буржуазной историографии межвоенного периода мотив исключительности, чрезвычайности этой меры в его работе отсутствует.

Такой подход отражает происшедший в буржуазной науке в годы после второй мировой войны поворот к признанию необходимости и нормальности расширения хозяйственных функций капиталистического государства.

Определенный интерес представляют работы преподавателя университета Глазго А. Марвика⁶². Его внимание привлекает прежде всего влияние кризисных ситуаций на изменения в сознании различных слоев британского общества. Одна из его работ с характерным названием «Потоп» целиком посвящена реакции англичан на события первой мировой войны. Автор стремится восстановить дух эпохи, он собирает массу отдельных штрихов и наблюдений того времени, используя материалы прессы и частных архивов. Однако воссозданная им яркая картина общественной жизни Англии в годы первой мировой войны необычайно пестра, мозаична, отдельные детали ее заслонили сущность важнейших социальных процессов — ускоренную поляризацию классовых сил и обострение борьбы двух тенденций в рабочем движении.

Своеобразным откликом американской буржуазной историографии на полувековой юбилей победы Англии в первой мировой войне явилась публикация работы П. Джонсона «Страна, достойная своих героев»⁶³. Джонсон избрал для исследования очень узкую тему — планирование послевоенной перестройки британского хозяйства на мирный лад. На основе тщательно отобранного и проанализированного материала, включающего официальные публикации проектов перестройки, мемуары (в том числе и рукописные) сотрудников министерства реконструкции, письма из частных архивов и статьи из периодических изданий того времени, ему удалось детально рассмотреть деятельность комитетов и министерства реконструкции, подробно изучить планы хозяйственных и социальных реформ и наметить некоторые этапы организации планирования «реконструкции». Основное внимание Джонсон уделил именно планированию «реконструкции», а не ее реальному осуществлению, однако совершенно обойти молчанием претворение планов в жизнь он не мог. И хотя автор попытался несколько затушевать бесплодность планирования перестройки, ограничив рассмотрение его лишь первым послевоенным годом и выдвинув на первый план те немногие проекты, которые хотя бы частично были осуществлены, все же контраст планов и реальности оказался слишком разительным. Объяснить его П. Джонсон и не пытается. Правда, он высказывает предположение, что определенные коррективы внесла предвыборная борьба и победа коалиции на выборах в декабре 1918 г., но более глубокие причины, связанные с ликвидацией системы государственного контроля над экономикой и классовой борьбой вокруг этого вопроса, остаются вне его поля зрения.

Послевоенная «реконструкция» и проблемы демонтажа механизма государственно-монополистического регулирования за-

нимают ведущее место в работах буржуазных исследователей экономической истории Англии эпохи первой мировой войны. Показательна в этом отношении докторская диссертация американки С. Эрмитаж⁶⁴. Она представляет собой сравнительный анализ проблем послевоенного «деконтроля» промышленности в Англии и США. В предисловии к работе известный английский историк, специалист по истории межвоенного периода, профессор Чарльз Моват, высоко оценивая ее как «первопроходческую работу большого значения», подчеркивает вместе с тем, что впервые на важность этой темы указала «классическая статья профессора Тоуни»⁶⁵, упомянутая в нашем обзоре. Действительно, именно переломный, кризисный этап в развитии капитализма, связанный с почти полным уничтожением механизма государственного контроля над экономикой после первой мировой войны, может дать ответ на многие вопросы о характере, динамике и перспективах развития государственно-монополистического капитализма в наши дни. Но хотя интерес к этому периоду у буржуазных историков постоянно возрастает, о чем убедительно свидетельствует место, отводимое ему в обобщающих трудах таких видных буржуазных ученых, как Ч. Моват⁶⁶, С. Поллард⁶⁷ или А. Дж. П. Тейлор⁶⁸, тем не менее буржуазная историческая наука в целом не способна дать объективную оценку реальным социально-экономическим процессам 1919—1921 гг. в их взаимосвязи.

Лейбористская историография, как правило, затрагивает эпоху первой мировой войны в общих работах по истории тред-юнионизма и лейбористской партии. Основная их идея — показать постепенное сглаживание классовых противоречий между пролетариатом и буржуазией, рост классового сотрудничества в рамках «государства всеобщего благосостояния». Апологию сращивания реформистской верхушки рабочего движения и аппарата буржуазного государства содержит и официальная история лейбористской партии⁶⁹, и последние работы Дж. Коула⁷⁰, и книги Ф. Уильямса по истории лейбористской партии и тред-юнионизма⁷¹.

Критически оценивая выводы официальной лейбористской историографии, лейбористские историки левого направления справедливо рассматривают деятельность лидеров организованного рабочего движения в годы первой мировой войны как предательство интересов рядовых членов тред-юнионов и лейбористской партии. В известной работе Р. Милибенда убедительно продемонстрировано, что в условиях войны лейбористские лидеры выступали исключительно «как маклеры и посредники между правительством и рабочей силой, чье подчинение новой трудовой дисциплине составляло важное условие военного успеха»⁷². Разоблачая миф о «социалистическом» характере лейбористской программы 1918 г., Р. Милибэнд указывал, что место «собственной версии либерализма» в программе «заял не социализм, а лейборизм»⁷³, т. е. британская разновидность реформизма.

Интересное исследование исторических корней лейбористской политики национализации провел другой лейбористский историк — Э. Э. Бэрри⁷⁴. Подробно обрисовав обстановку и процесс разработки и утверждения устава и программы лейбористской партии, изучив содержащиеся в них предложения по национализации, Бэрри пришел к выводу, что руководство партии вовсе не стремилось к сколько-нибудь существенной национализации британской промышленности, а предлагало лишь ее реорганизацию. Он особенно подчеркивает, что речь шла о реорганизации «капиталистической промышленности», т. е. фактически о подновлении капитализма⁷⁵.

Но все же работы, подобные книгам Р. Милибенда и Э. Э. Бэрри, — нечастое явление в лейбористской историографии.

Действительно научную разработку проблем развития рабочего движения в меняющихся исторических условиях ведут в Англии историки-марксисты. Традиции марксистского освещения истории первой мировой войны, как уже было отмечено, закладывались в воспоминаниях видных деятелей Коммунистической партии Великобритании и получили развитие в работах историков марксистского направления. В истории английского рабочего движения в первой трети XX в. Р. Фокс отметил значение развития государственного вмешательства в экономику для преодоления фабианской трактовки социализма в сознании передовых рабочих⁷⁶. Влияние первой мировой войны на рост классовой сознательности британского пролетариата показано А. Хаттом в очерке английского профсоюзного движения⁷⁷. Вопросы борьбы шахтеров за национализацию угольной промышленности и рабочий контроль над производством рассматриваются в книге Р. Пейдж Арнота⁷⁸. Специально периоду первой мировой войны посвящены две работы: книга У. Ханнингтона, в которой серьезное внимание уделено движению шоп-стюардов⁷⁹, и брошюра М. Добба, с марксистских позиций исследовавшая проблему государственно-монополистического регулирования отношений труда и капитала на производстве⁸⁰. Английские историки-марксисты внесли достойный вклад в изучение истории английского рабочего движения, успешно противопоставив официальной лейбористской историографии научный подход к анализу развития классовой борьбы, однако проблема взаимосвязи классовой борьбы и роста государственно-монополистического капитализма еще не получила полного отражения в их работах.

Советские ученые глубоко и плодотворно развивают ленинскую теорию монополистического и государственно-монополистического капитализма. В коллективной монографии «Ленинская теория империализма и современность» не только содержится периодизация развития государственно-монополистического капитализма, но и внимательно рассмотрены причины, определяющие динамику его развития на каждом из этапов⁸¹. Авторы монографии отмечают, что «важное значение в ускорении

перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический сыграла первая мировая война», и констатируют, что широкое использование различных методов прямого подчинения экономики буржуазному государству «было характерно и для Англии»⁸². Советские экономисты накопили определенный опыт как в изучении специфики развития капитализма в условиях мировой войны⁸³, так и в исследовании экономического развития британского империализма в первой половине XX в.⁸⁴, но специального рассмотрения изменений капиталистического хозяйства Англии в годы первой мировой войны пока не предпринималось.

Этот пробел в известной мере восполняют исследования советских историков. Отдельные проблемы социально-экономической истории Англии периода первой мировой войны освещены в целом ряде общих работ⁸⁵ и биографий политических деятелей того времени⁸⁶. Кроме того, общая характеристика истории Англии в годы войны содержится в статьях И. М. Лемина и С. В. Захарова⁸⁷. Наибольших успехов советская историография добилась в изучении истории английского рабочего движения. Посвященные Великобритании разделы опубликованных в 1978—1980 гг. третьего и четвертого томов обобщающего труда «Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории», работы Ю. П. Мадора, М. М. Карлинера и П. В. Гурович позволяют составить целостное представление о развитии классовой борьбы в Англии накануне, во время и после первой мировой войны⁸⁸. Особый интерес проявляют советские историки к мощному подъему массовой борьбы трудящихся Англии в 1917—1921 гг., развернувшемуся под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции⁸⁹.

Исследование развития классовой борьбы советские ученые проводят в неразрывной связи с анализом социально-экономической обстановки, условий, в которых она протекала, ее экономических, политических и идейных истоков. Характерным примером такого анализа может служить работа М. М. Карлинера, в которой детальная разработка проблем массового рабочего движения и борьбы в нем революционного и оппортунистического направлений сочетается с широким показом важнейших изменений в хозяйственной и политической жизни Англии. Более того, автор включил в книгу специальный раздел, целиком посвященный развитию британского монополистического капитализма и возникновению государственно-монополистических тенденций⁹⁰. Правда, этот раздел структурно несколько оторван от второй части работы, излагающей историю подъема рабочего движения в 1917—1918 гг., в связи с чем автору не удалось в полной мере учесть особенности классовой борьбы в условиях широкого развития системы государственного контроля, но тем не менее такой подход, несомненно, обогатил работу и углубил оценку борьбы рабочих за национализацию и рабочий контроль.

Глубокая, разносторонняя разработка проблем развития капитализма в период его общего кризиса, ведущаяся ныне советскими обществоведами — экономистами, философами, правоведами, обогащает марксистско-ленинскую теорию современного капитализма и в сочетании с исследованиями советских историков по новейшей истории капиталистических стран создает прочную основу для комплексного изучения социально-экономических и идейно-политических процессов эволюции монополистического и государственно-монополистического капитализма в их взаимосвязи, динамике и исторической перспективе.

НА ПУТИ К ГОСУДАРСТВЕННО- МОНОПОЛИСТИЧЕСКОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА

1. Первые меры государственного вмешательства в экономику

До начала первой мировой войны обе сменявшие друг друга у власти буржуазные партии Англии — консервативная и либеральная — строго придерживались принципа невмешательства государства в сферу капиталистического хозяйства. Даже активная подготовка британских империалистов к войне за передел уже поделенного мира, выразившаяся в ускоренном военно-морском строительстве, реорганизации армии, разработке детальных планов боевых действий английского экспедиционного корпуса в Европе и т. п., не заставила от него отказаться. Либеральный кабинет Асквита, правивший в Англии в последние предвоенные годы, не планировал на случай войны никаких государственных мер в области экономики прежде всего потому, что правительство, попытавшееся бы до начала войны осуществить или хотя бы запланировать государственное вмешательство в экономику, недолго оставалось бы у власти в стране, основой хозяйственной жизни которой являлся принцип неограниченной свободы частного предпринимательства.

Впрочем, нет правил без исключений. В Англии таким исключением стал транспорт — единственная отрасль ее экономики, где государственное вмешательство было запланировано. Начиная с 40-х годов прошлого века британский парламент принял целую серию законов о работе железнодорожного транспорта. Особенно важное значение имел закон 1871 г.¹, целью которого было упорядочить переброску войск внутри страны в случае войны. На основании этого закона правительство получило полномочия в чрезвычайных обстоятельствах вводить собственный контроль над железными дорогами сроком на неделю, но с правом неограниченного его продления с санкции парламента.

По мере того как военные планы английского генерального штаба приобретали законченный вид, наполнялся реальным содержанием и закон 1871 г. о железных дорогах. В 1912 г. для реализации юридического права государственного контроля внутренних перевозок был образован исполнительный комитет железных дорог (Railway Executive Committee), в мирное время

служивший советательным органом. В состав комитета входили директор и управляющие всех частных железнодорожных компаний, а его председателем был заместитель государственного секретаря по военным вопросам².

В день объявления войны, 4 августа 1914 г., управление английскими железными дорогами было целиком передано железнодорожному исполкому³, причем его номинальным председателем стал министр торговли лорд У. Рансимен. Формально государственный контроль над железнодорожным транспортом был установлен. Однако он не был прямым: железнодорожные компании оставались полными собственниками всех железных дорог, их директора, объединенные в исполком, по-прежнему осуществляли реальное руководство железнодорожными перевозками, а функции министерства торговли сводились лишь к общему надзору за их деятельностью. Мало того, 16 сентября 1914 г. правительство заключило с владельцами железнодорожных компаний соглашение, по которому гарантировало им в качестве компенсации за введение контроля ежегодный чистый доход на уровне 1913 г.⁴ За годы войны железнодорожные компании получили только от государства свыше 95 млн. ф. ст., не считая других доходов⁵.

Несколько иначе обстояло дело с морским транспортом. Даже в случае войны правительство не предполагало вводить здесь государственный контроль в какой-либо форме. С другой стороны, совершенно очевидной была опасность резкого сокращения морских перевозок, что могло иметь для Британских островов тяжелые последствия. Поэтому уже на второй день войны, 5 августа, правительство ввело в действие систему страхования транспортных судов от военной опасности⁶. Эта система, правда, на случай нейтралитета Англии в будущей войне, разрабатывалась правительственными экспертами по соглашению со страховыми компаниями с 1905 г., и к началу войны около 70% торговых судов уже было застраховано⁷. Правительство обязалось обеспечить возмещение страховой премии владельцам судов, понесшим убытки в результате военных действий. Вскоре аналогичная система страхования была распространена и на рыболовные суда.

Правительственные гарантии судовладельцам позволили в первые месяцы войны сохранить высокий уровень внешней торговли Англии. Недостатки в снабжении страны, возникавшие в это время, объяснялись не только сокращением перевозок и необходимостью переориентации рынков, но и слабым развитием производства некоторых видов продукции. Так, прекращение германского экспорта анилиновых красителей стало стимулом развития английской химической промышленности; сокращение поставок строевого леса из России привело к росту его закупок в Канаде; быстрое развертывание английской сухопутной армии потребовало резкого увеличения производства джута в Индии и шерсти в Австралии и т. д. Во

всех этих и им подобных случаях английские коммерсанты и промышленники вынуждены были, как правило, прибегать к помощи государства⁸.

В начальный период войны наиболее глубоким, пожалуй, оказалось государственное вмешательство в организацию снабжения страны сахаром. 20 августа 1914 г. специальным правительственным декретом была учреждена королевская комиссия по сахарному снабжению, в задачу которой входили закупки, продажа и распределение сахара на всей территории Соединенного Королевства⁹. Дело в том, что до войны львиная доля поставок сахара в Англию приходилась на Германию и Австро-Венгрию, с началом ее они полностью прекратились. Прежде всего комиссия взяла на учет все запасы сахара в Англии и 11 сентября запретила вывоз его из страны¹⁰. К концу месяца был запрещен и ввоз сахара, произведенного центральными державами, через нейтральные страны¹¹. С 26 октября 1914 г. комиссия полностью взяла под свой контроль всю внешнюю торговлю сахаром¹². Так, уже в первые месяцы войны государство ввело собственную монополию на снабжение им, учредив для этого централизованный орган контроля и управления. В дальнейшем комиссия постепенно превратилась из английского в межсоюзнический орган, необычайно расширив масштабы своих операций¹³.

Предметом особой заботы правительства в первые дни войны стали финансовые проблемы. Биржи и банковские учреждения большинства капиталистических стран отреагировали на известие о начале войны либо полным прекращением своих операций, либо существенным их ограничением. В Лондоне в понедельник 3 августа 1914 г., т. е. еще за сутки до вступления Англии в войну, положение, по словам очевидца, было критическим: «Подобно грому среди ясного неба обрушилось на биржу резкое падение курсов акций, кредит был парализован, золота не хватало, создалось критическое положение с валютой; все это... грозило затянуть деловые операции в безнадежно запутанный узел... Акционерные банки либо полностью прекратили расчеты золотом, либо платили им в незначительных количествах; люди, которым следовало бы иметь побольше здравого смысла и самообладания, бросились на Треднидл-стрит (в контору Английского банка в лондонском Сити. — С. С.) и терпеливо стояли в очередях у дверей банка, стремясь обменять банкноты на соверены, совершенно не заботясь о том, что именно таким путем легче всего вызвать действительную панику»¹⁴.

В этих условиях либеральное правительство приняло ряд экстренных мер для помощи магнатам Сити. 3 августа парламент спешно одобрил «Закон об отсрочке платежей», временно прекращавший все банковские операции, а затем был утвержден проект министра финансов Д. Ллойд Джорджа, которым предусматривалось предоставление Английскому банку правительственных гарантий для расчетов по довоенным векселям на сумму

около 500 млн. ф. ст. 7 августа биржа и банки возобновили нормальную работу¹⁵.

Как выяснилось много позже, эти решительные и весьма дорогостоящие для налогоплательщика мероприятия правительства по «спасению Сити» не были столь уж необходимыми. Международное положение Сити как финансового центра капиталистического мира не было поколеблено. «В самом Лондоне, — констатирует современный британский исследователь, — ни о кризисе с валютой, ни об оттоке золота вопрос не стоял: наоборот, в критические дни конца июля — начала августа 1914 г. мир пытался изыскать средства для платежей Лондону»¹⁶. Напряженную ситуацию на деле создали сами английские банкиры и биржевые дельцы, испугавшиеся за судьбу своих доходов от иностранных инвестиций, именно они заставили правительство выручать их из мнимой «беды», гарантировав займы, ибо «влияние финансовых кругов на кабинет было таким огромным, что они могли отстаивать свои специфические требования как никакая другая группа»¹⁷. Иначе говоря, финансовые меры правительства в первые дни войны имели целью именно «спасение кучки богатых людей», как три месяца спустя выразился Ллойд Джордж, пытаясь доказать обратное¹⁸.

В ряду других правительственных мер в дни «августовской финансовой паники» почти незамеченным современниками прошло еще одно нововведение, оказавшееся впоследствии весьма существенным. Стремясь максимально сохранить золотой запас без серьезного ограничения денежного обращения внутри страны, правительство 6 августа разрешило Аглийскому банку, центральному эмиссионному учреждению, выпустить в обращение новые банкноты, достоинством в 10 шилл. и в 1 ф. ст., не подлежащие обмену на золото¹⁹. Тем самым фактически был отменен золотой стандарт фунта стерлингов внутри страны, а государство превращалось в единственного контролера денежной массы.

2. Политика «бизнес как обычно»

В первые месяцы мировой войны государственное вмешательство в экономику, как мы видели, не носило систематического характера. Правительственные гарантии банкам и страховым компаниям, ограниченная помощь торговле (сахар, лес, красители), формальный контроль над железнодорожным транспортом — все эти меры вызывались не необходимостью перестройки экономики на военные рельсы, а резким изменением конъюнктуры мирового капиталистического рынка. Они никоим образом не нарушали традиционной системы взаимоотношений государства и монополий.

Принцип невмешательства в экономику даже в условиях войны был предельно сжато сформулирован в приписываемой У. Черчиллю формуле «бизнес как обычно» («business as usual»),²⁰ с первых дней войны ставшей лозунгом как правительства,

так и делового мира²¹. Проведение британскими правящими кругами подобной хозяйственной политики на первом этапе мировой войны вызывалось многими причинами. Существовало общепринятое мнение о скором окончании войны, что позволяло надеяться на победу без существенной перестройки экономики. Утверждалось, что наилучшую организацию производства и торговли способна дать только полная свобода частного предпринимательства, а государственное вмешательство с его медлительностью и бюрократизмом неминуемо вызовет крах экономики и поражение в войне²². Кроме того, английская буржуазия, по примеру прошлых войн, все еще надеялась выиграть и эту войну «серебряной пулей», т. е. финансированием своих союзников²³, а для этого нужно было сохранить существующую систему торговли и кредита. И наконец, лозунг «бизнес как обычно» был важен в морально-политическом плане: он призван был положить конец возможной панике, подобной «августовской финансовой панике».

Смысл политики «бизнес как обычно» можно свести к двум основным моментам: к отказу от серьезной перестройки экономики на военные рельсы в расчете на скорую победу и к отказу от государственного вмешательства в хозяйственную жизнь. Собственно, на протяжении 1914 г., когда эта политика проводилась наиболее последовательно, вопрос о государственном вмешательстве вообще не стоял. Правда, в октябре военное министерство попыталось предложить национализацию нескольких крупных частных оружейных заводов, но эта инициатива серьезно не рассматривалась²⁴. И наоборот, часть предпринимателей, особенно из мелкой и средней буржуазии, восприняла лозунг настолько буквально, что всерьез рассчитывала на сохранение в полном объеме германского рынка²⁵.

Словом, возможно более полное сохранение «обычного», т. е. довоенного, состояния экономики вполне устраивало и буржуазию, и правительство. Но тут возникла сложная проблема, специфичная именно для Англии. Страна вступила в войну, не располагая законом об обязательной воинской службе; комплектование английских вооруженных сил осуществлялось на добровольной основе. Жизненной задачей правящего класса становилась в этих условиях соответствующая идейно-психологическая обработка масс. С первых дней войны буржуазная пресса развернула широкую «ура-патриотическую» пропагандистскую кампанию, с призывами к населению неоднократно обращались члены кабинета и представители высшего руководства армии и флота. Вершиной этой деятельности стало принятие английским парламентом 8 августа 1914 г. чрезвычайного «Закона о защите королевства» («The Defence of the Realm Act', DORA)²⁶.

Сутью закона явилось провозглашение принципа «подчинения любого частного интереса задаче успешного ведения войны»²⁷. Формулировки закона были достаточно общими и расплывчатыми, так что давали полный простор различным толкованиям.

За годы войны текст его неоднократно дополнялся и редактировался²⁸, но главное значение имел не сам закон, а многочисленные постановления, указы, циркуляры и распоряжения, изданные на его основе.

Закон предоставил правительству достаточно широкие полномочия. В частности адмиралтейство и совет армии получили право брать во владение земли и предприятия, а также требовать от предпринимателей производства определенной номенклатуры изделий, необходимых для военных целей. Однако закон не давал правительственным органам более широких прав, как, например, права контроля над промышленностью в масштабе целой отрасли, права определения порядка оплаты реквизируемой продукции, права регулирования частных деловых сделок и права фиксации максимума цен²⁹.

В первые месяцы войны правительство предпочитало не пользоваться даже теми правами реквизиции и контроля, которые оно получило по DORA. Именно в этой связи следует рассматривать многочисленные заверения о стремлении не ограничивать частную инициативу, делавшиеся министрами кабинета в период проведения политики «бизнес как обычно». Так, в день принятия «Закона о защите королевства» министр внутренних дел Р. Маккенна убеждал депутатов парламента: «Наше горячее желание состоит в том, чтобы вообще не вмешиваться в обычный ход коммерции и предоставить коммерсантам самим устроить их дела»³⁰. А в конце периода «обычного бизнеса», в феврале 1915 г., министр торговли У. Рансимен высказал в палате общин мысль о том, что «величайший вклад, какой может сделать правительство, — это вновь заверить деловой мир в отсутствии у него планов государственного вмешательства»³¹.

В этом свете гораздо отчетливее рисуется подлинная цель чрезвычайного законодательства военного времени: борьба с рабочим движением внутри страны, мобилизация людских ресурсов.

Согласно DORA № 2 от 28 августа 1914 г. правительство по своему усмотрению могло распространять положения этого закона на рабочих отдельных предприятий и даже отраслей промышленности³², а по сводному «Закону о защите королевства» от 27 ноября 1914 г. адмиралтейство и совет армии получили диктаторские полномочия в отношении рабочих военной промышленности³³. Особое значение имело изданное на основе DORA «Постановление № 42», направленное против «препятствий к росту производства», т. е. в первую очередь против стачечной борьбы трудящихся³⁴. Тем самым уже в начале войны был заложен юридический фундамент государственного регулирования отношений между трудом и капиталом в интересах буржуазии.

3. Государственное регулирование трудовых отношений на «добровольной» основе

Вплоть до весны 1915 г. правительство практически не прибегало к тем мерам, применять которые разрешало ему чрезвычайное военное законодательство в области регулирования трудовых отношений. И объяснялось это вовсе не «страхом власти» или верностью традициям невмешательства государства. Главную роль сыграла позиция лидеров рабочего движения. В течение недели, с 7 по 15 августа 1914 г., руководство основных массовых рабочих организаций Англии, от исполкома лейбористской партии до правления Генеральной федерации тред-юнионов, выступило в поддержку буржуазной идеи «гражданского мира»³⁶, а 24 августа специальная конференция, созванная Британским конгрессом тред-юнионов (БКТ), Генеральной федерацией тред-юнионов и лейбористской партией, одобрила положение о «мире в промышленности»³⁶.

В первое военное полугодие «промышленный мир» в Англии сохранялся не только соединенными усилиями оппортунистов в рабочем движении и шовинистической прессы. Сокращению числа стачек во многом способствовали объективные экономические условия. Массовая кампания по набору в армию позволила резко сократить безработицу³⁷. Число безработных членов профсоюзов, возросшее в первый месяц войны с 2,8 до 7,1%, затем неуклонно снижалось: в сентябре — до 5,6, в октябре — до 4,4, в ноябре — до 2,9%³⁸, а с начала 1915 г., в связи с расширением военного производства, безработица в стране практически исчезла. Соответственно резко сократилось и число участников забастовок: если в июле 1914 г. бастовало около 100 тыс. человек, то в августе — менее 5, в сентябре — 13, в октябре — 20, в ноябре — 8 и в декабре — 3 тыс. человек³⁹.

Переход в конце 1914 г. к позиционной войне на Западном фронте и «промышленный мир» внутри страны создали у британских правящих кругов иллюзию стабильности положения. Но это продолжалось недолго. Уже в январе 1915 г. число стачек вновь увеличилось, а начавшаяся в середине февраля крупная стачка на судостроительных верфях р. Клайд в Шотландии, по определению советского историка М. М. Карлинера, «знаменовала перелом в рабочем движении военного периода»⁴⁰. Только в одной этой стачке, продолжавшейся около месяца, участвовали свыше 10 тыс. рабочих 15 судостроительных и машиностроительных заводов Клайда.

Интересы рабочих на переговорах с предпринимателями традиционно представляло руководство соответствующих тред-юнионов. Но исполком Объединенного общества машиностроителей, свято соблюдая условия «промышленного мира», объявил Клайдскую стачку «незаконной» и призвал рабочих вернуться к станкам. Призыв этот, впрочем, успеха не имел. Стачку же возглавил комитет шоп-стюардов — цеховых старост, избранных без санкции цент-

ральных органов профсоюзного руководства. Во главе стачечного комитета на Клайде стоял пламенный революционер Уильям Галлахер.

Все попытки предпринимателей запугать рабочих, а руководства тред-юниона расколоть их разбились об единство и сплоченность бастующих. После того как 24 февраля было проведено голосование и свыше 90% рабочих высказались за продолжение стачки⁴¹, последней надеждой предпринимателей стало вмешательство государства. Департамент труда министерства торговли издал приказ, предписывавший забастовщикам приступить к работе с 1 марта, а вопрос об изменении заработной платы передать на рассмотрение арбитражного суда; в случае отказа рабочих выполнить его приказ предусматривал проведение принудительного арбитража⁴².

Угроза принудительного арбитража не сломила рабочих: стачка была прекращена организованно, в сроки, определенные стачечным комитетом, а не правительством. Последнее не могло не учитывать ненависти рабочих к самой идее принудительного арбитража. Приказ департамента труда стал в этом смысле «пробным камнем»: в тот же день, когда он был опубликован, 26 февраля, кабинет приступил к обсуждению очередных поправок и дополнений к DORA, среди которых была и статья о принудительном арбитраже в случае трудовых конфликтов на военных предприятиях. Клайдская стачка немало способствовала тому, что статья эта была отвергнута. Разумеется, это не означало, что правительство вообще отказалось от такого средства борьбы с рабочим движением. Просто в сложившихся условиях оно считало опасным оказывать прямой нажим на рабочих, полагая, что использованы еще далеко не все возможности сохранения «промышленного мира». Как позже признавался Ллойд Джордж, он «решил посмотреть, что можно сделать для достижения этой же цели (усмирения рабочих. — С. С.) путем добровольного соглашения с тред-юнионами»⁴³.

Как показали события февраля — марта 1915 г., и прежде всего стачка на Клайде, «промышленный мир», односторонне декларированный руководством тред-юнионов и лейбористской партии, продержался едва полгода. Рабочее движение стало постепенно выходить из-под контроля оппортунистического руководства. Стремясь сохранить свое влияние на рядовых членов тред-юнионов, их лидеры обратились за помощью к правительству⁴⁴. В свою очередь добровольное соглашение с тред-юнионами, как мы видели, вполне устраивало правительство.

Укрепление «мира в промышленности» авторитетом государства, т. е. отказ профсоюзного руководства от стачек в пользу правительственного арбитража на весь период войны, должно было стать центральным пунктом намечавшегося соглашения правительства и тред-юнионов. Следует подчеркнуть, что государство ни в коем случае не являлось «третьей силой», стремившейся примирить конфликты рабочих с предпринимателями.

Оно с самого начала выступало представителем интересов буржуазии и чем дальше, тем все более превращалось из «поверенного в делах» в «совокупного капиталиста».

Идя на соглашение с руководством тред-юнионов, правительство стремилось решить и еще одну проблему, требовавшую государственного вмешательства. Речь идет о так называемом разводнении труда («the dilution of labour»). Война потребовала создать невиданную в английской истории сухопутную армию. Отсутствие всеобщей воинской повинности привело к тому, что в первые месяцы войны, когда комплектование армии на добровольной основе казалось чрезвычайно сложным делом, каких-либо ограничений на вступление в армию не существовало. Многие рабочие, в том числе и высококвалифицированные, поддавшись шовинистическому угару, стали солдатами. Уже осенью 1914 г. дефицит квалифицированной рабочей силы стал ощущаться во многих отраслях промышленности, а в начале следующего года не хватало зачастую и неквалифицированных рабочих.

Жесткие цеховые правила старых тред-юнионов запрещали использование неквалифицированных рабочих на операциях, требующих квалифицированного труда. Чтобы обойти их, предприниматели изменяли технологический процесс (одна сложная операция дробилась на ряд более простых и мелких), оборудование (например, заменяли токарные станки, работа на которых требует высокой квалификации, на револьверные) и т. п., но эти меры требовали времени и денег, а в военных условиях не хватало ни того, ни другого. Главной целью атак промышленных капиталистов стали поэтому права тред-юнионов, а наступление на эти завоеванные длительной борьбой рабочих и официально признанные буржуазным правом привилегии профсоюзов могло увенчаться успехом только при поддержке капиталистической государственной машины. Борьба рабочих против «разводнения труда» по существу была борьбой против снижения жизненного уровня трудящихся, ибо широкая замена квалифицированного труда неквалифицированным означала прежде всего резкое сокращение заработной платы всем отрядам рабочего класса и увеличение прибылей капиталистов.

Первые попытки предпринимателей убедить тред-юнионы в необходимости изменить профсоюзные правила «ради поддержания военных усилий» были сделаны еще в августе 1914 г. на судостроительных верфях Клайда и Тайна в Шотландии⁴⁵. Они не встретили сочувствия рабочих. В ноябре судостроительные компании повторили атаку, но с тем же успехом. Все усилия отдельных предпринимателей договориться с соответствующими тред-юнионами терпели провал. Единственным исключением из этого правила была Федерация предпринимателей машиностроительной промышленности, которой в конце ноября все же удалось заключить с руководством Объединенного общества машиностроителей так называемое Крайфордское соглашение, по

которому во время войны допускалось использование женского труда при работе на «полностью автоматических механизмах»⁴⁸.

В самом начале 1915 г. с призывом к тред-юнионам отменить профсоюзные ограничения и полюбовно договориться с предпринимателями обратились военное министерство и адмиралтейство, а также постоянный секретарь министерства торговли Л. Смит⁴⁷. Следуя этому призыву, предприниматели опять попытались договориться с рабочими и вновь неудачно⁴⁸.

Этот провал, по-видимому, окончательно убедил правительство, что одними призывами делу не поможешь⁴⁹. С другой стороны, прямое вмешательство государства в решение конфликтов рабочих и капиталистов казалось правительству весьма опасным предприятием даже в условиях войны: позиция тред-юнионов в отношении ограничения их прав была достаточно твердой, опыт государственного регулирования трудовых отношений был крайне мал⁵⁰, а начавшийся рост выступлений рабочих сулил большие неприятности. Либеральное правительство поэтому не спешило с переходом к решительным действиям; оно прежде решило определить, какой из двух путей — убеждения или принуждения — позволит быстрее достичь цели.

В начале февраля был образован специальный правительственный комитет по вопросам организации производства на выполняющих государственные заказы предприятиях машино- и судостроительной промышленности. На основе анализа положения в металлообрабатывающей отрасли этот орган должен был помочь правительству выбрать верный путь, ибо в его задачи, помимо изучения и разработки организационных мероприятий, входило и определение наиболее приемлемых форм государственного регулирования⁵¹.

В своем первоначальном виде комитет просуществовал всего месяц (с 4 февраля по 4 марта), но за это время успел опубликовать три доклада. Основные идеи комитета по вопросам «разводнения труда» и государственного регулирования были изложены во втором докладе, появившемся 20 февраля. Комитет достаточно определенно высказался за государственный арбитраж⁵² и менее определенно — за отмену профсоюзных ограничений. 4 марта 1915 г. комитету были даны полномочия правительственного арбитра в решении трудовых споров в отраслях промышленности и работающих «на казну», а после создания в мае министерства вооружений он стал центральным государственным арбитражным судом, действовал до конца войны, постепенно расширяя сферу своей юрисдикции, и за годы войны вынес более 3,5 тыс. постановлений⁵³.

К середине марта 1915 г. в британской промышленности сложилась следующая ситуация. Предприниматели, стремясь с наибольшей для себя выгодой использовать военную конъюнктуру, добивались сокращения издержек производства за счет снижения жизненного уровня трудящихся (интенсификация и

«разводнение труда»). Потерпев неудачу в частных переговорах с тред-юнионами, они вынуждены были обратиться за помощью к правительству. Вопрос о допустимости государственного вторжения в сферу отношений труда и капитала на производстве был тем самым решен, но оставалось определить его формы и методы. Правительство склонялось к методу принуждения или, по крайней мере, не отвергало его, в то же время позиция лидеров тред-юнионов еще позволяла сделать последнюю попытку достичь соглашения путем переговоров.

Конференция представителей тред-юнионов и правительства состоялась 17—19 марта 1915 г. В ней приняли участие: от британского кабинета — министр торговли У. Рансимен и министр финансов Д. Ллойд Джордж⁶⁴; от профсоюзов — делегаты крупнейших тред-юнионов страны во главе с А. Гендерсоном, генеральным секретарем БКТ. Итогом конференции явился подписанный 19 марта документ «Ускорение выпуска продукции по правительственным заказам», более известный как «Казначейское соглашение».

Соглашение подтвердило, теперь уже и авторитетом государства, состояние «промышленного мира», т. е. отказ тред-юнионов от стачечной борьбы. Все спорные вопросы подлежали решению арбитражного суда, постановления его признавались окончательными. Идея принудительного государственного арбитража, которая вынашивалась правительством, тем самым воплощалась в реальную форму, правда, пока еще не на формально-юридической базе, а на основе «добровольного» согласия лидеров тред-юнионов. Это был «добровольно-принудительный арбитраж». Разумеется, дело заключалось не в форме, а в сути — в возможности широкого использования нового средства в борьбе с забастовками⁶⁵.

В самом тексте «Казначейского соглашения», впрочем, вопросы сохранения «мира в промышленности» и государственного арбитража оказались оттесненными на второй план, центральное место заняла проблема «разводнения труда». Тред-юнионы обязались осуществить «такие изменения условий труда и профессиональных традиций, которые могут понадобиться для ускорения производства вооружений и военного снаряжения»⁶⁶. Собственно, эта фраза была насквозь демагогической, ибо четко разграничить военное и невоенное производство было чем дальше, тем труднее, а потому ограничение профсоюзных прав и традиций могло затронуть любую отрасль промышленности, любое предприятие.

В ходе конференции Ллойд Джордж и другие представители правительства неоднократно заверяли тред-юнионы в том, что соглашение будет действовать лишь в период войны, что оно не повлечет за собой серьезного снижения жизненного уровня трудящихся и что правительство примет меры к ограничению военных прибылей капиталистов⁶⁷ (все это было заведомой ложью), но эти обещания не были отражены в тексте соглашения.

В этой обстановке представители двух тред-юнионов — машиностроителей и шахтеров — из числа участников конференции отказались подписать соглашение, сославшись на недостаточность своих полномочий.

Отказ машиностроителей фактически обесценивал соглашение, ибо в системе военного производства они имели значение не меньшее, чем сборочный цех на заводе. Ллойд Джорджу пришлось приложить немало усилий, чтобы склонить лидеров Объединенного общества машиностроителей присоединиться к соглашению. 25 марта он провел 2-ю Казначейскую конференцию, на которой машиностроители согласились одобрить документ от 19 марта, но потребовали включить в него правительственные гарантии. Ллойд Джорджу и Рансимену пришлось не только письменно подтвердить обещание о восстановлении привилегий профсоюзов по окончании войны, но и впервые официально заявить о намерении правительства ограничить военные прибыли капиталистов⁵⁸.

Последнее обстоятельство несколько смутило буржуазию: сообщения о 2-й Казначейской конференции в буржуазных газетах носят более лаконичный и сухой характер, чем победные реликвии об итогах первой⁵⁹. И все же реальный выигрыш от согласия тред-юнионов на «разводнение труда» и арбитраж, с точки зрения капиталистов, с лихвой перекрывал их опасения, что военные прибыли сократятся. Словом, «Казначейское соглашение» стало победой буржуазии, что, кстати, подтверждается и совершенно определенной реакцией рядовых членов тред-юнионов, которые оценили конференцию как «предательство их интересов»⁶⁰.

Более подробного комментария, однако, требует оценка конференции лидерами тред-юнионов, лейбористской партии и другими оппортунистами. Вскоре после окончания войны один буржуазный экономист заметил, что Казначейская конференция отнюдь не решила поставленных перед ней проблем, она «не более чем привлекла внимание» к ним⁶¹. В этом есть доля истины: значение любого решения можно понять, только осуществив его на практике, т. е. говоря словами старой английской пословицы, «чтобы узнать вкус пудинга, надо его отведать». В соответствии с «Казначейским соглашением» для его практической реализации 31 марта был учрежден Национальный рабочий консультативный комитет из членов профсоюзной фракции участников Казначейской конференции, а на местах были созданы «комиссии военного производства», в которые включались представители предпринимателей и рабочих под руководством государственного чиновника⁶². И хотя эффективность работы этих органов (а Национальный комитет просуществовал до конца войны) приближалась к нулю, они все же существовали.

Сам факт создания такого аппарата вызвал бурный восторг оппортунистов. В самом деле, можно было сколько угодно называть Казначейскую конференцию «славной», но нельзя было

скрыты очевидного: в «Казначейском соглашении» профсоюзы отступили по всем пунктам. Другое дело — аппарат для проведения в жизнь решений конференции. Ведь если забыть о сущности этих органов, о том, с какой целью и в чьих интересах они были созданы, то можно всерьез подумать, что рабочие добились большой победы: они на паритетных началах с предпринимателями допущены к участию в «управлении производством», а Национальный комитет — это же *государственный* орган, целиком составленный из *рабочих* (сиречь представителей профсоюзной верхушки, что для оппортуниста равнозначно)!

Оппортунисты всех мастей наперебой старались убедить рабочих, что о большем те не могли и мечтать. Сделан «последний шаг к коллективизму»⁶³, — утверждали социал-шовинисты из газеты «Justice». Лейбористский идеолог Дж. Коул восхвалял комиссии военного производства, ибо они, по его мнению, «войдут в историю как первое определенное и официальное признание права рабочих сказать свое слово в вопросах управления производством»⁶⁴. А о такой мелочи, как снижение жизненного уровня, и говорить не стоит...

Стремление подменить классовую борьбу «сотрудничеством» классов и при этом выдать его за осуществление «социалистического идеала» — это черта, имманентно присущая оппортунизму в любой его ипостаси. В этом смысле эпизод с Казначейской конференцией далеко не оригинален. Но в данном случае имелось одно обстоятельство, на которое нельзя не обратить внимания. Формально Национальный комитет действительно был государственным органом, а комиссии военного производства возглавлялись правительственными уполномоченными и являлись государственным учреждением. Иными словами, туманная идея оппортунистов о классовом сотрудничестве в рамках капиталистического строя была впервые практически реализована как сотрудничество тред-юнионов и буржуазного государства.

Важно отметить, что Казначейская конференция представляла собой первую реальную попытку государственного вмешательства в управление производством, а также государственного регулирования трудовых отношений. Социальный фактор — рост классовой борьбы трудящихся — явился важным стимулом развития государственного вмешательства в экономику. Не случайно тот же Коул даже через несколько лет после войны именно создание комиссий военного производства считал начальным пунктом отхода от принципа «laissez faire»⁶⁵; с другой стороны, государственное вмешательство открывало перед руководством английского рабочего движения радужные перспективы. С этого времени понятия «государственное регулирование» и «социализм» в трактовке британских оппортунистов становились все более тождественными.

Практическое значение «Казначейского соглашения», впрочем, было невелико; точнее говоря, конференция потерпела неудачу⁶⁶ как в плане борьбы со стачками, так и в проведении

«сразводнения труда». Провал Казначейской конференции, последней попытки договориться с тред-юнионами, породил у правящих кругов Великобритании настойчивое желание обуздать непокорных рабочих иными средствами. Метод убеждения, по их мнению, себя исчерпал — требовалось прибегнуть к методу принуждения. В апреле—мае 1915 г. это стремление английских капиталистов одним ударом покончить с сопротивлением рабочих приобретает четкую форму идеи «промышленной конскрипции», т. е. принудительной трудовой повинности.

В Англии, где не существовало даже обязательной воинской повинности, введение повинности трудовой наталкивалось на серьезные препятствия, главным из которых была опасность решительных выступлений рабочего класса. Это отлично понимала буржуазия. «Предприниматели, которые знают характер английских рабочих и знают тред-юнионы,— писал журнал «Economist»,— понимают, что угрозы, возникающие в результате принуждения, гораздо более серьезны, чем те трудности, которые таким принуждением и бюрократическим вмешательством думают излечить»⁶⁷. Были и другие опасения вплоть до возможности применения конскрипции не только к бедным, но и к богатым⁶⁸, однако основной оставалась боязнь рабочих выступлений, тем более реальная, что именно в ходе борьбы против любых форм конскрипции в мае 1915 г. во многих городах Англии состоялись первые антивоенные митинги и демонстрации⁶⁹.

И все же, несмотря на все трудности и опасения, введение всеобщей воинской и трудовой повинности казалось британской буржуазии единственным возможным выходом из сложившейся ситуации. Одним из самых активных сторонников идеи «национальной службы» (такой универсальной повинности, когда мобилизованным считался бы каждый гражданин Британской империи, а его место на фронте или на производстве определяло бы правительство) стал Д. Ллойд Джордж. Его особенно привлекала возможность государственного регулирования рабочей силы, когда «рабочие могут быть посланы на тот или другой завод, смотря по тому, где министр сочтет их наиболее нужными и полезными»⁷⁰.

К началу лета 1915 г. требования конскрипции и милитаризации труда стали самыми популярными лозунгами английской буржуазии. Оставалось только придать им соответствующее юридическое оформление. Началась разработка законодательных предложений, причем обе буржуазные партии выступали в этом вопросе единым фронтом. «Жизненно важный вопрос конскрипции,— отмечал либеральный публицист К. Кук,— наконец-то выступил на арену практической политики... и... в случае необходимости обе партии государства будут готовы одобрить ее введение»⁷¹. Более того, на введение конскрипции готовы были согласиться и лейбористские депутаты парламента; они хотя и пытались связать этот вопрос с требованием обложения воен-

ных сверхприбылей капиталистов, но лишь для того, чтобы не потерять своего влияния на массы рабочих.

Буржуазные сторонники скорейшего введения всеобщей воинской повинности учитывали не только потребности фронта, но и внутреннюю ситуацию. В связи с началом нового подъема стачечной борьбы в первой половине 1915 г. правительство дважды — в феврале и в апреле — использовало солдат при подавлении стачек на отдельных предприятиях, но не для разгона бастующих рабочих, а в качестве штрейкбрехеров⁷². В обоих случаях результаты были очень неплохими для предпринимателей, и этот небольшой эксперимент укрепил капиталистов в их стремлении поставить все мужское население Британских островов под ружье.

Первым шагом в данном направлении стало принятие билля о «Национальной регистрации», внесенного в парламент в конце июня и ставшего законом в начале июля 1915 г. Согласно ему все мужское население страны в возрасте от 15 до 65 лет подлежало обязательной регистрации. Хотя буржуазная пресса пыталась доказать, что речь идет просто об очередной переписи⁷³, смысл этой меры был совершенно очевиден для рабочих: закон о «Национальной регистрации» призван был стать фундаментом для проведения воинской и трудовой конскрипции, т. е. для создания системы «национальной службы».

Однако, как показало дальнейшее развитие событий, главным орудием милитаризации труда и закабаления рабочих стал не этот закон и даже не система «национальной службы», а принятый одновременно с «Законом о национальной регистрации» «Закон о производстве вооружений». История появления, причины, обусловившие его необходимость, и значение закона для создания всей системы государственно-монополистического регулирования в Англии настолько важны и интересны, что заслуживают более пристального рассмотрения.

4. Министерство вооружений

«Акт о производстве вооружений» обязан своим происхождением сложному комплексу экономических, социальных и политических причин. Переход с начала 1915 г. к позиционной войне на Западном фронте означал крах надежд на быстрое ее окончание и необходимость разработки новой стратегии и тактики ведения боевых действий. Главной задачей генеральных штабов и правительств воюющих стран становилась забота не столько о «пушечном мясе», сколько о «пушечном хлебе», иными словами — мобилизация не только людских, но в первую очередь материальных ресурсов.

В Англии традиционная система снабжения военным снаряжением все менее и менее способна была удовлетворить нужды фронта. Центральным органом, ведавшим поставками для армии, было созданное еще в период Крымской кампании управление армейских контрактов военного министерства. Правда,

после англо-бурской войны управление было упразднено, но уже в 1907 г., в связи с началом подготовки к европейской войне, пост управляющего по контрактам для армии был восстановлен. Юридически управление контрактов являлось гражданским органом, ответственным перед министерством финансов, и в круг его обязанностей входило лишь установление непосредственных контактов с частными фирмами-поставщиками, ведение переговоров с ними, заключение и финансирование сделок. Определение объема, качества и спецификаций необходимых поставок относилось к компетенции совета армии, в частности генерал-интенданта, и подчиненных ему ведомств военного министерства. Накануне первой мировой войны весь штат управления состоял из 56 сотрудников, а стоимость ежегодно совершаемых им сделок оценивалась в 5—6 млн. ф. ст.⁷⁴

Помимо частных фирм армию снабжали вооружением и государственные заводы — «арсеналы», такие как арсеналы в Вулвиче, Ипсвиче, Пимлико и др. В мирное время государственные заводы давали не более трети необходимого армии вооружения и не более половины аммуниции. И дело было вовсе не в том, что их производственные мощности не могли справиться с заказами армии. «Расширение прямого государственного производства,— справедливо отмечал Э. Ллойд,— вероятно, было бы оправдано с точки зрения эффективности и с позиций экономики, но подобное развитие отвергалось из соображений политики»⁷⁵. Еще в 1887 г. специальный правительственный комитет, обследовавший положение дел на государственных военных предприятиях, в своем докладе с тревогой указывал на то, что эти заводы «обнаруживают тенденцию к неоправданному расширению в ущерб частным предприятиям»⁷⁶. Именно в том, что государственные заводы могли составить конкуренцию «частной инициативе», буржуазия усматривала главную опасность роста производства в государственном секторе. В то же время правительство не могло допустить и обратного, т. е. закрытия своих заводов, ибо их существование до некоторой степени служило гарантией доброкачественности продукции частных фирм, а ведь речь шла о поставщиках для армии — важнейшего органа буржуазного государства, охраняющего интересы всего класса капиталистов.

Аппарат военных поставок в Англии был достаточно эффективным в мирное время, но с началом войны положение изменилось. Срывы в работе управления армейских контрактов вызывались не только резким увеличением численности сухопутных войск, но и тем, что Англия стала членом Антанты. 18 августа 1914 г. между Англией и Францией было подписано «Соглашение о создании международной закупочной комиссии»⁷⁷, по которому военные чиновники Франции получили возможность заключать сделки с английскими поставщиками, минуя управление контрактов, хотя и при посредничестве министерства торговли. Последнее без особого труда находило в Англии предпринимателей,

не связанным контрактами с военным министерством и готовых производить военное снаряжение (например, конскую сбрую, походный инвентарь и т. п.) по упрощенной технологии. В результате французские войска оказались в изобилии обеспечены снаряжением английского производства (правда, качеством похуже, чем поставлялось британской армии), тогда как управление контрактов безуспешно пыталось решить задачу сохранения качества продукции при резком увеличении потребного количества ее в условиях быстрого роста цен и развития спекуляции на всех уровнях, по-прежнему имея дело с традиционным кругом привилегированных частных фирм-поставщиков.

Когда в октябре 1914 г. главнокомандующий английскими вооруженными силами генерал Китченер, регулярно получая от командующего экспедиционным корпусом во Франции генерала Френча требования улучшить снабжение войск, узнал о том, как британское министерство торговли способствует организации снабжения французской армии, он немедленно сместил директора управления контрактов и назначил на этот пост Ф. Винтора, ответственного чиновника министерства торговли, того самого, кто столь успешно помогал французам в организации закупок. В начале ноября Ф. Винтор представил доклад, основная мысль которого сводилась к необходимости учреждения единого правительственного органа, ведающего всеми вопросами военного снабжения и наделенного полномочиями по организации военного производства⁷⁸. Последнее предложение явилось причиной того, что его рекомендации не были реализованы вплоть до конца мая следующего года. Правительство было убеждено, что неограниченная свобода частной инициативы предпринимателей и высокие закупочные цены на их продукцию — два столпа политики «бизнес как обычно» — позволят наилучшим образом наладить военное снабжение. Да и вряд ли можно было рассчитывать на то, что либеральные министры, всю свою политическую жизнь посвятившие борьбе с протекционизмом, с одной стороны, и социализмом — с другой, в несколько недель сделаются поборниками методов государственного регулирования экономики.

Одним из первых членов кабинета, осознавших значение вопросов военного снабжения в войне такого масштаба, был Д. Ллойд Джордж. Ему как министру финансов было формально подчинено управление контрактов, так что информацию о состоянии дел этого органа он получал «из первых рук»⁷⁹. Кроме того, уже в начале войны Ллойд Джордж стремился всемерно расширить и укрепить контакты с представителями делового мира, среди которых было немало желающих иметь выгодные государственные заказы, но не входивших в число клиентов управления контрактов. Ллойд Джордж прекрасно усвоил, что война — «это настоящий урожай для фирм, поставляющих вооружение»⁸⁰, и, значит, политик, представляющий их интересы в правительстве, может с уверенностью рассчитывать на могущественную поддержку.

22 февраля 1915 г. министр финансов представил на рассмотрение кабинета меморандум, в котором предложил создать специальную комиссию «для изучения вопроса о состоянии военного снабжения», расценивая его улучшение как «первую и величайшую трудность»⁸¹. Этот меморандум, как и проект Винтора, был положен под сукно, а сам Ллойд Джордж в то время еще не считал нужным настанывать. Он готовился к борьбе за пост премьер-министра, и проблема организации военного снабжения могла стать его козырной картой, но для этого нужно было выждать подходящий момент, накапливая данные о неспособности Асквита и Китченера справиться с ее решением и исподволь готовя общественное мнение.

Разумеется, было бы наивно полагать, что отказ от принципов «laissez faire» и решительный переход к государственному регулированию военного производства целиком являются заслугой «кокаянного валлийца». Этот поворот был подготовлен не только всем ходом развития британской экономики, но и объективными условиями войны невиданных прежде масштабов. Мировая война потребовала такого напряжения экономики всех воюющих держав и такой реорганизации производства, справиться с которыми прежними методами хозяйствования было уже невозможно. Рано или поздно должен был наступить кризис. Тот факт, что Ллойд Джордж, человек непомерного честолюбия, располагавший к тому же достаточной информацией, сумел верно оценить значение надвигавшегося кризиса и использовать его в своих интересах с присущей ему энергией и целеустремленностью, возможно, несколько ускорил процесс, но отнюдь не вызвал его.

Начиная с апреля 1915 г. буржуазная пресса все чаще упоминает о «снарядном голоде», а консервативная оппозиция открыто связывает неудачи британских войск с недостатками военного снабжения⁸². Ллойд Джордж более не считает нужным оставаться в тени. По его инициативе 16 апреля кабинет принял решение учредить независимый от военного министерства комитет военного снабжения, в состав которого вошли крупные промышленники и банкиры (в частности, А. Бальфур и ближайший соратник Ллойда Джорджа финансист Э. Монтегю), а председателем стал, конечно же, министр финансов⁸³. Это еще не победа, ибо полномочия комитета четко не определены, а Асквит и Китченер продолжают публично отвергать слухи о недостатке вооружения у союзных армий, но это уже большой шаг к ней: созданием комитета Ллойд Джордж ясно дал понять, в какой области он теперь намерен искать применения своим талантам.

Развязка наступила месяц спустя. 14 мая Китченер на заседании кабинета признал, что армии Антанты терпят неудачи на всех фронтах⁸⁴. В тот же день в «Times» был опубликован репортаж из Франции, в котором прямо указывалось, что «отсутствие неограниченного подвоза снарядов большой мощности стало фатальной преградой на пути к успеху»⁸⁵. А когда через два дня «Daily Mail» выступила с большой статьей «Скандал со снаря-

дами», к тому же снабженной подзаголовком «Трагическая ошибка лорда Китченера», военная цензура потребовала уничтожить весь тираж газеты. Сжечь его удалось, но замять скандал было уже невозможно — из уст в уста передавались все более чудовищные слухи, а слова генерала Френча «мяч уже попал к нам в ноги; если бы не нехватка вооружения, мы могли бы забить его» цитировались в каждой английской семье⁸⁶. Скандал завершился правительственным кризисом.

Майский кризис либерального правительства Г. Асквита был подготовлен всем развитием внутривнутриполитической борьбы в Англии. По свидетельству русского обозревателя, характерной чертой политической жизни страны с весны 1915 г. стало «постоянное возрастание appetitов к власти среди оппозиции»⁸⁷. Консерваторы умело использовали все промахи кабинета либералов: и неизменные военные неудачи (особенно провал Галлиполийской операции), и отставку первого морского лорда Фишера (из-за его расхождений с первым лордом адмиралтейства Черчиллем «в вопросах оперативного планирования морских операций»), и нежелание правительства всерьез заняться проблемами реорганизации хозяйства, и неспособность справиться с ростом рабочего и антивоенного движения. Скандал со снарядами стал, таким образом, лишь последней каплей.

Принципиальное решение об образовании коалиционного правительства с участием либералов, консерваторов и лейбористов было принято 20 мая на совещании лидеров двух главных политических партий. Накануне совещания «Times», развивая тезис своего владельца лорда Нортклифа о необходимости «дележа власти поровну», предостерегала консерваторов от опасности создания такой «фальшивой коалиции, которая лишь поглотила бы в себе избранное меньшинство, выхваченное из оппозиции»⁸⁸.

В новом кабинете, как и в новом правительстве, состав которых был объявлен 26 мая, либералы сохранили за собой около 60% мест, а консерваторы получили примерно 40% (соответственно 12 и 8, 37 и 24)⁸⁹. Кроме того, на посту военного министра остался «беспартийный» лорд Китченер, и впервые членом британского кабинета министров был назначен лейборист Артур Гендерсон, получивший портфель председателя палаты местного управления. Все ключевые министерства остались в руках либералов, как и пост премьер-министра, вновь занятый Гербертом Асквитом. Из консерваторов, пожалуй, лишь Бонар Лоу и Бальфур получили ведущие министерские должности: Бальфур заменил Черчилля на посту руководителя адмиралтейства, а Бонар Лоу стал министром по делам колоний.

Если газеты консервативного направления достаточно сдержанно оценили результаты распределения министерских портфелей, то либеральная пресса, стремясь «позолотить пилюлю», восторженно комментировала создание коалиции. «Вступление г-на Бальфура, лорда Ленсдауна и г-на Бонар Лоу в кабинет,—

писал журнал «XIX Century and After», — нелзя расценивать иначе как сошествие мудрости в правительство»⁹⁰. В то же время упомянутый либеральный журнал, называя включение лейбористов в правительство (в начале июня его членами стали еще два лейбориста — Робертс и Брэйс) «сомнительным приемом», высказывал обоснованные опасения в том, что «официальное объединение парламентских лидеров лейбористской партии с правительством, благодаря развитию недоверия и подозрительности в среде трудящихся классов, неизбежно лишит их даже той доли авторитета и влияния, которыми они пока еще обладают»⁹¹. Напротив, консервативная «Times» приветствовала назначение Гендерсона министром кабинета⁹². Наиболее дальновидные буржуазные политики, в их числе Бонар Лоу и Ллойд Джордж, готовились к решительному наступлению на права трудящихся и стремились поэтому заручиться поддержкой социал-предателей из числа рабочих лидеров, а заодно и подготовить «громоотвод» на случай взрыва народного возмущения.

Важнейшим звеном антирабочей политики правительства и одновременно главным средством реорганизации экономики стал новый государственный орган — министерство вооружений. В составе коалиционного кабинета впервые появился новый пост — министра вооружений. Им стал Д. Ллойд Джордж. Такое решение Ллойд Джорджа, бывшего раньше вторым человеком в правительстве (именно таково в британской «табели о рангах» положение министра финансов — канцлера казначейства), в то время обескуражило многих. Возможно, в какой-то момент испытывал колебания и сам Ллойд Джордж⁹³. Но это продолжалось недолго. Остаться на посту министра финансов в условиях, когда военные расходы росли не по дням, а по часам, означало добиваться все новых налогов, что не сулило широкой популярности и симпатий делового мира. С другой стороны, новая сфера деятельности, в важности которой он уже не сомневался, открывала заманчивые перспективы. Не случайно, сын Ллойда Джорджа позже заметил, что, став министром вооружений, его отец словно бы получил еще дюжину невидимых министерских портфелей⁹⁴.

На первых порах штат министерства вооружений, помимо самого министра, состоял лишь из его помощника Кристофера Аддисона и стенографистки Ф. Стивенсон. Впрочем, подбор сотрудников не составлял труда для Ллойда Джорджа: в скором времени ответственными работниками нового министерства были назначены как представители бизнеса (Э. Геддес, Дж. Бут и др.), так и организаторы производства — экономисты, администраторы, инженеры (У. Биверидж, У. Лейтон, А. Боули и др.).

Более сложной казалась другая задача — определение и законодательное оформление статуса министерства вооружений. Ллойд Джордж взялся за разработку соответствующего билля. Это, однако, вовсе не означало, что министр заперся в своем кабинете; наоборот, в течение трех недель после реорганизации правительства он непрерывно находился в разъездах. «Я ездил

по стране... — писал он в мемуарах, — беседа с рабочими, сглаживая затруднения в области труда, улаживая конфликты»⁹⁶. Действительно, главная трудность состояла в том, чтобы убедить вождей тред-юнионов на местах согласиться с основными положениями нового закона. Деятельность Ллойд Джорджа принесла свои плоды: 16 июня проект был поставлен на обсуждение совещания с участием членов правительства и представителей тред-юнионов машиностроителей и получил их одобрение⁹⁶.

23 июня 1915 г. Ллойд Джордж внес билль на рассмотрение парламента⁹⁷. Серьезной дискуссии не состоялось, и 2 июля билль стал «Законом о производстве вооружений»⁹⁸. Следует отметить, что в законе была сделана попытка разграничить сферы деятельности министерства вооружений, с одной стороны, и соответствующих органов военного министерства и адмиралтейства — с другой, но это оказалось не просто. В дальнейшем на практике разделение труда было следующим: министерство вооружений ведало тяжелой промышленностью и машиностроением, военные органы — легкой, текстильной и пищевой промышленностью, продукция предприятий министерства вооружений поступала в арсеналы, а военных органов — в интендантство, и, наконец, деятельность министерства вооружений лишь косвенно затрагивала потребности населения, военные же ведомства имели дело с теми же источниками, из которых снабжалось и население⁹⁹. Эти различия оказали существенное влияние на развитие форм и методов государственного вмешательства.

«Акт о производстве вооружений» четко не регламентировал взаимоотношений между государством в лице министерства вооружений и владельцами предприятий. Хотя формально он предоставлял министерству вооружений широкие права в распределении государственных заказов, определении объема и номенклатуры продукции военных заводов, получении кредитов и сырья, вплоть до права фиксации максимума цен на продукцию и ее реквизиции, но фактически эти положения нового закона лишь повторяли и подтверждали полномочия государства по DORA. Конкретный порядок осуществления указанных полномочий установлен не был, и это делало государственный контроль в отношении предпринимателей весьма относительным.

Тем не менее понятие «контролируемые предприятия» (предприятия, на которые распространялись положения «Акта о производстве вооружений»), впервые сформулированное в новом законе, было наполнено конкретным содержанием. Дело в том, что закон самым подробным образом регламентировал взаимоотношения между государством и рабочими военной промышленности. К числу «контролируемых предприятий» он относил все предприятия, производящие или способные производить вооружение, боеприпасы, боевую технику и другие виды военного снаряжения, а также те предприятия других отраслей промышленности и транспорта, которые обеспечивали работу первых. На предприятиях, включенных в сферу деятельности министерства воору-

жений и контролируемых им, согласно «Акту о производстве вооружений» вводился принудительный арбитраж. Стаечная борьба объявлялась вне закона — виновные в нарушении этого пункта подлежали уголовной ответственности, предусмотренной § 2 второго раздела «Акта».

Для проведения в жизнь принудительного арбитража согласно 15 пункту «Акта» летом 1915 г. на территории Великобритании было сформировано 10 генеральных трибуналов военной промышленности: семь в Англии, два в Ирландии и один в Шотландии. Военно-промышленные трибуналы были также учреждены в каждом округе страны¹⁰⁰. За первый год деятельности трибуналы вынесли 4689 приговоров; за это время перед ними предстало 16 706 рабочих, из них 11 656 были подвергнуты штрафу или тюремному заключению, и лишь 216 предпринимателей, из которых 138 были оштрафованы на общую сумму в 807 ф. ст.¹⁰¹

Юрисдикция трибуналов формально охватывала только военную промышленность, в других же отраслях действовали «добровольные» арбитражные суды, созданные по «Казначейскому соглашению». В ходе войны промышленные трибуналы распространяли свою деятельность на все более широкий круг отраслей, а арбитражные суды, по мере перехода их «рабочих» (тред-юнионистских) членов на сторону хозяев, становились все менее добровольными. Так создавался фундамент системы полувоенной эксплуатации трудящихся.

Наряду с запрещением стачек и введением принудительного арбитража важным элементом системы «военной каторги для рабочих» стало положение «Акта» о запрещении свободного перехода рабочих военных предприятий на другую работу. Была введена система «отпускных удостоверений» («leaving certificates»), которыми подтверждалось согласие предпринимателя на увольнение рабочего. Без предъявления такого удостоверения рабочий военной промышленности не мог рассчитывать на получение работы на предприятии другой отрасли. Седьмая статья «Акта», таким образом, устанавливала едва ли не феодальную зависимость трудящихся военных заводов от произвола хозяев¹⁰².

Введение военной организации труда, несомненно, было основной целью «Акта о производстве вооружений». Строгой регламентации условий труда и отношений хозяев и рабочих в военной промышленности были посвящены две из трех составляющих его частей. Подобно «Закону о защите королевства», «Акт о производстве вооружений» за годы войны неоднократно редактировался и дополнялся разнообразными указами и постановлениями¹⁰³. К концу войны на основании этого «Акта» государство регулировало условия труда 80% английских рабочих.

Не менее важное значение имел «Акт о производстве вооружений» и как краеугольный камень всей системы государственно-монополистического регулирования экономики в годы первой мировой войны. Несмотря на отсутствие в нем детально разра-

ботанного механизма осуществления государственного контроля над производством (а иногда и благодаря этому обстоятельству), он дал буржуазному государству законную возможность неуклонно расширять и совершенствовать свою деятельность в сфере хозяйства. Принятие «Акта о производстве вооружений» явилось первым официальным признанием возможности и необходимости перехода к государственно-монополистической экономике.

5. Борьба буржуазии за «милитаризацию труда»

Один из существенных, с точки зрения британских капиталистов, недостатков «Акта о производстве вооружений» отчетливо обнаружился уже через две недели после его принятия. 15 июля 1915 г. начали забастовку 200 тыс. шахтеров Южного Уэльса, требовавших повышения заработной платы. Эта крупнейшая за 1914—1916 гг. стачка¹⁰⁴ явилась высшей точкой борьбы в угольной промышленности, положение в которой обострилось весной 1915 г. В июне в назревший конфликт вмешалось правительство, а когда его усилия не увенчались успехом, решено было прибегнуть к принудительному арбитражу.

13 июля, за два дня до начала стачки в Южном Уэльсе, правительство распространило действие «Акта о производстве вооружений» на добычу угля в южноуэльском районе¹⁰⁵. Формальным основанием для подобного решения послужило стратегическое значение угля как основного топлива для военно-морского флота. Но когда стачка началась, обнаружилось, что ни арбитраж, ни другие предусмотренные «Актом» карательные меры применить невозможно. «Если 100 тыс. человек оставили работу,— писал Л. Макэсси,— то практически невозможно предать их всех суду или оштрафовать»¹⁰⁶. А на деле бастовало более 200 тыс. шахтеров Южного Уэльса и Монмаутшира.

Конфликт был урегулирован лишь после того, как 19 июля в Кардифф прибыла специальная правительственная миссия в составе трех министров — Ллойд Джорджа, Гердерсона и Рансимена,— которая была вынуждена удовлетворить главные требования шахтеров¹⁰⁷. Оставляя в стороне значение этой победы для самих горняков и ее влияние на развитие всего английского рабочего движения в годы войны, обратим внимание лишь на один ее аспект. Стачка шахтеров Южного Уэльса ознаменовала провал первой попытки расширения сферы действия «Акта о производстве вооружений» за пределы собственно военной промышленности. Более того, победа рабочих доказала, что принудительному государственному арбитражу можно успешно противопоставлять массовость, единство и решительность действий трудящихся в защите своих требований¹⁰⁸. На опыте событий в Южном Уэльсе рабочие убедились, что объединенными усилиями можно бороться даже с государственным законодательством, а буржуазия в свою очередь поняла, что рассчиты-

вать только на «Акт о производстве вооружений» не следует — нужно настойчиво искать и другие формы подавления рабочего движения, не отказываясь при этом, разумеется, и от государственного арбитража. Тем самым классовая борьба в Англии с ростом государственного регулирования не сглаживалась, а обострялась.

В борьбе с рабочим движением правительство все более опиралось на оппортунистическое руководство английских профсоюзов и лейбористской партии. Благодаря их поддержке осенью 1915 г. удалось в основном завершить программу «разводнения труда», основы которой были заложены в «Казначейском соглашении» и закреплены «Актом о производстве вооружений».

Проблема «разводнения труда» стала центральным вопросом повестки дня Британского конгресса тред-юнионов (6—11 сентября 1915 г.) — первого военного конгресса. И хотя на нем оппортунистам не удалось добиться полного одобрения политики «разводнения», все же 18 сентября парламентский комитет БКТ принял резолюцию в пользу правительственных мер по «разводнению труда». Четыре дня спустя при министерстве вооружений была образована центральная комиссия по снабжению военной промышленности рабочей силой, составленная из представителей министерства, предпринимателей и руководства соответствующих тред-юнионов под председательством А. Гендерсона. Комиссия не только подготовила конкретную программу осуществления «разводнения» (правительственные циркуляры серии «L» — «Labour»), но и руководила ее проведением в жизнь¹⁰⁹. Сказанное, впрочем, вовсе не означает, что эту программу разделяли рядовые члены тред-юнионов. Напротив, их сопротивление росло, и в ходе борьбы против «разводнения» уже в начале следующего года стали появляться новые чрезвычайно важные лозунги, о чем подробнее будет сказано позже. Но на данном этапе буржуазия убедилась, что на пути «разводнения» большего пока добиться трудно. На первый план осенью 1915 г. выдвинулась иная, не менее сложная задача — введение всеобщей воинской повинности.

Введение конскрипции правящими кругами английского общества диктовалось не только военными условиями: постоянным ростом потребности в «пушечном мясе» для длительной войны на истощение, с одной стороны, и явным упадком «патриотического духа», уменьшением притока добровольцев, — с другой. Не менее важным в глазах британских капиталистов было внутреннее значение конскрипции как первой ступени к введению воинской дисциплины для всего рабочего класса — «милитаризации труда».

Наиболее дальновидные представители правящего класса, в том числе и в правительстве, отдавали себе отчет в том, насколько серьезную опасность народного возмущения таит в себе конскрипция. Осторожность отчетливо проявилась в судьбе первого проекта введения всеобщей воинской повинности, внесен-

ного на рассмотрение кабинета парламентским секретарем военного министерства лордом Дерби 11 октября 1915 г. Кабинет отверг его предложения, но одновременно учредил под его же председательством правительственный комитет для выработки приемлемого варианта законопроекта. 20 октября комитет представил требуемый документ, получивший название «схемы Дерби». Проект предусматривал, что всем мужчинам в возрасте от 18 до 41 года будет предложено подтвердить свое согласие на призыв в необходимое для страны время. Вслед за тем все, сделавшие это, будут разделены по возрастным группам с учетом их семейного положения. Первоочередному призыву подлежали холостые мужчины, которые легко могли оставить работу; женатые мужчины подлежали призыву во вторую очередь, а рабочие военных отраслей промышленности зачислялись лишь в резерв. По подсчетам лорда Дерби, из примерно 5 млн. мужчин призывного возраста можно было призвать около 350 тыс. холостых и около 500 тыс. женатых мужчин.

Рассматривая «схему Дерби», нельзя не поразиться удивительному сочетанию элементов добровольности и принуждения при наборе в армию. Весьма характерно объяснение, данное этому обстоятельству самим лордом Дерби: «Для того чтобы добиться успеха добровольной системы в условиях нынешнего кризиса, необходимо, чтобы каждый мужчина, принудительно призываемый на основе воинской повинности, добровольно предложил свои услуги»¹¹⁰. За этой, вряд ли могущей служить образцом логики фразой стоял свой смысл. Как вспоминал позже один из современников, в ноябре 1915 г. в частной беседе с ним лорд Дерби уделил мало внимания действительному числу набранных по его «схеме» рекрутов, но зато очень высоко оценил «создание системы, которая делает возможным применение принуждения»¹¹¹. Вот, оказывается, в чем заключался истинный смысл проекта: не порывая решительно с принципом добровольности, «схема Дерби» готовила аппарат всеобщей воинской повинности.

Реализация «схемы Дерби» дала немногим более 200 тыс. солдат¹¹², но она же стала первым практическим шагом на пути к конскрипции. Следующий шаг был сделан в конце декабря 1915 г.: был разработан билль об обязательной военной службе холостых мужчин в возрасте от 18 до 41 года. В начале января 1916 г. он был внесен в парламент¹¹³. Руководство тред-юнионов и лейбористской партии попало в трудное положение. С одной стороны, лейбористские министры, будучи членами правительства, оказывались прямо причастными к биллю о конскрипции, с другой — с конца декабря в стране развернулась массовая антиконскрипционная кампания, размах которой нельзя было не учитывать.

6 января, т. е. буквально на следующий день после внесения билля в парламент, была спешно созвана чрезвычайная конференция лейбористских и профсоюзных организаций. За резо-

люцию, осуждавшую правительственный законопроект, было подано около 2 млн. голосов, против — почти втрое меньше¹¹⁴. Такое решение не оставляло лейбористским министрам иного выбора — они вынуждены были подать в отставку. Но уже пять дней спустя, «уступая» якобы настойчивым просьбам премьер-министра, они остались в правительстве¹¹⁵.

Окончательно решить вопрос об отношении лейбористов к биллю о конскрипции для холостяков и о позиции министров-лейбористов должна была очередная конференция лейбористской партии, состоявшаяся две недели спустя в Бристоле. Прежде всего конференция решительно осудила «конскрипцию в любой форме как противоречащую духу британской демократии и представляющую угрозу свободам народа»¹¹⁶. Однако вслед за этим делегатам конференции для обсуждения была предложена резолюция, в которой говорилось: «Настоящая конференция заявляет о своей оппозиции к биллю о военной службе и в том случае, если он станет законом, решает агитировать за его отмену»¹¹⁷. Принятие такой резолюции могло поставить под удар всю политику лейбористского руководства, стремившегося любой ценой закрепиться в роли участников правительственной коалиции. По предложению Смайли, резолюция была разбита на две части, причем вторую часть, об агитации за отмену закона, удалось при голосовании провалить¹¹⁸. После этого усилиями правого руководства была принята и резолюция, одобрявшая участие лейбористов в правительстве¹¹⁹.

В начале февраля 1916 г. парламент принял «Акт о военной службе», а со 2 марта началась мобилизация по новому закону¹²⁰. Несмотря на вновь усилившуюся «патриотическую» пропаганду буржуазных газет, результаты набора были хуже, чем по «схеме Дерби»: по официальным данным генерального штаба, удалось поставить под ружье лишь 136 475 человек, причем более 50 тыс. призванных на сборные пункты не явились¹²¹. Фактический провал «Акта о военной службе» был тем более опасен, что к весне 1916 г. Англия потеряла убитыми и ранеными около 80% сухопутных войск, с которыми она вступила в войну¹²².

С начала апреля 1916 г. реакционные круги все настойчивее добивались введения всеобщей воинской повинности, однако Асквит долгое время колебался, не без оснований полагая, что столь решительный шаг может привести к правительственному кризису. Примечательно, что он опасался не столько отпора со стороны министров-лейбористов, сколько оппозиции собственной либеральной партии¹²³. Но когда 17 апреля, уступая нажиму «твердолобых» из руководимого Э. Карсоном военного комитета консервативной партии, лидер консерваторов А. Бонар Лоу пригрозил Асквиту разрывом коалиции в случае отказа от введения конскрипции, колебаниям премьер-министра пришел конец. Вскоре парламент обсуждал новый билль о конскрипции, а 16 мая был принят второй «Акт о военной службе», распространивший действие первого «Акта» и на женатых мужчин. При голосовании

«против» выступило 37 депутатов, из них 10 лейбористов (14 лейбористов проголосовали «за»), а остальные — либералы пацифистской группы во главе с Саймоном¹²⁴. Более двух с половиной веков, со времен Кромвеля, Англия не знала всеобщей воинской повинности, теперь она вновь была введена. С 25 мая 1916 г. закон вступил в силу.

«Для рабочих,— пишет С. Харвиц,— грань между военной и промышленной конскрипцией всегда представлялась слишком узкой, чтобы быть безопасной»¹²⁵. Справедливость этого суждения наглядно подтверждается дальнейшей эволюцией массового антиконскрипционного движения летом и осенью 1916 г. Многочисленные антиконскрипционные комитеты, объединения, братства и т. п., которые создавались с конца 1915 г. и развернули наиболее активные действия в апреле—мае 1916 г., после принятия закона о конскрипции оказались на перепутье. Им предстоял нелегкий выбор: либо объявить о самороспуске ввиду поражения, либо искать новые цели и формы борьбы. Далеко не все выбрали второй путь, но избравшие его повели борьбу сразу в двух направлениях: во-первых, соединяясь с пацифистским движением, они придавали ему не свойственные ранее боевой дух, массовость и четкую антивоенную направленность, а во-вторых, борьба против конскрипции начала перерастать в борьбу против «милитаризации труда».

После введения конскрипции идея военной организации и дисциплины в промышленности стала обретать вполне конкретные формы. Огромное значение имел сам факт регистрации и зачисления в резерв большого числа рабочих призывного возраста. Некоторые призванные на военную службу рабочие направлялись непосредственно на военные предприятия, особенно на государственные арсеналы. Правительство вовсе не стремилось афишировать факт применения военизированной рабочей силы, но сведения об ужасающих условиях труда солдат все же становились достоянием общественности, а в августе 1916 г. достигли даже стен парламента¹²⁶. Под давлением масс решительно осудил милитаризацию труда 48-й конгресс тред-юнионов в сентябре 1916 г.¹²⁷

В этих условиях правительство не решилось предпринимать дальнейших шагов к введению трудовой повинности. Но одна мера все же была реализована: в сентябре 1916 г. был учрежден специальный правительственный совет по распределению рабочей силы под председательством Н. Чемберлена. В задачи совета входило «решение всех спорных вопросов, возникающих между правительственными ведомствами и связанных с размещением и использованием рабочей силы в интересах успешного ведения войны, а также... руководство соответствующими правительственными ведомствами с целью создания механизма, необходимого для координации их действий по распределению и использованию труда мужчин и женщин»¹²⁸. Необходимость создания нового координирующего органа не только косвенно свидетельствовала о неразберихе, царившей в государственных учреж-

дениях в обстановке быстрого роста государственно-монополистического регулирования производства; создание его готовило почву для более решительного проведения политики «милитаризации труда»¹²⁹. Кроме того, совет, по-видимому, использовался и как источник информации о реальном положении в промышленности, ибо его доклад получил гриф «сугубо конфиденциально» и к знакомству с ним не были допущены даже члены парламента¹³⁰.

Осенью 1916 г. результаты деятельности совета были, мягко говоря, скромными. В октябре—ноябре в связи с обострением стачечной борьбы в военной промышленности (стачки машиностроителей в Шеффилде, Манчестере и других центрах) состоялась целая серия совещаний руководителей правительственной «рабочей политики», в ходе которых выяснилось, что о какой-либо координации действий различных ведомств говорить еще преждевременно¹³¹. Осуществление широких планов «милитаризации труда» пришлось отложить до начала следующего года.

6. Государственное регулирование военного производства и новые черты социального развития Англии в 1914—1916 гг.

Отличительной чертой британского пролетариата была высокая степень его организованности. Численность самой массовой организации английского рабочего класса — тред-юнионов — достигла в 1916 г. 4 млн. 640 тыс. человек, причем в БКТ состояло почти 3 млн. человек¹³². Иными словами, профессиональные союзы объединяли около половины всех британских рабочих.

Если в конце XIX в. наибольший удельный вес и влияние в профсоюзном движении имели старые тред-юнионы, организованные по цеховому принципу, куда входили только рабочие высокой квалификации, то за 25 предшествующих первой мировой войне лет численность тред-юнионов росла главным образом за счет «новых союзов», объединявших полу- и неквалифицированных рабочих чаще всего по производственному принципу. В особенности это относится к периоду мировой империалистической войны, когда ушедших в армию рабочих в соответствии с программой «разводнения труда» заменяли рабочие более низкой квалификации.

Важнейшим результатом процесса включения в профсоюзное движение новых отрядов рабочего класса явилась его растущая однородность. С одной стороны, удельный вес «новых тред-юнионов» превысил удельный вес старых, а это способствовало изживанию цеховщины и рождало стремление к объединению¹³³. Но, с другой стороны, в условиях роста государственно-монополистических тенденций, в частности государственного аппарата, слой профсоюзной бюрократии возникал даже в новых тред-

юнионах, что лишило «новый юнионизм» того боевого духа, которым он обладал в 90-х годах прошлого века. В период войны, таким образом, одновременно со значительным ростом британских профсоюзов завершается освобождение профсоюзного движения как от косности цеховой организации, так и от боевистости «нового юнионизма».

Следствием роста численности и однородности британского тред-юнионизма было изменение общественного места и социальной формы слоя рабочей аристократии. В. И. Ленин показал, что с переходом к империализму монополистическая буржуазия за счет получения огромных сверхприбылей от эксплуатации трудящихся собственной страны и ограбления народов зависимых стран имеет возможность уделять некоторую часть этих прибылей на подкуп верхушки рабочего класса. Так в эпоху империализма формируется слой рабочей аристократии, являющийся проводником интересов и влияния буржуазии в рядах рабочего класса и социальной базой оппортунизма в рабочем движении¹³⁴.

В 60—80-х годах XIX в., когда благодаря монопольному положению Великобритании на мировом рынке и наличию огромной колониальной империи английская буржуазия могла подкупать верхушку рабочего класса, тред-юнионы были практически единственной формой организации пролетариата, объединявшей почти исключительно рабочих высокой квалификации. Они-то как раз и составляли в то время в Англии основу слоя рабочей аристократии. Не случайно прогрессивный английский историк Э. Хобсбаум, специально исследовавший этот вопрос, подчеркивает: «До подъема «нового юнионизма» в 1889 году обычно считалось, что границы рабочей аристократии и тред-юнионизма совпадали»¹³⁵. Количественный рост профсоюзов и создание «новых тред-юнионов», наконец, возникновение массовой политической партии трудящихся — лейбористской партии — изменили это положение, но по-прежнему ядро рабочей аристократии составляли члены старых цеховых союзов. Влияние рабочей аристократии на рабочее движение падало по мере уменьшения удельного веса старых тред-юнионов.

Перед английской буржуазией встала сложная задача: сохранить контроль над массовым рабочим движением. Подкупить все организованное в профессиональные союзы движение было уже невозможно¹³⁶. Мировая война значительно облегчила буржуазии решение этой задачи. Во-первых, она перетасовала существовавшие профсоюзы в связи с массовым набором в армию и тем самым усреднила их рядовой состав. Во-вторых, что важнее, она ускорила рост государственно-монополистического капитализма, в том числе бюрократического аппарата государства. Участие профсоюзной верхушки в работе разного рода ведомственных и правительственных комиссий, комитетов, групп и т. п. стало обыденным явлением. Происходило постепенное сращивание профсоюзной бюрократии с бюрократией государственной. В итоге граница между рядовым рабочим и рабочим аристократом

определялась теперь принадлежностью не к тред-юниону, как в 80-х годах прошлого века, а к профсоюзной и лейбористской верхушке, активно сотрудничавшей с буржуазным государством. Этот момент имел принципиальное значение для развития английского рабочего движения в годы войны, а в перспективе — в условиях господства государственно-монополистического капитализма.

Итак, с ростом государственного вмешательства основу слоя рабочей аристократии в Англии все более составляла профбюрократия. На этой социальной базе вновь укреплялся оппортунизм, что находило законченное выражение в деятельности лейбористской партии, добивавшейся идейно-политического руководства рабочим движением. В годы войны в рамках лейборизма консолидировались все силы, служащие проводниками буржуазного влияния на рабочий класс, от буржуазных радикалов на правом фланге¹³⁷ до «гильдейских социалистов» на левом¹³⁸. Кадры идеологов лейборизма по-прежнему рекрутировались главным образом из рядов руководства Независимой рабочей партии (НРП) и Фабрианского общества, но разрабатываемые ими «идеи» претерпевали серьезную трансформацию под влиянием как объективных изменений социально-экономических условий, так и в не меньшей степени роста революционной активности масс.

В ходе классовой борьбы в период первой мировой войны английский пролетариат выдвигал из своей среды новых руководителей и формулировал новые лозунги. По мере углубления разрыва между оппортунистической верхушкой и массами рядовых членов профсоюзов и лейбористской партии возникали различные оппозиционные официальному тред-юнионизму течения: движение за амальгамацию (объединение) профсоюзов, движение рядовых, движение шоп-стюардов. Последнее имело наибольшее значение и к концу 1916 г. занимало прочные позиции в отраслях машиностроительной промышленности.

Комитеты шоп-стюардов (цеховых старост) возникали на отдельных предприятиях еще в конце XIX в.¹³⁹, являясь первой ступенькой аппарата тред-юнионов. В их функции входил учет, сбор членских взносов и связь с окружным комитетом профсоюза. Как правило, шоп-стюарды не только не признавались администрацией предприятий (исключение составляли крупные государственные военные заводы, например Вулвичский арсенал), но и не имели определенного статуса даже в рамках тред-юнионов¹⁴⁰.

Два обстоятельства в наибольшей мере определили превращение шоп-стюардов в руководящую силу революционной борьбы британского пролетариата в годы войны: будучи низовым звеном профсоюзной организации, они действительно представляли интересы широких масс рабочих, жили их чаяниями и заботами, были неразрывно с ними связаны; должности шоп-стюардов не были включены в профсоюзную иерархию, т. е. не опла-

интервализм, а потому эту работу вели на общественных началах люди высокой сознательности, бескорыстно преданные делу рабочего класса.

В конце 1916 г. была предпринята первая попытка организации движения шоп-стюардов в национальном масштабе: в начале ноября был учрежден его Национальный комитет, пока еще с совещательными функциями, а с декабря начал издаваться центральный печатный орган движения — газета «Solidarity»¹⁴¹. Консолидация движения шоп-стюардов, организационно завершенная летом следующего года, отражала рост революционных настроений английского пролетариата.

В 1916 г. разрабатывается и программа движения, стержнем которой стал лозунг «рабочего контроля». Требование рабочего контроля над распределением было стихийной реакцией масс на ухудшение жизненных условий. В начале 1915 г. по инициативе местных отделений тред-юнионов во многих городах Англии стали создаваться наблюдательные комитеты, явочным порядком осуществлявшие контроль за распределением продуктов питания и товаров первой необходимости¹⁴². Свою задачу комитеты видели прежде всего в борьбе со спекуляцией и неоправданным взвинчиванием цен. Они еще не противопоставляли себя правительственному контролю, которого в этой сфере пока не существовало, а, наоборот, даже добивались его введения и выражали готовность сотрудничать. Иначе говоря, «контроль снизу» не противопоставлялся «контролю сверху».

Положение в корне изменилось с развитием системы государственного регулирования отношений труда и капитала в интересах последнего (как было показано, развитие государственного вмешательства в экономику началось раньше всего и происходило наиболее интенсивно именно в этой области). Повседневнo сталкиваясь с практикой государственного контроля, рабочие начинали понимать его подлинную сущность, и тогда требование рабочего контроля приобрело принципиально новый смысл. В самом начале 1916 г. шоп-стюарды района Клайда, борясь против политики «разводнения труда», выдвинули требование передать «разводнение» под контроль самих рабочих¹⁴³. При этом они имели в виду не только участие рабочих в решении вопросов найма на работу, но и в управлении производством, в организации производственного процесса¹⁴⁴, т. е. в требовании рабочий контроль был не только противопоставлен контролю буржуазного государства, но и распространен на производственную сферу.

В это же время, в 1915—1916 гг., начинает приобретать новое звучание и один из «старых» лозунгов рабочего движения — о национализации промышленности и транспорта. До начала войны многие тред-юнионы уже ставили вопрос о национализации отдельных отраслей промышленности, шахт, железных дорог и т. п. и о реорганизации управления ими по образцу почтового ведомства, издавна бывшего в Англии государственным учреж-

дением. В условиях войны растущая популярность лозунга национализации объяснялась прежде всего тем, что рабочие рассматривали ее как радикальное средство борьбы против гигантских военных сверхприбылей капиталистов. Однако теперь требование национализации все чаще связывалось в сознании рабочих с лозунгом рабочего контроля над производством¹⁴⁵. Эти два требования не просто дополняли друг друга; если национализация предполагала устранение владельцев предприятий от управления производством, то рабочий контроль означал ликвидацию или, по крайней мере, ограничение аналогичных функций заменившего владельцев буржуазного государства.

Руководство тред-юнионов и особенно лейбористской партии не могло не учитывать этих изменений в сознании пролетариата, иначе оно вряд ли сумело бы в полной мере сохранить контроль над рабочим движением. Так появилась на свет резолюция 16-й ежегодной конференции лейбористской партии (Манчестер, начало 1917 г.), в которой черным по белому было записано: «Конференция, усматривая в недавних фактах государственного вмешательства и бюрократического контроля в экономике угрозу интересам рабочих, заявляет, что никакой план национализации промышленности не может быть признан удовлетворительным, если он не обеспечивает эффективный контроль со стороны рабочих»¹⁴⁶. В известном смысле эту резолюцию можно рассматривать как своеобразный момент равновесия сил в борьбе революционного и оппортунистического направлений в английском рабочем движении периода первой мировой войны: левые настроения получили в массах рядовых рабочих широкое распространение, классовое сознание британского пролетариата поднялось на новую ступень, но массы пока лишены подлинно революционного руководства, вместе с тем и оппортунистическая верхушка, консолидировавшись и сплотившись, еще не успела выработать приемлемой в новых условиях идейной программы подчинения рабочего движения буржуазному влиянию.

Но такая работа по превращению опасного лозунга рабочего контроля в безобидную для капиталистов идею «классового сотрудничества» в промышленности уже велась с весны 1916 г. самими капиталистами. Одним из первых шагов на этом пути явилась публикация в мае 1916 г. меморандума, подготовленного «фондом Р. Гартона» — филантропической организацией крупного капитала, во главе которой наряду с самим Гартоном стояли представители монополистической буржуазии А. Бальфур и виконт Эшер. В меморандуме, помимо реорганизации производства на основе введения потогонной системы Тейлора, было рекомендовано расширить практику сотрудничества предпринимательских ассоциаций и тред-юнионов¹⁴⁷.

Более подробно идея «классового сотрудничества» была разработана в представленном в том же году докладе комитета по изучению причин волнений в промышленности, созданного секцией экономических наук и статистики Британской ассоциации

содействия развитию наук под председательством небезызвестного буржуазного филантропа и экономиста Ч. Бута. Для лучшего регулирования условий производства авторы доклада предлагали создать особые органы с паритетным представительством от ассоциаций предпринимателей и руководства тред-юнионов, причем в каждой отрасли промышленности на этой же основе следовало образовать Национальный промышленный совет с функциями верховного арбитра при решении конфликтов¹⁴⁸.

Важную роль в разработке планов «классового сотрудничества» играла Федерация британской промышленности (ФБП). Первые объединения капиталистов начали возникать в Англии с конца XVIII в., а во второй половине XIX в. ассоциации предпринимателей по отраслям промышленности сделались таким же привычным элементом промышленной структуры, как и тред-юнионы. Это и понятно: ведь одна из главных задач объединения предпринимателей в ассоциации состояла в создании единого фронта для борьбы против рабочего движения.

Идея объединения капиталистов не в отраслевом, а в национальном масштабе была высказана в 1915 г., затем она получила одобрение многих предпринимательских ассоциаций, а в начале декабря 1916 г. было официально объявлено о создании Федерации британской промышленности. ФБП быстро завоевала признание капиталистов: в момент основания она объединяла 43 отраслевые предпринимательские ассоциации¹⁴⁹; два года спустя в ее состав входило 18 тыс. фирм с общим капиталом в 4 млрд. ф. ст.¹⁵⁰ Руководящую роль в ФБП играла крупная монополистическая буржуазия — концерны «Виккерс», «Армстронг-Уитворт», «Леве́р Бразерс», «Маркони» и др. В политическом отношении большая часть вошедших в ФБП монополистов ориентировалась на консервативную партию.

Создание ФБП в разгар первой мировой войны было далеко не случайным событием. Оно непосредственно связано с развитием государственно-монополистического капитализма в Англии. Проводившееся в возрастающих размерах вмешательство буржуазного государства в экономику было новым фактором хозяйственной и общественной жизни, и правящий класс нуждался в выработке единой позиции по отношению к новой роли государства. Именно задача «нахождения средств для установления более тесной связи между деятельностью правительства и нуждами промышленности страны в целом»¹⁵¹ — задача объединения силы капитала и власти буржуазного государства для руководства экономикой в интересах правящего класса — заняла центральное место в деятельности ФБП.

Механизм взаимодействия ФБП и правительства был достаточно сложен. Дело в том, что руководящая роль ФБП в вопросах хозяйственной политики проявлялась главным образом в двух формах. Во-первых, Федерация разрабатывала стратегический курс деятельности правительства¹⁵², выполняя тем самым функцию «мозгового центра британского капитала»¹⁵³, что вовсе

не исключало возможности принятия правительством решений, не во всем совпадающих с рекомендациями ФБП. Во-вторых, Федерация с первых дней своего существования приобщилась к непосредственной реализации намеченного ею курса, используя разветвленную «систему участия» в государственном аппарате. Как раз с момента создания ФБП начинается замена правительственных чиновников «деловыми людьми» на всех ключевых постах государственного управления. Процесс проникновения представителей монополистического капитала в государственный аппарат наглядно иллюстрирует глубоко научную точность определения В. И. Лениным сущности государственно-монополистического капитализма, как «соединения гигантской силы капитализма с гигантской силой государства в один механизм»¹⁵⁴ капиталистической эксплуатации.

Среди важнейших задач Федерации британской промышленности ее устав называл установление дружественных отношений между предпринимателями и рабочими ради предотвращения забастовок путем достижения взаимоприемлемых соглашений¹⁵⁵. Для выполнения этой задачи по инициативе ФБП¹⁵⁶ 7 декабря 1916 г. был образован Национальный альянс работодателей и рабочих, первое собрание которого состоялось 20 января 1917 г.¹⁵⁷ Деятельность Альянса поначалу ограничивалась пропагандой единства интересов труда и капитала в промышленности, проводившейся как на организуемых им собраниях рабочих, так и со страниц его печатного органа журнала «Industrial Unity», в котором охотно сотрудничали профсоюзные и лейбористские лидеры Гендерсон, Томас, Бевин, Клайнс и др.

7. Приход к власти правительства Д. Ллойд Джорджа

В конце 1916 г. британские капиталисты проявляли глубокую озабоченность не только размахом, но и направлением развития рабочего движения. Действия правительства Г. Асквита отличались неуверенностью и становились опасными для правящего класса, заинтересованного в сохранении «классового мира» любой ценой¹⁵⁸. Буржуазия стремилась к более решительному и гибкому сочетанию социальной демагогии с дальнейшим развитием государственного регулирования трудовых отношений.

Усиление государственного вмешательства в экономику диктовалось и объективными условиями длительной мировой войны: целым рядом военных неудач (кровапролитное Верденское сражение, поражение Румынии, битва на Сомме, где только убитыми англичане потеряли более 400 тыс. человек)¹⁵⁹, ухудшением сырьевого и продовольственного снабжения страны, непомерным бременем военных расходов¹⁶⁰. Только всемерное развитие государственно-монополистического регулирования способно было обеспечить учет и мобилизацию ресурсов страны и в конечном

счете защиты интересов класса капиталистов в целом. При чем действовать нужно было быстро и энергично.

В начале декабря 1916 г. разразился правительственный кризис. Связанные с ним политические интриги, борьба за портфели, подсиживания и т. п. в то время широко комментировались буржуазной печатью¹⁶¹, а позже стали излюбленной темой британских историков и мемуаристов¹⁶². Но во всей связанной с политическим кризисом закулисной возне отчетливо просматривается определенная тенденция: британская буржуазия руками консерваторов старалась не просто устранить неугодного ей главу правительства, она настойчиво стремилась заменить его человеком, способным решить насущные задачи страны в интересах ее хозяев. Характер этих задач (ведение войны, мобилизация тыла посредством расширения государственных функций в сфере капиталистического хозяйства, гибкое сочетание принуждения и уступок в отношениях с рабочим классом) не оставлял сомнений в выборе кандидатуры: избранником британских капиталистов мог быть только Ллойд Джордж.

Стремление буржуазии поставить во главе правительства именно Ллойд Джорджа проявилось в том, что за неделю до кризиса консервативная печать стала требовать предоставления ему чрезвычайных полномочий¹⁶³. Более того, когда 5 декабря Асквит вручил королю прошение об отставке, то в соответствии с конституционной традицией приглашение сформировать новое правительство получил лидер консерваторов А. Бонар Лоу, который немедленно отказался от него в пользу Ллойда Джорджа¹⁶⁴. Став премьер-министром, последний как бы обрел мандат на проведение решительных и экстраординарных мер по спасению британского капитализма.

Внешне декабрьский правительственный кризис 1916 г. выглядел просто перетасовкой министерских постов: либерального премьер-министра Асквита сменил представитель той же партии Ллойд Джордж, часть министров уступила свои портфели новым лицам, часть просто поменяла кресла, но коалиция сохранена, и правительство по-прежнему может считать себя «национальным». На самом же деле речь шла о смене не руководства, а курса. Известный английский историк А. Тейлор не зря называет приход к власти Ллойда Джорджа «революцией в британском стиле»¹⁶⁵. Создание второго коалиционного кабинета в декабре 1916 г. имело принципиальное значение и далеко идущие последствия как для социально-экономического развития Англии, так и для эволюции ее партийно-политической структуры.

Ведущей партией второй коалиции стали консерваторы. В новом кабинете тори получили большинство мест — 15. Но дело даже не в численном преобладании, а в том, что они захватили все ключевые министерства. Решение вопросов ведения войны и мобилизации тыла, финансов и транспорта, промышленности и торговли, внутренней, внешней и имперской политики теперь зависело от министров-консерваторов. Возросшее значение консервативной

партии, ее новая роль в правительстве объяснялись не превратностями политической борьбы, а нуждами британских монополистов, в трудный для страны час решивших доверить власть людям из своей среды, «деловым» и деятельным в противовес либеральным «ораторам». Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на список министров-консерваторов.

Лидер партии А. Бонар Лоу получил власть, равную по крайней мере власти премьер-министра. Он стал министром финансов, заместителем премьер-министра и лидером палаты общин одновременно. Но тот же Бонар Лоу являлся одним из магнатов металлургической промышленности, руководителем Ассоциации металлургии Шотландии. Пост министра иностранных дел занял представитель старшего поколения тори — капиталист Бальфур, кстати, один из руководителей упомянутого «фонда Гартона». Укрепили свои позиции в правительстве представители промышленного капитала братья Чемберлены: Остин сохранил за собой портфель министра по делам Индии, а вскоре министром стал и Невиль (о возглавляемом им ведомстве речь впереди). Список этот легко было бы продолжить, ибо все министры-консерваторы в самом прямом смысле представляли в правительстве интересы монополистической буржуазии — свои собственные интересы.

Отражением растущей заинтересованности британских капиталистов в непосредственном участии в государственном управлении может служить и факт включения в состав правительства новых «беспартийных» (формально, разумеется) специалистов. Это практиковалось и ранее — в первом военном коалиционном кабинете, например, пост военного министра занимал «беспартийный» генерал Китченер, прославившийся своими воинскими доблестями (такими, как резня в Судане в 1898 г.). Иными «талантами» характеризовались «беспартийные» члены правительства второй коалиции. Министерство торговли и промышленности возглавил директор акционерной компании лондонских подземных дорог Альберт Стэнли. Руководство судостроением было поручено шотландскому судовладельцу Дж. Маклею. Председатель палаты местного управления (позже — министр продовольствия) Д. Томас одновременно стоял во главе более двух десятков промышленных и коммерческих компаний и т. д. Процесс замещения руководящих государственных постов представителями «делового мира» происходил не только на правительственном уровне, он широко развернулся на всех верхних этажах государственного аппарата¹⁶⁶.

Либеральная партия имела в составе нового кабинета 12 министерских постов, столько же, сколько и в правительстве первой коалиции. Но министры-либералы теперь получили второстепенные портфели; партия совершенно лишилась прежней руководящей роли в правительстве. Даже сохранение за либералами кресла премьер-министра не меняло ничего по существу в расстановке сил¹⁶⁷. Старые лидеры либеральной партии —

Грей, Маккенна, Рансимен и др. во главе с Асквитом — оказались за дверьми кабинета и поддерживаемые значительной частью парламентской фракции либералов составили официальную оппозицию. Тем самым в либеральной партии произошел раскол, и партия вступила в период кризиса, лишившего ее в конечном счете места в двухпартийной системе. Поражение Асквита и его сторонников объяснялось не только и не столько превратностями политической борьбы. Его «неспособность» управлять явилась внешним выражением крушения либеральной доктрины и практики невмешательства государства в сферу интересов бизнеса, крушения принципов *«laissez faire»*. Кризис либеральной партии был следствием отказа ей в доверии со стороны британского финансового капитала, обусловленного перерастанием капитализма эпохи свободной конкуренции в монополистический и государственно-монополистический капитализм.

Новый этап капиталистического развития страны объясняет и позицию лейбористской партии. Когда разразился правительственный кризис, вопрос об участии лейбористов в правительстве серьезно обеспокоил хозяев британской политики. С момента своего возникновения лейбористская партия служила надежной опорой, фактически «охвостом», либеральной партии, традиционно поддерживая ее политику. Сохранить эту традицию означало пересест на скамьи оппозиции, а это не устраивало лидеров лейборизма, уже начинавших чувствовать вкус власти. Миф о «национальной» всепартийной коалиции был в равной мере необходим и оппортунистам, и буржуазии. «Я считал привлечение лейбористской партии к активному сотрудничеству с правительством делом первостепенного государственного значения»¹⁶⁸, — напишет позже Ллойд Джордж, подчеркивая важность такого сотрудничества для предотвращения «рабочих волнений».

7 декабря, на другой день после получения Ллойд Джорджем полномочий на формирование кабинета, состоялась его встреча с лидерами лейбористов¹⁶⁹, на которой и было достигнуто принципиальное соглашение о включении лейбористов в новое правительство. Оно было санкционировано вскоре совещанием лейбористского руководства, на котором решение о вступлении во вторую коалицию было принято 17 против 14 голосов¹⁷⁰. Министрами нового правительства стали руководитель тред-юниона литейщиков Ходж и лидер Объединенного общества машиностроителей Барнс, должности младших министров получили Брэйс (заместитель министра внутренних дел), Робертс (парламентский секретарь министерства промышленности и торговли) и Паркер (лорд казначейства). Артур Гендерсон был включен в состав нового органа — узкого Военного кабинета, куда кроме него и, разумеется, Ллойд Джорджа вошли Бонар Лоу и лидер палаты лордов Керзон.

Отказ лейбористского руководства от поддержки либеральной партии по своему значению был гораздо более важен, чем присоединение к первой военной коалиции в мае 1915 г. Он

вовсе не означал, что лейбористская партия намерена теперь проводить политику, не зависимую от буржуазного влияния. Наоборот, подчинение деятельности лейбористской верхушки интересам монополий стало еще более полным и всесторонним. Но разрыв с либералами старого толка в дальнейшем позволил партии претендовать на место одряхлевшей вигской партии в двухпартийном механизме британской буржуазной демократии. С этого времени вся деятельность реформистов из лейбористского руководства подчинена одной задаче — идейно-теоретической и практически-политической подготовке к борьбе за власть. Вступая во второе военное коалиционное правительство, оппортунисты получали возможность на деле доказать правящему классу свою готовность и способность бороться за сохранение капиталистического строя, за интересы буржуазии. Лейбористские министры на завершающем этапе войны под контролем бизнесменов-консерваторов проходили своего рода стажировку на звание «министров его величества финансового капитала».

Таким образом, правительственный кризис 1916 г. был далеко не рядовым событием, не очередным верхушечным переворотом. Он отражал глубокие сдвиги в британской экономике и обществе и привел к серьезной перегруппировке сил правящего класса.

МЕХАНИЗМ ГОСУДАРСТВЕННО- МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОЕННОЙ ЭКОНОМИКИ АНГЛИИ

1. Государственное регулирование морского транспорта, внешней торговли и промышленного производства

К концу 1916 г. признаки неблагополучия в экономике становились все более многочисленными. Не хватало буквально всего: денег, продовольствия, одежды, других товаров первой необходимости для населения. Быстро росли цены, еще быстрее — прибыли капиталистов, но рост их не вызывал увеличения предложения. Рыночный механизм «саморегулирования» капиталистического воспроизводства оказался полностью нарушенным.

В этих условиях задача «организации национальных ресурсов для тотальной войны»¹ не могла быть сведена только к борьбе с нехваткой отдельных видов сырья или отдельных товаров, чем в течение года безуспешно занималось коалиционное правительство Асквита. Требовалось срочно создать универсальную и всеобъемлющую систему государственного контроля, регулирования и управления, использующих одновременно разнообразные методы государственного вмешательства не в отдельных отраслях хозяйства, а в масштабах национальной экономики². Именно такую задачу с самого начала поставило перед собой коалиционное правительство Ллойд Джорджа³ и в течение 1917—1918 гг. решало ее.

Особенности британского колониального империализма, сочетавшего крупнейшую в мире колониальную империю, мощный сложившийся финансовый капитал и значительное, пятикратное преобладание экспорта капитала над вывозом товаров с относительно низким уровнем монополизации промышленного производства, определили своеобразие развития государственно-монополистического капитализма в Англии. Важнейшая роль в становлении и развитии государственного вмешательства в экономику принадлежала социальному фактору, о чем подробнее пойдет речь в следующей главе. Нельзя также не учитывать и географического положения Англии: бедность страны собственными полезными ископаемыми (за исключением угля) и слабость сельского хозяйства Британских островов превращали сырьевое и продовольственное снабжение в жизненно важный вопрос, а морской транспорт — в «яремную вену» британского хозяйст-

венного организма⁴. Хотя в условиях войны Англия благодаря ее сильному флоту не была полностью отрезана от своих рынков, как это случилось с центральными державами, все же такая опасность реально существовала.

К началу войны общий тоннаж мирового торгового флота составлял почти 45,5 млн. тонн, из которых на долю британского приходилось более 20,5 млн. тонн, или примерно 45%⁵. Это соотношение неуклонно менялось в пользу Англии: британская судостроительная промышленность в 1910—1914 гг. давала почти 2/3 мирового прироста торгового флота, но другим государствам продавались в первую очередь старые суда, что позволило английским судовладельцам в течение предвоенного пятилетия обновить почти четверть собственных кораблей⁶.

До первой мировой войны государственным органам практически не приходилось вступать в контакты с компаниями судовладельцев. Исключение составил лишь период англо-бурской войны, когда правительство в связи с массовой переброской войск и снаряжения на юг Африки прибегло к услугам судовладельцев и с удивлением обнаружило, что имеет не больше прав, чем любой частный заказчик. Фрахты тогда обошлись казне недешево, но урок не был забыт⁷. С началом первой мировой войны правительственной прокламацией от 3 августа 1914 г. адмиралтейству было дано право реквизиции необходимого количества транспортных и вспомогательных судов. Для определения размера компенсации за реквизируемые суда учреждался комитет из представителей судовладельцев, страховых компаний, администрации портов и государственных чиновников⁸. Выработанные комитетом условия компенсации гарантировали владельцам реквизируемых судов ежегодную прибыль в размере 10% регистрационной стоимости каждого корабля⁹. К началу 1915 г. государство использовало на этих условиях около 1500 судов, или пятую часть всего торгового флота, главным образом для транспортировки угля на военно-морские базы¹⁰. Сверх того в ноябре 1915 г. при министерстве торговли был учрежден комитет по реквизиции судов для перевозок продовольствия, но на деле он не реквизирует ни одного судна¹¹.

Условия компенсации, выработанные самими судовладельцами в начале войны, казались им весьма выгодными. Но вскоре стоимость фрахтов на мировом рынке настолько возросла, что стало ясно: судовладельцы продешевили. Достаточно сказать, что к октябрю 1916 г. чистый доход судовладельцев, не подвергшихся реквизиции, составил 262 млн. ф. ст., т. е. вырос по сравнению с довоенным на 50—150%¹². Даже если ориентироваться на нижнюю границу прибыли в 50%, то и тогда это впятеро больше, чем доход владельцев используемых государством судов. Рост цен на фрахты объяснялся сокращением рынка «свободных» судов не только за счет государственных реквизиций, выросших в 1916 г. до 37% всего британского торгового флота¹³, но и потерей значительной части флота, потопленного или пле-

ненного неприятелем, а также сокращением строительства новых судов до одной трети довоенного производства: основные производственные мощности британской судостроительной промышленности были загружены выполнением заказов адмиралтейства¹⁴. Гигантские сверхприбыли судовладельцев порождали растущее недовольство трудящихся масс, от которых требовали все новых жертв. Единственным средством ограничить сверхприбыли было введение полного государственного контроля над транспортным судоходством¹⁵, но правительство Асквита не могло на это решиться.

С ноября 1915 по январь 1916 г. были последовательно учреждены еще три правительственных комитета при министерстве торговли: комитет по выдаче транспортных лицензий, исполнительный комитет по портовым и транзитным операциям и, наконец, комитет по контролю над судоходством¹⁶. Первые два комитета в рамках своей компетенции получили довольно широкие полномочия, но не спешили ими воспользоваться. Комитет по контролю над судоходством под председательством лорда Керзона, напротив, был лишь консультативным органом, в задачу которого входила разработка рекомендаций по улучшению работы морского транспорта. Все три комитета согласились в том, что государственные ограничения импорта (какие именно, не оговаривалось) совершенно необходимы для правильного распределения наличного тоннажа торгового флота по степени важности перевозимых грузов.

Так правительство столкнулось с проблемой, суть которой довольно точно уловил министр торговли У. Рансимен, заявивший в палате общин, что для «сохранения справедливого баланса между всеми перевозчиками, торгующими и потребляющими» судовладельцы «должны стать не просто владельцами судов, но и торговцами», причем не индивидуальными, а «суперкупцом, единственным торговцем»¹⁷. Иными словами, реально государство сможет решить проблему морских перевозок, лишь полностью взяв в свои руки внешнюю торговлю.

Возглавляемые Асквитом правительства пошли на введение государственной монополии внешней торговли лишь в двух случаях: в самом начале войны, когда государство взяло в свои руки снабжение сахаром, и в марте 1916 г., когда то же самое было сделано в отношении закупок льна в царской России¹⁸. Оба эти исключения подтверждали правило — если существовала хотя бы иллюзия альтернативы, вопрос о государственной монополии внешней торговли до 1917 г. неизменно решался отрицательно.

В первые два года войны тесно связанные друг с другом задачи введения государственного контроля над морскими перевозками и государственной торговой монополии были, разумеется, не самыми острыми — вспомним хотя бы проблему организации военного производства или введения всеобщей воинской повинности¹⁹, — но их решение нельзя было надолго откладывать.

Частичная реквизиция судов, как и частичное ограничение импорта, вызывали неуклонный рост цен на внутреннем рынке²⁰, что в свою очередь вело к снижению жизненного уровня массы английского населения и способствовало развитию инфляции. По мере нарастания этих опасных явлений государственное регулирование торговли и судоходства становилось все более насущным.

Проблема сокращения тоннажа торгового флота и уменьшения морских перевозок приобрела первостепенное значение уже осенью 1916 г., когда действия германских подводных лодок, активизировавшихся после стратегического поражения надводного флота в Ютландском бою, наносили британским судовладельцам ощутимый ущерб в 160 тыс. тонн ежемесячно²¹. Решение ее требовало не полумер, а принципиальной реорганизации системы морских перевозок. Придя к власти, второе коалиционное правительство сразу определило основной принцип такой реорганизации. 19 декабря 1916 г. Ллойд Джордж заявил в своей программной речи в парламенте: «В течение войны судоходство будет национализировано в подлинном смысле этого слова»²². Дело портила только одна «деталь»: премьер-министр, по справедливому замечанию английского историка Э. Фэйля, «имел весьма смутное представление о подлинном смысле этого слова»²³.

22 декабря 1916 г. в составе правительства был учрежден пост контролера судоходства (в ранге министра). Им стал крупный судовладелец из Глазго Дж. Маклей²⁴. Ничего принципиально нового деятельность департамента контролера судоходства не содержала: она сводилась к тем же реквизициям судов, но в более широких размерах, а главное — на базе откорректированной применительно к выросшей стоимости фрахтов компенсации²⁵. Основное отличие от применявшейся ранее системы заключалось в том, что государство теперь гарантировало не только прибыль, но и основной капитал судовладельцев: оно стало выплачивать возмещение за реквизированные суда, потопленные в период выполнения правительственных заказов. О том, в чьих интересах была проведена эта мера, позволяют судить следующие данные: общая регистрационная стоимость потопленных за время войны реквизированных судов составила, по справочнику Ллойда, 51 млн. ф. ст., а сумма компенсации, выплаченной государством владельцам этих судов, — 104 млн. ф. ст.²⁶

Реквизированные департаментом контролера судоходства торговые корабли не являлись, таким образом, собственностью государства, т. е. не были национализированы. Государство лишь распоряжалось ими за определенную плату и даже гарантировало их сохранность. Реквизирование судов более всего напоминало их аренду государством. Основу штата чиновников департамента составляли сами судовладельцы, ибо Дж. Маклей был убежден, что «опытный судовладелец... мог лучше всякого

другого руководить деловой стороной судоходства»²⁷. Деятельность департамента контролера судоходства объективно способствовала концентрации капитала и централизации управления в этой отрасли при участии буржуазного государства, но не под его контролем.

Роль подлинного регулятора торгового судоходства играл другой государственный орган — приоритетный комитет по тоннажу, созданный в феврале 1917 г.²⁸ Его учреждение, в отличие от департамента контролера судоходства, не сопровождалось программными заявлениями, газетными статьями и т. п. Для широкой публики оно прошло незамеченным. И тем не менее это был один из рабочих органов (притом работающий) механизма государственного регулирования экономики. Дело в том, что департамент контролера судоходства мог решать лишь вспомогательную задачу централизации управления морским транспортом. Главная же проблема заключалась в том, чтобы определить, что перевозить в первую очередь в условиях сокращения общего объема перевозок. Решение ее как раз и составляло функцию приоритетного комитета по тоннажу. 31 марта 1917 г. был запрещен ввоз большинства товаров в Англию без лицензии этого комитета²⁹, т. е. государство стало почти единственным импортером. Тем самым оно сделало решительный шаг к тому, чтобы сосредоточить в своих руках все сырьевое снабжение промышленности страны и получить важнейший рычаг управления экономикой.

Сокращение тоннажа британского транспортного флота, принявшее особенно серьезные масштабы после объявления Германией с 1 февраля 1917 г. «неограниченной подводной войны»³⁰, стало одной из главных причин введения государственной монополии импорта. Другой причиной явился постоянный рост цен практически на все виды сырья и продовольствия на мировом рынке. До первой мировой войны ряд британских министерств имел отделы и департаменты, занимавшиеся вопросами снабжения (адмиралтейство и военное ведомство, министерство торговли и почтовое ведомство). Но, во-первых, объем операций этих государственных органов был относительно невелик, и, во-вторых, они не были прямо связаны с зарубежными поставщиками сырья и продовольствия, имея дело с английскими оптовыми торговцами, перекупщиками и комиссионерами. В условиях мировой войны такая организация оказалась неэффективной и нерентабельной; нужно было не просто резко расширить объем государственных закупок, но и удешевить их путем устранения системы посредников.

В течение первой мировой войны (особенно интенсивно в 1917—1918 гг.) торговая деятельность буржуазного государства расширялась и концентрировалась в трех правительственных учреждениях: министерстве вооружений, военном министерстве и министерстве продовольствия³¹. К концу войны эти министерства осуществляли до 90% всего импорта страны³². Однако единой

системы контроля за движением товаров от производителя к потребителю не существовало. Каждый вид товаров контролировался государством по-своему, причем диапазон контроля был весьма широк: от полной государственной монополии (сахар, русский лен) до полной свободы конкуренции государственных и частных торговых агентов (индийский джут)³³.

Помимо сокращения тоннажа торгового флота тенденция к расширению государственного регулирования торговли объяснялась колебаниями рыночной конъюнктуры. Если предложение какого-либо товара опережало спрос на него и цены держались на низком уровне, то государственные органы не ограничивали частную торговлю. Так обстояло дело, например, с торговлей джутом: несмотря на огромное увеличение спроса на него в связи с «траншейной войной», Индия производила джут в изобилии³⁴, и его нехватка ощущалась лишь самое короткое время в начале 1915 г. Иную картину являло продовольственное снабжение. Хотя спрос здесь вырос незначительно, производство продовольствия (особенно в Европе) резко сократилось. В этих условиях британскому правительству пришлось пойти на ограничение и даже запрещение частных закупок. Так, поставки мяса из доминионов Англии осуществлялись по соглашению с администрацией доминионов на основе долгосрочных контрактов, что позволяло сохранять цены на довольно низком уровне, но автоматически исключало посредническую торговлю частных фирм³⁵.

Превращение буржуазного государства в почти монопольного импортера сопровождалось ростом и усложнением бюрократического механизма государственного управления. В отдельных случаях функции организаторов снабжения и торговли брали на себя государственные органы (департамент контрактов для армии, снабженческие службы министерства вооружений и т. п.), но тогда в их состав вводились в качестве экспертов представители торговых фирм и ассоциаций торговцев. Однако гораздо чаще та или иная торговая компания получала статус правительственного учреждения: ей предоставлялось исключительное право закупок определенного вида сырья или товаров, а ее сотрудники становились государственными служащими, получающими жалование из казны. Например, на положение государственного органа целиком перешла Британская ассоциация оптовых торговцев растительными маслами, штат правительственного комитета по импорту масла и сыра был полностью укомплектован представителями оптовой торговли молочными продуктами и т. д.³⁶

Особое значение при этом имел уровень концентрации капитала и соответственно степень централизации торговли тем или иным товаром или сырьем. Характерным примером может служить введение государственного контроля над поставками сырья для производства одежды и обуви. В первые два года войны английская промышленность не испытывала недостатка в снаб-

жени шерстью. В конце 1916 г. положение изменилось: засуха в Австралии, уменьшившая поголовье овец, расширение пашни за счет пастбищ в Южной Америке, рост импорта шерсти в США и Японию — все эти факторы вызвали сокращение британского импорта шерсти на 20%. Кроме того, английская армия превратилась в крупнейшего потребителя шерсти: к началу 1917 г. только для нее требовалось столько же шерсти, сколько потребляло все население страны³⁷. В июне 1916 г. правительственным распоряжением была запрещена купля-продажа шерсти, произведенной в Англии, установлены твердые цены на нее на внутреннем рынке³⁸, начато создание контрольных органов. Единый государственный контрольный орган так и не был образован, ибо закупками и распределением шерсти ведали многие уже существовавшие учреждения, но к началу 1917 г. утвердился строгий порядок распределения заготовленной шерсти: первыми ее получали предприятия, работавшие на казну, затем — на экспорт, и в последнюю очередь — на внутренний рынок³⁹. Такой механизм государственного регулирования снабжения шерстью просуществовал до мая 1919 г.⁴⁰

Одновременно с введением государственного контроля над торговлей шерстью принимались меры к расширению ее импорта. В ноябре 1916 г. было достигнуто секретное соглашение с администрацией Австралии и Новой Зеландии о закупке всей производимой в этих доминионах шерсти (около 35 млн. фунтов в год) по ценам на 55% выше довоенных, но на 10% ниже существовавших к тому времени рыночных⁴¹. Любопытно, что наряду со многими государственными ведомствами, которые участвовали в переговорах, достижению соглашения способствовал также отдел военной цензуры министерства связи, обеспечивший секретность переговоров (им было задержано около 500 телеграмм⁴²). Подобная таинственность объяснялась просто: концентрация капитала в торговле шерстью была сравнительно не высока, в Англии существовало множество конкурирующих мелких торговых фирм, а потому известие о государственных закупках такого количества шерсти немедленно породило бы жестокую спекуляцию. Именно отсутствие единой организации торговцев шерстью продиктовало необходимость передачи снабжения этим сырьем в руки государственных, а не частных органов.

Соотношение спроса и предложения на рынке сырья для обувного производства во многом напоминало ситуацию с шерстью. Потребности армии в обуви росли быстро, как и спрос на обмундирование, и даже быстрее, ибо кожаное сырье требовалось и для изготовления конской сбруи, а вся артиллерия была на конной тяге; мировое производство кож тоже сокращалось. Но по уровню концентрации капитала британская кожаная промышленность и торговля превосходили средние показатели других отраслей хозяйства: изготовлением и сбытом кожаного сырья занималось всего около 300 предпринимателей, организованных в Объединенную федерацию кожевников. На

их предприятиях еще до войны было установлено новейшее оборудование американского производства⁴³. Связь с поставщиками кож внутри страны и за рубежом осуществлялась централизованно, как правило, на основе долгосрочных контрактов. Поэтому введение государственного контроля над поставками этого вида сырья прошло, по словам Э. Ллойда, «с меньшими трением и противодействием, чем во многих других отраслях промышленности»⁴⁴. Объединенная федерация кожевников получила статус государственного ведомства, и вопрос был исчерпан.

Введение государственного регулирования экономики влекло за собой рост концентрации производства и капитала. Государственная монополия самим своим существованием способствовала ускоренному вымыванию мелких капиталистов, а государство различными мерами внеэкономического характера, вплоть до принудительного синдицирования, стремилось стимулировать этот процесс. «Если в какой-либо отрасли уже существовала представительная ассоциация (предпринимателей), — вспоминал Д. Ллойд Джордж, — мы обсуждали все вопросы с ней; если такого органа не существовало, мы стремились содействовать его созданию»⁴⁵. На практике это редко приводило к возникновению объединений монопольного типа, но концентрация капитала в контролируемых государством отраслях неизменно возрастала.

Государственное регулирование морских перевозок приоритетным комитетом по тоннажу и государственный контроль над сырьевым снабжением позволили правительству активно влиять на сферу производства. «Закон о производстве вооружений» 1915 г. вводил государственный контроль на предприятиях военных отраслей промышленности. Спустя два года государство, сосредоточив в своих руках основные источники сырья, могло определять объем производства любой отрасли промышленности.

Государственное регулирование производства посредством распределения сырья и транспорта⁴⁶ дополнялось системой государственных заказов. За годы войны буржуазное государство превратилось в крупнейшего потребителя промышленной продукции. Львиная доля английских предприятий была занята выполнением правительственных заказов, т. е. «работала на казну». Основную массу, естественно, составляли поставки для армии и флота, но не следует сбрасывать со счетов и государственные заказы на производство некоторых видов экспортной продукции (правительство придавало важное значение расширению экспорта в связи с ростом импорта и внешнего долга), на строительство новых государственных предприятий и производство оборудования для них и т. п. В условиях войны, когда и мировой, и внутренний рынки устойчивостью не отличались, хорошо оплачиваемые и надежные правительственные заказы стали лакомым куском для британских капиталистов, аренной острой конкурентной борьбы, где победу одерживали крупные фирмы, а мелкие предприятия оставались за бортом⁴⁷.

Предоставление правительственных заказов, централизованное снабжение сырьем, транспортом, рабочей силой — все эти средства регулирования производства служили лишь косвенными рычагами государственного проникновения в сферу частного бизнеса. Каждое в отдельности, пожалуй, не могло оказать серьезного влияния на экономику страны, но в комплексе они составляли существенный фактор государственно-монополистического развития. И такой комплекс реально сложился в Англии в течение 1917—1918 гг. А роль его «дирижера» выполнял созданный летом 1917 г. военно-приоритетный комитет под руководством генерала Я. Сметса, введенного в состав узкого Военного кабинета Ллойд Джорджа⁴⁸. Комитет ведал распределением заказов, сырья, транспорта, кредитов и рабочей силы в национальном масштабе и не был ограничен ведомственными рамками: в пределах своей компетенции он руководил деятельностью всех государственных органов от министерства труда до министерства финансов.

Широко используя методы косвенного регулирования промышленного производства, английское правительство одновременно усиливало прямое вмешательство в управление предприятиями. К 1917 г. только в обрабатывающей промышленности насчитывалось свыше 4 тыс. «контролируемых предприятий»⁴⁹, а год спустя их число превысило 5 тыс., причем, как правило, это были достаточно крупные заводы и фабрики: общая численность занятых на них рабочих составила в 1918 г. 2,2 млн. человек⁵⁰. «Контролируемые предприятия» не являлись собственностью государства, их владельцы получали фиксированную прибыль, но государственные органы устанавливали номенклатуру и объем выпускаемой продукции, определяли условия труда рабочих, организовывали снабжение сырьем, распределяли готовую продукцию и т. д.

Усиление государственно-монополистического вмешательства в экономику наиболее полно и наглядно проявлялось в росте государственного сектора. Отличительной чертой его развития в Англии в период первой мировой войны был почти полный отказ от прямого огосударствления. Правительство лишь в исключительных случаях прибегало к национализации отдельных предприятий даже за выкуп, в подавляющем большинстве случаев они просто переводились в разряд «контролируемых». Рост государственного сектора происходил главным образом за счет строительства новых государственных заводов. Если до войны существовало не более двух десятков государственных предприятий, то к концу 1915 г. — 77, к концу 1916 г. — 102, а к середине 1918 г. — 218 предприятий⁵¹. Одновременно со строительством новых расширялись и существующие государственные заводы⁵². Значение государственных и «контролируемых» предприятий заключалось не только в неуклонном возрастании удельного веса их продукции в общем объеме промышленного производства страны, но и в том, что государственные требования к качеству их продукции распространялись и на изделия частных пред-

приятий, ибо военное производство невозможно без стандартизации, а методы организации производства становились эталоном для большинства заводов данной отрасли промышленности.

Таким образом, государственным контролем в той или иной его форме — от распределения сырья и до прямого огосударствления — к концу войны были охвачены главные отрасли экономики Великобритании: промышленность, внешняя и значительная часть внутренней торговли, морской и железнодорожный транспорт. Государство превратилось в разносторонний регулятор процесса капиталистического воспроизводства.

2. Государственный контроль над рабочей силой

Стоявшие перед правительством в 1917—1918 гг. задачи в области мобилизации национальных трудовых ресурсов и регулирования отношений на производстве, на первый взгляд, принципиально не отличались от проблем, связанных с обеспечением промышленности сырьем в условиях, когда не хватало ни самого сырья, ни транспорта, или с распределением государственных заказов и кредитов. Действительно, с созданием невиданной в британской истории сухопутной армии, численность которой к концу войны превысила 5 млн. человек, рабочая сила превратилась едва ли не в самую дефицитную разновидность «стратегического сырья»⁵³, а правительственная политика перемещения и «разводнения труда» в конечном счете порождала больше проблем, чем решала⁵⁴. Однако суть проблемы заключалась в другом: рабочая сила — не просто один из необходимых элементов производства. Если с точки зрения экономики она представляет собой переменный капитал, то в социальном отношении — это рабочий класс, пролетариат, и потому введение полного государственного контроля над рабочей силой, диктуемое потребностями военной экономики, превращалось в задачу социально-политическую. Стремясь установить все более полный государственный контроль над рабочей силой как фактором производства, правительство Ллойд Джорджа не могло не учитывать ответной реакции рабочих.

Правительственная программа государственного регулирования рынка рабочей силы была изложена Д. Ллойд Джорджем в палате общин 19 декабря 1916 г. Новый премьер-министр впервые официально объявил о создании системы «национальной службы», призванной дополнить конскрипцию всеобщей трудовой повинностью и тем самым завершить дело «милитаризации труда»⁵⁵.

Курс на мобилизацию всех трудовых ресурсов страны был прямым развитием идеи, вынашивавшейся Ллойд Джорджем с весны 1915 г. и частично реализованной им в «Акте о производстве вооружений» и в деятельности министерства вооружений. Предельно точная оценка социально-экономической сущности

этого курса была дана В. И. Лениным, который рассматривал его как «огосударствление рабочей силы»⁵⁴.

Для реализации правительственной программы этатизации рабочей силы было образовано новое учреждение — министерство национальной службы во главе с Невилем Чемберленом⁵⁷. Создаваемая министерством система на первых порах предусматривала добровольную регистрацию рабочих-мужчин в возрасте от 18 до 61 года с последующим направлением их на работу по усмотрению министерства; позже такой порядок был распространен и на женщин, направляемых на сельскохозяйственные работы⁵⁸. Эта система набора на работу предназначалась в первую очередь для неквалифицированных рабочих и не освобождала их от несения военной службы. В то же время согласно «Акту о производстве вооружений» квалифицированные рабочие-добровольцы, занятые в военном производстве, от службы в армии освобождались, а полуквалифицированные зачислялись в «армейский резерв рабочих военного производства» и в случае увольнения немедленно попадали на фронт⁵⁹. В октябре 1917 г. порядок набора на работу в системе «национальной службы» был дополнен: для найма рабочих предприниматели должны были получить от министерства специальное разрешение (это относилось и к тем, кто принят на работу после 28 февраля 1917 г.)⁶⁰.

Результаты деятельности системы «национальной службы» были весьма скромными: по направлению министерства работу получили 8842 человека (из них 2267 и раньше работали на том же месте), хотя было зарегистрировано почти 275 тыс. человек⁶¹. Ллойд Джорджу пришлось признать, что «министерство не сумело выполнить той задачи, которая перед ним была поставлена...»⁶², всю вину за этот провал он возложил на «бездарность» Н. Чемберлена⁶³. Последний был смещен со своего поста, и во главе реорганизованного министерства национальной службы встал О. Геддес.

Обещание премьер-министра в случае провала программы «национальной службы» на добровольных началах прибегнуть к принуждению⁶⁴ не было выполнено. Но произошло это не потому, что Ллойд Джордж полностью разочаровался в руководстве министерства национальной службы⁶⁵, а потому, что в прямом принуждении уже не было необходимости: всеобщая воинская повинность так удачно для буржуазии дополнила «Акт о производстве вооружений», что с расширением сферы его действия «милитаризация труда» проводилась автоматически. После повышения в апреле 1918 г. верхней границы призывного возраста до 51 года угроза при потере работы немедленно оказаться на фронте стала реальной для подавляющего большинства рабочих, а труд на предприятиях, отнесенных к числу «имеющих военное значение», фактически уже был военизирован и регламентировался исключительно «Актом о производстве вооружений». Если в начале 1917 г. действие «Акта» распространялось примерно на 2 млн. английских рабочих, то к концу войны

ним определялись условия труда 4/5 рабочего класса страны⁶⁶.

Цель, которую преследовали капиталисты, учреждая министерство национальной службы, тем самым была достигнута (правда, без его помощи), была создана военная каторга⁶⁷ для английских рабочих — система государственного военного внеэкономического принуждения.

Несколько иные цели преследовало учреждение еще двух новых министерств — пенсий и труда. В задачу первого, которое возглавил лейборист Барнс, входила организация пенсионного обеспечения инвалидов первой мировой войны. В начале войны помощь им оказывали разного рода благотворительные организации, но война продолжалась, в ее кровопролитных сражениях получали увечья и раны все больше Томми Аткинсов, — благотворительных средств не хватало. С весны 1916 г. при муниципальных советах стали создаваться пенсионные комитеты, ведавшие распределением ассигнованных на помощь инвалидам войны средств. Новое министерство призвано было координировать эту работу в национальном масштабе.

Однако наряду с координацией министерство пенсий должно было осуществлять контроль за работой местных органов, причем не только фискальный, но и политический. Дело в том, что недовольство организацией пенсионной помощи порождало в массах стремление взять распределение средств в свои руки. Учитывая это, правительство в сентябре 1916 г. разрешило участие представителей местных рабочих организаций в работе пенсионных комитетов⁶⁸, в связи с чем централизованный надзор за их деятельностью превратился в насущную необходимость. Иными словами, усиление реакционно-бюрократического контроля «сверху» явилось прямым следствием борьбы масс за контроль «снизу». При этом назначение министром пенсий «рабочего» Барнса давало буржуазии возможность выдать первый за второй.

22 декабря 1916 г. специальным парламентским актом было учреждено министерство труда. По плану Ллойд Джорджа оно должно было стать прикрытием системы «национальной службы»: министерство труда обеспечивало сохранение «сотрудничества классов» при расширении системы принудительного военизированного труда. Показательно, что руководство министерством труда было поручено бывшему лидеру лейбористов в палате общин Джону Ходжу, известному своей неприкрытой ненавистью к рабочему движению, в которой он был гораздо откровеннее своих коллег по оппортунизму⁶⁹. Став министром, Ходж немедленно провозгласил курс на полную ликвидацию стачечной борьбы хотя бы до конца войны⁷⁰ и в дальнейшем твердо его придерживался. В августе 1917 г. Ходж сменил Барнса на посту министра пенсий, а министром труда был назначен другой лейборист, в прошлом представитель профсоюза печатников Дж. Робертс, член правительства «со стажем», занимавший пост парла-

ментского секретаря министерства торговли с июня 1915 г.⁷¹ Впрочем, смена руководства никак не отразилась на деятельности министерства труда, по-прежнему нацеленной на сглаживание классовых конфликтов.

3. Государственное стимулирование сельскохозяйственного производства

До первой мировой войны производство сельскохозяйственной продукции на Британских островах удовлетворяло продовольственные потребности страны не более чем на 1/3, остальные покрывались за счет импорта⁷². Введение государственного контроля и лицензирования импортных поставок, следовательно, автоматически превращало британское правительство в контролера большей части продовольствия. Но до 1917 г. продовольственный вопрос, казалось, вовсе не занимал правительство: принцип «бизнес как обычно» просуществовал в этой сфере в течение двух лет⁷³. Основной причиной такого положения явился необычайно высокий урожай 1915 г.: он почти на 1/3 (30,7%) превысил средний за предвоенное десятилетие⁷⁴. Одновременно высокие урожаи на американском континенте и отсутствие затруднений с морскими перевозками не внушали опасений в снабжении продовольствием. Пожалуй, единственной причиной для легкого беспокойства явилось сокращение рабочих рук в сельском хозяйстве: в первый год войны в армию вступило более 15% сельскохозяйственных рабочих Англии и Уэльса⁷⁵. С этим, однако, министерство сельского хозяйства справлялось, привлекая к участию в уборочных работах женщин и школьников⁷⁶.

В июне 1915 г., когда еще не были ясны итоги уборочной кампании, первое коалиционное правительство учредило при министерстве сельского хозяйства совещательный комитет под председательством лорда Милнера для разработки мер по поддержанию существующего уровня производства сельскохозяйственной продукции, «исходя из возможности продолжения войны до сбора урожая 1916 года»⁷⁷. Через месяц комитет в своем первом докладе единодушно рекомендовал расширить посевные площади под пшеницей в Англии на 1 млн. акров и установить гарантированную минимальную цену в 45 шилл. за четверть (12,7 кг) на четырехлетний период. Эти меры, по мнению комитета, позволили бы дополнительно получать около 5 млн. четвертей пшеницы в год, или полуторамесячную норму потребления. Но обильный урожай 1915 г. повлиял на итоговое суждение членов комитета: окончательный его доклад, опубликованный в октябре, содержал лишь общее пожелание о расширении посевных площадей, да и оно было принято незначительным большинством⁷⁸. Правительство, со своей стороны, в сентябре 1915 г. обратилось к патриотизму фермеров, призвав их содействовать военным усилиям «короля и страны» увеличением

производства сельскохозяйственной продукции, и на этом сочло свою миссию завершённой⁷⁹.

Однако в следующем году положение решительно изменилось. Первым сигналом тревоги явилось дальнейшее сокращение рабочих рук в сельском хозяйстве. К середине 1916 г. около 1/3 его работников находилось в армии, и поэтому наряду с трудом женщин и детей правительство вынуждено было санкционировать использование на сельскохозяйственных работах солдат⁸⁰. Осенью появились новые заботы: год оказался неурожайным не только в Англии, но и в Канаде, США, Аргентине; действия германских подводных лодок все больше затрудняли доставку продовольствия; цены на продукты катастрофически росли, а с ними росла и спекуляция⁸¹. Правительство больше не могло сохранять позицию невмешательства.

В начале декабря 1916 г. министерство сельского хозяйства издало «Указ об обработке земель», основанный на «Законе о защите королевства». По этому указу городским муниципальным советам было предоставлено право распределять необрабатываемые земли под огородные участки даже без согласия их владельцев. Месяц спустя такие же права были даны советам графств в сельской местности, а в феврале 1917 г. было разрешено разбивать огороды на землях, не используемых для производства продуктов питания (декоративные газоны, парки, цветники и т. п.)⁸². Меры эти не давали какой-либо существенной прибавки к общему объёму производства продовольствия, однако правительство Ллойд Джорджа, в частности новый министр сельского хозяйства Р. Протеро (позже — лорд Эрнль), придавало большое значение движению «огородничества», ибо оно позволяло на время отодвинуть решение главной проблемы — значительного увеличения площади пахотных земель.

Суть проблемы заключалась в следующем: в Англии и Уэльсе из почти 50 млн. акров пригодной для обработки земли 27 (или 3/5) занимали луга и пастбища, а под пашню использовалось едва 20 млн. акров⁸³. Для расширения площади пахотных земель требовалось «власть употребить», ибо землевладельцы весьма неохотно откликались на правительственные призывы, ссылаясь на нехватку рабочих рук для обработки введенных в оборот пахотных земель⁸⁴. Иными словами, если бы даже удалось так или иначе распахать луга, ожидаемой от такой меры прибавки урожая могло и не последовать. С другой стороны, использование такого метода государственного регулирования, как фиксация цен в сельском хозяйстве, не давало желаемого результата. Если промышленный капиталист самими условиями производства ориентирован на выпуск определенного вида продукции, а потому вынужден мириться с фиксированной ценой на нее, то фермер, столкнувшись с фиксированием цен, например, на зерно, может довольно легко переключиться на выращивание, скажем, свиней, откармливая их тем самым зерном, цену на которое государство зафиксировало⁸⁵. Нужный эффект, следовательно,

мог быть достигнут только при условии фиксирования цен на все основные виды сельскохозяйственной продукции.

Государственным органом, на практике приступившим к решению проблемы расширения посевных площадей в Англии, стал департамент продовольственного производства, учрежденный при министерстве сельского хозяйства и рыболовства 1 января 1917 г. Генеральным директором департамента был назначен Т. Миддлтон, который получил довольно широкие полномочия и подчинялся непосредственно министру сельского хозяйства⁸⁶. Деятельность департамента продовольственного производства первоначально сводилась к посредничеству в переговорах между фермерами и оптовыми торговцами об условиях продажи продукции, а также к организации снабжения земледельцев удобрениями и инвентарем⁸⁷. Но вскоре характер ее изменился.

В конце января 1917 г. было издано Постановление 2-М на основе DORA, которое предоставило департаменту полномочия в случае необходимости устанавливать условия и формы использования тех или иных земельных участков. Для наблюдения за правильной обработкой земли при департаменте продовольственного производства под председательством правительственных чиновников образовывались сельскохозяйственные комитеты графств из крупных фермеров и землевладельцев⁸⁸. Комитеты получили право реквизиции земельных участков, сельскохозяйственных построек и инвентаря, но почти не пользовались им, так как большинство фермеров и без того выполняли их распоряжения.

Покладистость фермеров во многом объяснялась тем, что система принудительного землепользования, которую фактически устанавливали сельскохозяйственные комитеты графств, в скором времени была дополнена новой системой закупочных цен на продукты сельского хозяйства. 23 февраля 1917 г. Ллойд Джордж огласил в палате общин программу фиксации минимальных цен на пшеницу, овес и картофель⁸⁹, которая в окончательном виде была сформулирована в принятом парламентом через два месяца «Акте о производстве зерна»⁹⁰. Закон устанавливал гарантированную государством минимальную цену на основные продукты земледелия на уровне близком (а зачастую и превышающем) среднему уровню рыночных цен. Кроме того, закон вводил гарантированный минимум оплаты труда сельскохозяйственных рабочих и определял порядок распашки земель под зерновые культуры. Естественно, введенный минимум цен на продукты земледелия недешево обходился налогоплательщикам: менее чем за два года департамент продовольственного производства израсходовал на субсидирование продовольственных закупок внутри страны 9 млн. ф. ст.⁹¹

И все же результаты деятельности департамента в полной мере не оправдали возлагавшихся на него надежд. В 1917 г. было распахано 975 тыс. акров пастбищ и лугов (из них 638 тыс. акров приходилось на долю Ирландии)⁹², а в следующем году —

1250 тыс. акров, что дало дополнительно более 1 млн. тонн пшеницы (увеличение на 59,3%), около 1,5 млн. тонн овса (38,5%) и более 2,5 млн. тонн картофеля (59%)⁹³. В 1917—1918 гг. производство продукции земледелия выросло в Англии менее чем на 1/4, или, как отмечал Т. Миддлтон, «если страна вступила в войну, будучи обеспеченной продовольствием из собственных источников на 125 из 365 дней в году, то к моменту перемирия она собирала урожай, достаточный для продовольственного снабжения в течение 155 дней из 365»⁹⁴. При этом следует иметь в виду, что распашка пастбищ, рост поставок фуража для нужд армии и, главное, выгодность в новых условиях земледелия в сравнении с животноводством привели к сокращению производства мяса в стране почти на треть⁹⁵.

Итак, государственное регулирование сельскохозяйственного производства в Англии на последнем этапе мировой войны осуществлялось посредством системы фиксирования закупочных цен; другие методы — реквизиции, принудительное землепользование и т. п., хотя и применялись, но играли подчиненную роль. Отличительной чертой подобного регулирования явилось установление государством минимальной, а не максимальной, как обычно, цены на тот или иной вид продукции. Однако поскольку гарантированные правительством цены зачастую превышали рыночные, они одновременно являлись и максимальными⁹⁶. Двойственный характер фиксирования цен на сельскохозяйственную продукцию позволял решать сразу две задачи. Во-первых, фиксирование верхнего предела цен правительство всегда оправдывало как меру, направленную на ограничение сверхприбылей, хотя на деле оно вело к обогащению крупной буржуазии. Сельское хозяйство не составляло исключения: распашку лугов и пастбищ проводили главным образом крупные землевладельцы (мелкие арендаторы их просто не имели), а значит, и вся выгода от высоких закупочных цен доставалась им. Во-вторых, фиксированием минимальных цен на уровне, превышающем рыночные цены, стимулировался рост производства продуктов земледелия за счет основной массы населения страны, ибо требовались существенные государственные субсидии и соответственно увеличивался налоговый гнет.

4. Государственная организация продовольственного снабжения

Увеличение сельскохозяйственного производства в Англии было лишь частью проблемы организации продовольственного снабжения страны. Основная задача заключалась в том, чтобы в условиях роста цен на все виды продовольственных товаров и сокращения морских перевозок наладить распределение продовольствия в масштабах страны. К концу 1916 г. необходимость этого ощущалась настолько остро, что даже такой непримиримый противник государственного вмешательства, как министр

торговли У. Рансимен⁹⁷, официально признал неизбежным расширение пространства «Закона о защите королевства» на распределение продовольствия⁹⁸. Правительство Асквита планировало некоторые шаги в этом направлении⁹⁹, но, по обыкновению, медлило¹⁰⁰. Единственной реальной мерой явилось создание 10 октября 1916 г. королевской комиссии по снабжению пшеницей, аналогичной комиссии по сахарному снабжению, учрежденной двумя годами раньше.

Правительство Ллойд Джорджа поспешило исправить положение: одновременно со сменой руководства в министерстве сельского хозяйства и рыболовства было образовано особое ведомство контролера продовольствия во главе с лордом Девонпортом¹⁰¹. Но в первые месяцы существования его работа не давала никаких результатов: продовольственное положение страны непрерывно ухудшалось. Критическая ситуация создалась в апреле 1917 г., когда в полную меру проявились последствия как мирового неурожая 1916 г., так и германской «неограниченной подводной войны». Стране грозила нехватка мяса, зерна и муки оставалось на два месяца, а сахара — на четыре дня!¹⁰² Парламентский секретарь ведомства контролера продовольствия заявил в печати, что положение «граничит с катастрофой»¹⁰³, а сам лорд Девонпорт призвал народ сделать «чрезвычайные усилия» в связи с «крайне серьезным положением»¹⁰⁴. Дальше призывов он, однако, не шел — вся позитивная деятельность контролера продовольствия свелась к санкционированию его властью мероприятий двух работающих органов государственного снабжения: комиссий по сахару и пшенице. Кроме того, лорд Девонпорт попытался ввести что-то вроде добровольного rationирования хлеба (по 4 фунта на человека в неделю), мяса (по 2,5 фунта) и сахара (по 300 г), но из этого ничего не вышло¹⁰⁵.

Во многих отношениях апрель 1917 г. в Англии напоминал апрель 1915 г., с той разницей, что речь теперь шла не о «снарядном», а просто о голоде. В разных районах страны возникали перебои со снабжением продовольственными товарами, в Лондоне и других больших городах выстраивались очереди за продуктами — явление, которого Англия не знала много десятков лет¹⁰⁶. В массах росло недовольство неэффективностью мер государственного контроля над продовольственным снабжением, и это отражалось в многочисленных, осуждавших бездействие Девонпорта резолюциях, принятых большинством местных и даже центральными органами тред-юнионистского и кооперативного движения¹⁰⁷. Особую тревогу правящих кругов вызывало требование рабочих передать дело продовольственного контроля в руки рабочих организаций. Движение за контроль «снизу» приобрело широкий размах. По всей стране создавались наблюдательные комитеты, следившие за справедливым распределением продуктов питания¹⁰⁸. Результатом массовой кампании протеста стала отставка лорда Девонпорта в конце мая и реорга-

низация его ведомства в министерство продовольствия. 17 июня 1917 г. министром продовольствия был назначен лорд Рондда¹⁰⁹, развернувший активную деятельность в нескольких направлениях.

Прежде всего был реорганизован весь аппарат государственного контроля над продовольствием, основу которого теперь составили комитеты на местах. Как правило, они состояли из 10—12 членов, назначаемых муниципалитетами городов и советами графств¹¹⁰ из представителей торгово-промышленных ассоциаций. В своей деятельности комитеты продовольственного контроля были независимы от местных органов. Вся страна была разделена на 15 продовольственных зон, распределение продуктов в них полностью контролировалось администраторами — зональными продовольственными контролерами. Должности эти обычно занимали крупнейшие в данном районе оптовые торговцы и реже — правительственные чиновники высокого ранга. В июне 1918 г. число местных продовольственных комитетов превышало 2 тыс., а штат министерства продовольствия вместе с аппаратом зональных контролеров насчитывал 4350 сотрудников¹¹¹.

Учитывая массовое недовольство практикой государственного контроля за продовольственным снабжением и стремление рабочих установить собственный контроль, лорд Рондда позаботился о том, чтобы создать иллюзию участия населения в работе министерства продовольствия. В число членов местных продовольственных комитетов было рекомендовано включать представителей рабочих организаций (не более двух человек) и представительницу женщин-домохозяек. Понятно, что реальное влияние двух-трех человек было ничтожно, но «эффект участия» тем самым достигался. Парламентским секретарем министерства продовольствия был назначен лейборист Р. Клайнс. Это должно было внушить рабочим мысль, что их интересы представлены на всех уровнях государственного контроля за продовольственным снабжением¹¹². Той же цели служил и созданный по инициативе лорда Рондды потребительский совет (Consumers Council) при министерстве продовольствия¹¹³. Составленный из представителей компаний розничной торговли и потребительских кооперативов, он отстаивал не интересы населения, как следовало бы предположить по его названию, а служил своеобразным противовесом интересам производителей сельскохозяйственной продукции и оптовых поставщиков при определении цен на продовольствие¹¹⁴.

Другим ведущим направлением деятельности министерства продовольствия стало создание «системы расценок» («costings system»). Вступив на пост министра продовольствия, лорд Рондда столкнулся с полной неразберихой в системе снабжения. Заготовкой и распределением масла, маргарина и жиров занимался отдел снабжения министерства вооружений, поставки в страну мяса, сыра, свежемороженой рыбы и чая осуществлялись через

министерство торговли, консервная промышленность находилась в ведении министерства сельского хозяйства и т. д. Связь между снабженческими организациями разных министерств практически отсутствовала, а потому устанавливаемые ими на один и тот же товар цены часто значительно отличались друг от друга. Например, министерство торговли покупало овес по ценам, намного превышающим те, которые выплачивались за овес военным министерством.

Военное министерство, адмиралтейство и продовольственный совет армии и флота, закупая провиант в больших количествах, не обращали никакого внимания на продовольственное положение внутри страны¹¹⁵.

Для централизации всего продовольственного снабжения в одних руках требовалось прежде всего установить единый принцип оценки пищевых продуктов. В июле 1917 г. лорд Рондда учредил департамент расценок министерства продовольствия во главе с секретарем министерства по финансовым вопросам компаньоном крупной торговой фирмы «У. Б. Пит и К°» Гарри Питом¹¹⁶. Юридической основой деятельности департамента стали изданные на базе DORA постановления 7, 15-С и особенно 2-Г. Последнее обязывало всех лиц, связанных с производством, хранением, переработкой, транспортировкой и торговлей продовольственными товарами, беспрепятственно подавать все необходимые сведения делового характера органам, уполномоченным на то министерством продовольствия, а также предоставляло ему неограниченное право проверки этих сведений, включая полную ревизию конторских книг¹¹⁷. Для проведения этой работы в каждом крупном центре промышленности и торговли, по рекомендации президента Института привилегированных счетоводов (национальной ассоциации финансово-счетных компаний), одна из бухгалтерских фирм назначалась государственной районной ревизионной бухгалтерией при министерстве продовольствия.

Принцип, положенный Г. Питом в основу «системы расценок» продовольствия, заключался в определении «справедливого» размера доходов предпринимателей и торговцев последовательно на каждой стадии движения продукции от полей и ферм до прилавков продовольственных магазинов. На практике процедура выглядела следующим образом. Министерство продовольствия обращалось к крупнейшей ассоциации капиталистов данной отрасли (будь то землевладельцы, фермеры, транспортники, оптовые или розничные торговцы), которая называла наиболее типичные компании, ведущие дела в этой области; затем департамент расценок поручал соответствующей районной ревизионной бухгалтерии проверить финансовые отчеты и конторские книги названных компаний и подготовить на этой основе проект прейскуранта; сводные прейскуранты по каждому виду продуктов обрабатывались департаментом расценок и представлялись на обсуждение сначала в совет земледелия, а затем и в потре-

бительский совет; окончательное решение принимал министр продовольствия¹¹⁸

Методы расчета «справедливой» компенсации предпринимателям варьировались в зависимости от конкретных условий, но неизменно к выгоде капиталистов. Так, в производстве маргарина расчеты были основаны на сумме дохода на вложенный капитал, а не на средней сумме довоенных прибылей, как обычно, ибо потребление маргарина резко возросло в годы войны в связи с сокращением производства масла, а это потребовало расширения маргаринового производства, т. е. значительных капиталовложений. Для мелкой розничной торговли были сделаны поправки на рост стоимости жизни. В отдельных случаях вводилась скользящая шкала расценок в зависимости от товарооборота фирм и т. п.¹¹⁹ В подавляющем большинстве случаев расценки устанавливались на уровне, позволявшем получать прибыль даже мелким фирмам. Иными словами, государственное регулирование распределения продовольствия защищало интересы всех капиталистов, занятых в этой сфере хозяйства. Государственный контроль над импортом и морскими перевозками обеспечивал стабильность деловых операций буржуазии, ее независимость от превратностей рынка, а система фиксированных расценок устраняла издержки конкуренции. В то же время гарантируемый государством высокий уровень компенсации обогащал преимущественно крупную буржуазию. «Система расценок», таким образом, являлась важным инструментом государственно-монополистического регулирования процесса капиталистического распределения¹²⁰.

Высокий уровень расценок обеспечивался государственными субсидиями, что позволило к осени 1917 г. установить твердые розничные цены на основные продукты питания (сыр, масло, рыбу, кофе, горох, бобы, пряности и др.), а на некоторые продукты (молоко, сахар, мясо) даже понизить на 15—25%¹²¹. Наиболее ощутимым было снижение цены на хлеб. Стандартный 4-фунтовый батон, стоивший перед войной 5,5 пенса, летом 1917 г. продавался по одному шиллингу и дороже, т. е. цена на хлеб выросла более чем в 2 раза¹²². В сентябре его цену удалось снизить до 9 пенсов — на 25—30%, что было достигнуто двумя взаимосвязанными мерами: крупной государственной субсидией в сумме более 50 млн. ф. ст. в год¹²³ и установлением государственного контроля над мукомольными и хлебопекарными предприятиями. Последняя мера имела некоторые своеобразные черты. Дело в том, что «Актом о защите королевства» еще в 1914 г. были зафиксированы права короны (=буржуазного государства) «брать во владение» собственность подданных. Эти права короны лежали в основе перестройки управления железнодорожным транспортом, на них базировалось создание «контролируемых предприятий» в военной промышленности, ими же мотивировалось и объявленное министерством продовольствия в сентябре 1917 г. «вступление во владение» мельницами и пекарнями.

«Владение» означало, что министерство продовольствия установило жесткие требования к качеству муки и выпекаемого из нее хлеба (80% муки грубого помола и 20% отрубей и других добавок) и зафиксировало цены на муку и хлеб. В остальном оно никак не затронуло ни обычного хода деловых операций владельцев мельниц и пекарен, ни получаемой ими прибыли¹²⁴. Более того, снижение цены на хлеб создало положение, при котором мукомольное и пекарное производство стало убыточным, но убытки покрывались государственной субсидией, а владельцы получали гарантированную прибыль, рассчитанную департаментом расценок на базе средней довоенной прибыли на вложенный капитал (максимально выгодной капиталистам). Иными словами, «владение» мельницами и пекарнями отстояло от подлинной национализации дальше, чем даже реквизирование морских судов, не говоря уже о «контролируемых предприятиях».

Огромная по своим масштабам деятельность министерства продовольствия¹²⁵, возглавляемого лордом Ронддой, всецело была направлена на удовлетворение классовых интересов буржуазии как в экономическом, так и в социальном отношениях. Создание разветвленного аппарата, «система расценок» и хлебная субсидия позволили на время стабилизировать продовольственное положение, но не могли решить кардинальной проблемы увеличения подвоза продовольствия в Англию¹²⁶. В октябре 1917 г. у магазинов вновь стали выстраиваться очереди за продуктами и печать заговорила о «продовольственном голоде»¹²⁷. В ноябре—декабре очереди превратились в массовое явление, но, даже простояв в них с утра до вечера, люди не всегда могли купить продукты. «Times» сообщала, что в английской столице невозможно стало купить сахар, чай, масло, маргарин, жиры, молоко, бекон, свинину, рис и другие продовольственные товары¹²⁸. В этих условиях единственным выходом из положения должно было стать введение карточной системы распределения.

Серьезность продовольственного кризиса и рост недовольства трудящихся вынуждали правящие круги действовать быстро. Пока министерство разрабатывало проект централизованного распределения по карточкам, местные комитеты продовольственного контроля вводили карточную систему для своих районов самостоятельно. В январе 1918 г. представители 28 продовольственных комитетов лондонского округа разработали совместную систему rationирования мяса, масла и маргарина. В начале следующего месяца к ним присоединились комитеты соседних графств, а с 28 февраля 1918 г. карточки на мясо и жиры были введены по всей Англии¹²⁹. К середине июля по карточкам распределялись: мясо — 1 фунт на человека в неделю, сахар — 0,5 фунта, чай — 2 унции, бекон и ветчина — нормы распределения существенно отличались в разных районах страны; отдельные продукты (молоко, сыр) rationировались только в городах, карточки на хлеб введены не были¹³⁰. Все население было разбито на пять категорий, причем рабочие (за исключением

военных отраслей промышленности) и члены их семей оказались в худшем положении: летом 1918 г. газета «Herald» неоднократно помещала сообщения о случаях голодной смерти в рабочих семьях¹³¹. Даже карточная система, призванная, по утверждениям буржуазной печати, ввести принцип равноправного распределения продовольствия, на деле была классово однобокой.

Система государственного контроля над продовольствием оказала огромное влияние на английское рабочее движение. Она непосредственно касалась каждого рабочего, всех жителей Англии, поэтому государственный контроль именно в этой сфере хозяйства во многом определил отношение трудящихся масс к государственному контролю вообще. Рабочие убедились в необходимости контроля, и в то же время они поняли, что контроль со стороны буржуазного государства, как бы его ни приукрашивали участием «рабочих» представителей, служит только интересам капиталистов. Эту позицию рабочих не могло поколебать даже назначение лейбориста Р. Клайнса министром продовольствия, последовавшее в июле 1918 г. после смерти лорда Рондды, хотя буржуазия связывала с «рабочим» министром продовольствия большие надежды на «продление спокойных дней»¹³². Практика реакционно-бюрократического государственного контроля над распределением ежедневно убеждала самые широкие слои английских трудящихся в необходимости борьбы за контроль «снизу», за рабочий контроль.

5. Государственный контроль в угледобывающей промышленности

В структуре британской экономики добыче угля принадлежала особая роль. Уголь был одним из немногих полезных ископаемых, которыми Англия располагала в достаточных количествах¹³³. Уголь для промышленности страны был необходим, как хлеб для ее населения: он почти полностью обеспечивал энергетические потребности промышленности и служил сырьем для металлургии. Склонный к выпендренным выражениям Ллойд Джордж отнюдь не преувеличивал, называя уголь «кровью, которая течет в жилах индустрии нашей страны»¹³⁴. Ежегодная добыча угля в Англии накануне войны составляла 287 млн. тонн, или около 20% мировой добычи¹³⁵. Более 70 млн. тонн угля на сумму 53 млн. ф. ст. Англия вывозила; экспорт угля служил одной из основных статей внешней торговли, достигая 10% от стоимости британского экспорта¹³⁶.

Быстрыми темпами развивалась концентрация производства и капитала в угледобыче. К началу первой мировой войны в Соединенном Королевстве насчитывалось около 3 тыс. угольных шахт, принадлежащих 1,5 тыс. акционерных компаний и индивидуальных владельцев с общим капиталом в 135 млн. ф. ст. Этот капитал ежегодно приносил 4 тыс. держателей акций угольных компаний доход в 25 млн. ф. ст.¹³⁷ В крупных центрах

угледобычи процесс концентрации капитала развивался горизонтально. В Шотландии объединение пяти мощных угольных компаний давало свыше 50% добывавшегося там угля; «Кембрийский трест» лорда Рондды (тогда еще — Д. Томаса), подчинивший в начале 1916 г. две другие компании, производил около 40% угля южноуэльского бассейна¹³⁸. Наряду с этим в годы войны интенсивно развивалось вертикальное объединение угольных и металлургических фирм. Монополистические объединения возникали в разных районах Англии: в Мидленде — «Юнайтед стил лимитед» и «Дормен, Лонг энд К°», в Йоркшире и Дархэме — «Пиз энд партнерс лимитед», на севере Англии — «Пирсон энд Наулс коул энд айрон лимитед» и т. д.¹³⁹ С другой стороны, около 1/3 угольных шахт принадлежали мелким предпринимателям. Каждая из них давала не более 2 тыс. тонн угля в год, а все вместе — менее 1% угледобычи страны¹⁴⁰. Впрочем, даже на крупных шахтах механизация подземных работ находилась на крайне низком уровне — только 8% добываемого в стране угля производилось с помощью механизмов, а остальные 92% — вручную (по сравнению с 50% в США)¹⁴¹.

Рост производства угля в Англии достигался исключительно за счет увеличения числа рабочих. За 25 лет, предшествовавших первой мировой войне, ряды шахтеров почти удвоились, их общее число достигло 1100 тыс. человек¹⁴². Условия труда шахтеров были ужасными. Изнурительная работа, низкая заработная плата, полное отсутствие охраны труда обуславливали высокий уровень смертности. Мало кто из шахтеров доживал до старости. По подсчетам секретаря Федерации горняков Ф. Ходжеса, в среднем каждые 6 часов на шахтах Англии погибал один из рабочих, а каждые три минуты кто-то из шахтеров получал увечье или серьезную травму¹⁴³.

Значение угледобывающей промышленности и специфика производства в этой отрасли определили ведущую роль шахтеров в английском рабочем движении. По уровню классового сознания и степени организованности¹⁴⁴ шахтеры, несомненно, являлись авангардом британского пролетариата. Накануне первой мировой войны накал стачечной борьбы шахтеров неуклонно нарастал, достигнув кульминации весной 1912 г. во время всеобщей стачки горняков, которая, по определению В. И. Ленина, «составила эпоху»¹⁴⁵ в английском рабочем движении. Развитие государственного контроля в угледобывающей промышленности более, чем в любой другой отрасли хозяйства, должно было учитывать позицию рабочих.

В первые месяцы войны общее сокращение промышленного производства и переориентация внешнеторговых связей вызвали сокращение спроса на уголь и соответственно падение цен на него. Однако эти изменения конъюнктуры носили кратковременный характер. С начала 1915 г. по мере перестройки промышленности на военные рельсы и роста транспортных перевозок цены на уголь стали стремительно возрастать. Объяснялось это и сокращением

его добычи, которое было вызвано уходом в армию за первые полгода войны почти 200 тыс. шахтеров¹⁴⁶.

Положение в угледобывающей промышленности сравнительно рано привлекло внимание либерального правительства. В феврале 1915 г. департамент шахт министерства торговли назначил совещательный комитет по вопросам организации добычи угля, главной задачей которого являлась выработка рекомендаций по расширению производства. В состав комитета, наряду с шахтовладельцами и правительственными чиновниками, были включены и представители Федерации горняков, однако последние согласились участвовать в работе комитета только после того, как из программы его деятельности была изъята задача изыскания путей для «облегчения набора шахтеров в армию»¹⁴⁷. Увеличение производства угля могло быть достигнуто либо механизацией добычи и реорганизацией управления шахтами, либо интенсификацией труда шахтеров. Понятно, что комитет, большинство которого состояло из предпринимателей, рекомендовал правительству второе. Государственные меры должны были носить характер помощи шахтовладельцам в борьбе с рабочими, без вмешательства в дела «частного бизнеса»¹⁴⁸.

Одновременно с комитетом по вопросам организации добычи угля министерство торговли учредило и другой совещательный орган — «угольный комитет». В его задачу входила разработка мероприятий по снижению цен на уголь, т. е. контроль над распределением. В марте 1915 г. «угольный комитет» представил доклад, в котором рекомендовал ввести ограничения на экспорт угля в нейтральные страны, использовать трофейные суда для перевозки угля и создать в Лондоне резервный запас угля к следующей зиме. Трудно, конечно, поверить, что члены комитета всерьез рассчитывали стабилизировать цены подобными мерами, но никаких конкретных форм введения государственного контроля (даже фиксирования цен) они не предложили, предпочитая «обратиться к средствам, которые, — как говорилось в докладе, — проще и в настоящее время более практичны»¹⁴⁹.

В мае 1915 г. министру торговли У. Рансимену удалось уговорить розничных торговцев Лондона добровольно согласиться с ограничением разницы между оптовой и розничной ценами тонны угля в 7,5 шилл.¹⁵⁰ В следующем месяце это соглашение было распространено на другие районы страны. Но стабилизация розничных цен не могла замедлить роста стоимости производства угля и увеличения оптовых цен. Добровольный принцип, как и во всех остальных случаях, себя не оправдал.

29 июля 1915 г. британский парламент принял первый «Акт об ограничении роста угольных цен», согласно которому стоимость добычи тонны угля не должна была превышать определенной суммы, бывшей примерно на 1/3 выше довоенной (прибавка составляла 4 шилл. за тонну)¹⁵¹. Второй «Акт об ограничении роста угольных цен», принятый годом позже, несколько поднял потолок цен на уголь. Примечательной чертой обоих

актов являлся не их экономический эффект, а социальная сущность. Законодательная фиксация цен на уголь вызывалась не столько экономическими трудностями, сколько классовой борьбой шахтеров, возмущенных безудержным ростом прибылей шахтовладельцев¹⁵². Достаточно вспомнить, что как раз в те дни, когда парламент обсуждал первый «Билль об ограничении роста угольных цен», в Южном Уэльсе и Монмаутшире бастовали десятки тысяч шахтеров, требовавших увеличения заработной платы и ограничения прибылей хозяев. Новый закон и преподносился правительством как средство ограничения прибыли, но одновременно рабочих убеждали не требовать прибавки к заработку, так как якобы при ограничении цен делать этого нельзя. Что касается прибыли, то оба закона весьма слабо повлияли на ее рост, как и на рост цен¹⁵³, а вот зарплата шахтеров действительно осталась без изменений. Таким образом, законы об ограничении роста угольных цен служили средством преодоления кризиса за счет трудящихся, хотя вводились они под флагом «равенства жертв».

Эта система государственного регулирования цен на уголь, вполне отвечавшая интересам капиталистов, просуществовала до конца войны: в сентябре 1917 и в июне 1918 г. были приняты соответственно третий и четвертый акты об ограничении угольных цен. Социально-экономическая сущность их не изменилась, но сама система ограничения цен усложнилась. Цены на уголь полностью фиксировались государственными органами, с осени 1917 г. была введена скользящая шкала наценок (наценка на уголь для паровозов составляла 3 пенса, на уголь для розничной продажи — 1 шилл., в остальных случаях — 2 шилл.), розничные цены регулировались специальным указом об отоплении и освещении и т. д.¹⁵⁴

Наряду с регулированием внутреннего потребления развивался государственный контроль и за экспортной торговлей углем. В мае 1915 г. правительственным указом была введена система лицензий на экспорт угля в нейтральные страны, а в августе она была распространена и на союзные державы¹⁵⁵. Для выдачи лицензий создавался специальный комитет при министерстве торговли, который, впрочем, при малейшей возможности передавал свои функции комиссиям шахто- и судовладельцев на местах.

Ограничение экспортной торговли углем, как ни странно, принесло Англии известные выгоды и на международной арене. Дело в том, что суда нейтральных стран получали право на погрузку угля в британских портах только в случае, если доставляли туда какую-либо импортную продукцию, — транзитные перевозки топливом не обеспечивались¹⁵⁶. Более того, под прикрытием государственного контроля над угольным экспортом британские капиталисты наживались даже на союзниках по Антанте. Летом 1916 г. французское и итальянское правительства неоднократно зывали к своему северному союзнику, требуя сокращения

непомерно высоких цен на уголь. Уступая этим просьбам (а больше для отвода глаз союзников), британское министерство торговли учредило в сентябре 1916 г. комитет экспортеров угля, призванный проводить в жизнь политику добровольного ограничения цен самими торговцами, что, разумеется, не могло существенно улучшить положение¹⁶⁷. Уголь использовался в качестве косвенного средства увеличения поставок и морских перевозок из нейтральных стран и был объектом торга с союзниками.

Как уже было отмечено, организованность британских шахтеров и активный характер их выступлений в защиту своих прав явились одной из причин сравнительно раннего государственного вмешательства в сферу производства и распределения угля. Те же факторы во многом определили своеобразие некоторых форм государственного регулирования. Так, весной и летом 1916 г. по инициативе правительства буржуазная пресса развернула широкую кампанию за экономию топлива. Теме максимального использования естественного освещения были посвящены листовки и брошюры, выходившие миллионными тиражами. Ту же тему развивал и законопроект, внесенный в парламент в мае 1916 г. Правительство обратилось в высшие церковные инстанции с просьбой назначать службы только в дневные часы, а магазинам официально предписывалось прекращать работу не позже семи часов вечера¹⁶⁸. Результаты этой деятельности были незначительны. Гораздо более реальные плоды принесли даже робкие попытки реорганизации работы электростанций, предпринятые в 1917—1918 гг. и состоявшие в упорядочении снабжения их углем и организованном распределении электроэнергии через порайонные энергетические системы¹⁶⁹. Кампания за экономию угля преследовала в первую очередь не экономические, а классовые цели: сформировать общественное мнение против шахтеров, которые «могли бы, да не хотят» обеспечить население углем.

В течение всей войны классовая борьба шахтеров служила постоянным источником тревоги для правящих кругов Великобритании. Горняки первыми реагировали на все антирабочие меры правительства¹⁶⁰ и стойко сопротивлялись их проведению в жизнь. Если шахтеры составляли авангард британского пролетариата, то ведущая роль среди них, бесспорно, принадлежала горнякам Южного Уэльса. Когда назревшая в апреле 1915 г. всеобщая стачка горняков была сорвана усилиями правительства и правого руководства тред-юнионов, лишь шахтеры Южного Уэльса продолжали борьбу, завершившуюся в июле 200-тысячной стачкой¹⁶¹. Одним из главных ее результатов явился провал попытки распространения на угледобывающую промышленность «Акта о производстве вооружений»¹⁶². С декабря 1915 по май 1916 г. шахтеры Южного Уэльса неустанно боролись против введения всеобщей воинской повинности, а в 1917 г. — против «прочесывания», т. е. дополнительных наборов в армию¹⁶³.

Осенью 1916 г. на шахтах Южного Уэльса вновь развернулась подготовка к всеобщей стачке. Правительство, наученное опытом предыдущего года, решило вмешаться в конфликт, не дожидаясь начала стачки. 29 ноября было объявлено об установлении государственного контроля над шахтами Южного Уэльса¹⁶⁴. Асквит не исключал возможности в дальнейшем распространить контроль и на другие угольные бассейны. За три дня до своей окончательной отставки он обратился с письмом к лорду Милнеру (ранее отказавшемуся от поста контролера продовольствия), спрашивая его согласия стать контролером угля «в случае, если возникнет необходимость» в учреждении такого поста¹⁶⁵. Смена кабинета помешала лорду Милнеру ответить на это послание.

Подобно контролю над судоходством, продовольствием, системе «национальной службы» и другим мерам, контроль за угледобычей был декларирован Ллойд Джорджем в декабре 1916 г. С 22 февраля 1917 г. государство «вступило во владение» всеми угольными шахтами страны, а в начале марта было учреждено ведомство контролера угля при министерстве торговли и промышленности. Руководителем нового департамента стал владелец Западной железной дороги Г. Келтроп, его заместителем по вопросам распределения — директор Лондонской и Северо-Западной железных дорог С. Хант, а по вопросам производства — Р. Редмейн, до того главный государственный инспектор шахт. В состав руководства департамента входили крупнейшие шахтовладельцы во главе с председателем Британской ассоциации угольной промышленности А. Ниммом¹⁶⁶.

Создание департамента контролера угля и формальное введение государственного контроля в угледобывающей промышленности не означали еще действенного государственного вмешательства. Необходимость централизации управления такой стратегически важной отраслью промышленности в условиях сокращения производства делалась все более настоятельной, но правительство Ллойд Джорджа продолжало медлить. Причину его колебаний нетрудно понять, если иметь в виду характер борьбы горняков за повышение заработной платы.

После всеобщей стачки шахтеров 1912 г. был принят закон об обязательном минимуме заработной платы на уровне 1879 г. с небольшими процентными надбавками по районам¹⁶⁷. Последнее обстоятельство особенно важно: регулируя заработную плату по районам, а не в масштабе всей отрасли, буржуазия стремилась лишить пролетариат главного оружия — единства действий. Принцип «разделяй и властвуй» был вновь применен в мае 1915 г., когда шахтеры требовали 20% надбавки к зарплате в национальном масштабе, а правительство с помощью оппортунистов из руководства Федерации горняков добилось ее порайонного увеличения¹⁶⁸.

«Система расценки», подобная применявшейся министерством продовольствия, не могла быть эффективной в угольной промыш-

ленности, — это доказал опыт применения законов об ограничении роста цен на уголь. Однако более решительное вмешательство государства наталкивалось на сопротивление крупных шахтовладельцев. История установления государственного контроля над добычей угля в Англии — история сложного и длительного поиска компромисса между правительством и шахтовладельцами, которых объединил страх перед растущим рабочим движением. 1 марта 1917 г. было подписано предварительное соглашение между министерством торговли и промышленности и Британской ассоциацией угольной промышленности об условиях государственного «владения шахтами». В окончательном виде оно было зафиксировано 20 июля, но никакой юридической силы не имело, и многие владельцы шахт просто игнорировали его. В октябре—ноябре парламент обсуждал правительственный билль о контроле угледобычи, ставший законом лишь 6 февраля 1918 г.¹⁶⁹ Таким образом, с момента формального введения контроля до законодательного оформления его прошел ровно год. И это в условиях мировой войны, когда добыча угля приобрела не только экономическое, но и стратегическое значение.

Условия соглашения и основанного на нем «Акта об утверждении соглашения о контроле над угольными шахтами» («Coal Mines Control Agreement (Confirmation) Act») были чрезвычайно выгодными для шахтовладельцев¹⁷⁰. Если шахта производила определенное — «стандартное» — количество угля, то государство гарантировало ее владельцу «стандартную» прибыль в размере, равном прибыли, которую она приносила в любом (по выбору владельца) из трех предвоенных лет. Если же прибыль превышала довоенную, то излишек распределялся следующим образом: 80% его поступало в казну, 5% получал владелец шахты, а остальные 15% распределялись контролером угля на финансирование шахтовладельцев, не обеспечивавших «стандартного» уровня производства, и на содержание аппарата департамента шахт¹⁷¹. Специальным указом вводилась скользящая шкала распределения дивидендов между держателями акций угольных компаний, причем сверхприбыль акционеров формально была урезана наполовину¹⁷². За чисто символический государственный контроль над угледобычей предприниматели получили вполне реальный выкуп. Достаточно сказать, что, несмотря на сокращение добычи угля в годы войны почти на 60 млн. тонн, прибыли шахтовладельцев достигли 160 млн. ф. ст., т. е. на 25 млн. ф. ст. превысили весь вложенный в угольную промышленность капитал¹⁷³.

Административное и коммерческое руководство в угольной промышленности практически не было затронуто государственным контролем и оставалось в руках шахтовладельцев, но некоторые меры все же были проведены департаментом шахт. Так распоряжением контролера угля владельцам шахт вменялось в обязанность согласовывать с департаментом все изменения в заработной плате, а также расходы на модернизацию обо-

рудования¹⁷⁴. Затраты на профилактический ремонт в шахтах сокращались до минимума. Государственная политика экономии дошла до того, что департамент шахт распорядился повсеместно сократить рационы лошадей и пони, используемых на подземных работах¹⁷⁵. Экономия на жизненном уровне и безопасности труда шахтеров, давая незначительный материальный выигрыш, способствовала падению производительности труда и общему упадку отрасли¹⁷⁶.

Едва ли не единственным полезным мероприятием департамента шахт явилось упорядочение встречных перевозок угля. В июле 1917 г. на основе обследования транспортных проблем снабжения углем различных районов страны была реорганизована система перевозок. Например, из угольного бассейна Южного Уэльса ежегодно вывозилось около 40 тыс. тонн угля, но одновременно значительное количество угля, потреблявшегося в этом районе, доставлялось из других районов страны. Сокращение встречных перевозок угля позволило сберечь 700 млн. тонно-милей в год¹⁷⁷.

В целом система государственного контроля над угольными шахтами, сложившаяся полностью лишь в конце первой мировой войны, была однотипна с государственным регулированием железнодорожного транспорта¹⁷⁸.

Два наиболее организованных отряда британского пролетариата — шахтеры и железнодорожники — в годы войны продемонстрировали растущую тягу к единству действий. Федерация горняков Великобритании, состоявшаяся в начале войны из 18 автономных союзов, создала на рубеже 1917—1918 гг. центральный аппарат руководства и превратилась в единую национальную организацию¹⁷⁹. Летом 1917 г. было завершено формирование Тройственного союза, который возник в 1915 г. и объединил шахтеров, железнодорожников и транспортников. В его силе и заключалась причина особой осторожности правительства при введении государственного контроля на железнодорожном транспорте и в угледобыче. Но даже половинчатый государственный контроль помогал рабочим яснее осознать свои классовые цели, выдвинуть новые требования. Если в 1913 г. Федерация горняков предложила проект учреждения государственного министерства для управления шахтами, то под влиянием опыта деятельности департамента шахт этот смутный проект перерос в четкое требование национализации угольной промышленности с участием рабочих в управлении шахтами, требование, выдвинутое под давлением масс рядовых членов конференцией Федерации горняков 9 июля 1918 г.¹⁸⁰ Вводя контроль в угледобывающей промышленности, правительство стремилось заставить рабочих отказаться от борьбы за свои права, сломить их организованное сопротивление¹⁸¹. Этой цели оно не достигло¹⁸², наоборот, сплоченность и единство горняков возросли, на новую ступень поднялось их классовое сознание, что с особой силой проявилось в первые послевоенные годы.

Государственно-монополистическое регулирование экономики, в какой бы отрасли хозяйства и в какой бы форме оно ни вводилось, неизбежно сопровождалось ростом государственных расходов. Содержание армии и флота, субсидии и кредиты предпринимателям, возмещение «убытков» от установления государственного контроля, закупки сырья и продовольствия, оплата фрахтов и других транспортных расходов, наконец, расходы на содержание огромного государственного аппарата — все эти, как и некоторые другие, затраты правительства объединялись термином «государственные военные расходы»¹⁸³. Общая сумма военных расходов Англии в 1914—1919 гг. составила примерно 10 млрд. ф. ст. Государственные расходы за период от «Славной революции» 1688 г. до начала первой мировой войны, т. е. за 225 лет, составляли также около 10 млрд. ф. ст. (разумеется, без учета падения покупательной способности фунта стерлингов)¹⁸⁴. Увеличение правительственных затрат на ведение первой мировой войны можно видеть из таблицы 1.

Таблица 1

Военные расходы Великобритании

Финансовый год	Расходы за финансовый год, млн. ф. ст.	Стоимость 1 для войны, млн. ф. ст.	Военные расходы на душу населения, ф. ст.
1914/15	576	1,58	12,52
1915/16	1602	4,40	34,83
1916/17	2240	6,12	48,70
1917/18	2771	7,59	60,24
1918/19	2856	7,82	62,09

Рассчитано по: Bogart E. L. War Costs and their Financing. L., 1921.

Военные расходы Англии превосходили расходы любой другой из воюющих стран, в том числе затраты Франции — более чем в 1,5 раза, США — на 2,5 млрд. ф. ст., а Германии — почти на миллиард. Если накануне первой мировой войны на военные цели выделялось около 5% национального богатства Англии, то к концу войны расходовалось более половины его¹⁸⁵.

Анализ развития государственного вмешательства в сферу военного хозяйства в Англии был бы неполон без рассмотрения того, из каких источников поступали средства, которыми располагало правительство, и в чьих интересах расходовались.

Государственные денежные средства при капитализме создаются в основном тремя путями: налоговыми поступлениями (от прямых и косвенных налогов), государственными займами (внутренними и внешними), а также денежной эмиссией¹⁸⁶. На практике в годы войны правительство применяло все эти методы, но основное значение имели займы и налоги. Что же касается

выпуска бумажных денег, то в Англии это средство покрытия военных издержек хотя и использовалось, но в гораздо меньшей степени, чем в других воюющих странах.

Господствовавший в первое военное полугодие принцип «бизнес как обычно», по свидетельству известного британского экономиста Дж. Стэмпа, занимавшего в то время пост заместителя секретаря налогового ведомства — палаты внутренних доходов казначейства, «молчаливо подразумевал также „налоги как обычно”»¹⁸⁷. Это, впрочем, не означало, что размер ставок основных налогов не изменился. Наоборот, уже в ноябре 1914 г. были удвоены сборы как по прямым (подоходный и прогрессивно-подоходный), так и по косвенным (пошлины на пиво и чай) налогам¹⁸⁸. Принцип «налоги как обычно» предполагал лишь желание правительства обойтись без серьезных изменений налоговой политики, т. е. без введения новых или существенной модификации старых налогов. Но вместе с тем уже в начальный период войны закладывались основы финансовой политики правительства, согласно которой военные расходы следовало стремиться покрывать прежде всего за счет увеличения налогов, с тем чтобы не перекладывать их бремя на плечи будущих поколений¹⁸⁹.

Курс на увеличение прямого налогообложения британские правительства выдерживали в течение всей войны. Размер подоходного налога (Income Tax), составлявший накануне войны около 5% (1 шилл. 2 пенса с каждого фунта стерлингов дохода), был доведен в сентябре 1915 г. до 17,5% (3 шилл. 6 пенс. с фунта), а к концу войны достиг 30% (6 шилл. с фунта). При этом, начиная с третьего военного бюджета, принятого осенью 1915 г., облагаемый минимум дохода был снижен со 160 до 130 ф. ст. в год¹⁹⁰, и соответственно число плательщиков этого налога выросло с 1,2 млн. в 1913/14 фин. г.¹⁹¹ до 4,5 млн. в 1917/18 фин. г. и до 7,8 млн. в 1919/20 фин. г.¹⁹² Подобным же образом росли ставки и второго прямого налога — прогрессивно-подоходного (Super Tax), а в число его плательщиков попадали все новые слои средней и даже мелкой буржуазии в результате того, что за время войны облагаемый минимум дохода по этому виду налогов был сокращен с 8 до 2,5 тыс. ф. ст. в год¹⁹³.

Рост ставок двух прямых налогов и расширение круга налогоплательщиков все же не обеспечивали необходимого увеличения государственных доходов. Дело в том, что прямые налоги основной своей тяжестью ложились на плечи трудящихся, а платежеспособность населения резко падала в годы войны. Действительно, с 1913 по 1918 г. заработная плата рабочих в среднем удвоилась, а прямые налоги выросли в 5—6 раз. Иными словами, каждый новый виток налогового пресса выжимал из населения все меньшие доходы. Единственным реальным выходом из такого положения было прямое налогообложение крупной буржуазии.

Прямой к изъятию в системе прямого налогообложения явилось введение летом 1915 г., одновременно с «Актом о производстве вооружений», налога на прибыль военных предприятий (Munitions Levy). Налог распространялся только на «контролируемые предприятия» военной промышленности и означал, что их собственники имеют право на получение гарантированной государством «стандартной» прибыли в размере средней довоенной плюс 20% сверх того, а вся остальная прибыль поступала в доход государства¹⁹⁴.

Спустя три месяца успешная практика налога на прибыли военных предприятий была распространена на все промышленные и торговые компании: был введен прямой налог на военные сверхприбыли (Excess Profits Duty), означавший изъятие в доход государства 50% прибыли сверх ее «стандартной» довоенной нормы¹⁹⁵. Важным новшеством в британской системе налогообложения, связанным с этими налогами, было то обстоятельство, что ими облагались не конкретные люди, а капиталистические фирмы, официально зарегистрированные компании. Побуждаемое к введению нового налога как экономическими условиями, так и в первую очередь массовой борьбой рабочих за ограничение военных сверхприбылей капиталистов, правительство в этой ситуации не только не посягнуло на основную прибыль и оставило предпринимателям значительную долю сверхприбыли, не говоря уж об основном капитале, но и постаралось найти такую форму налога, которая даже внешне не выглядела бы как ущемление интересов индивидуума.

Борьба трудящихся под лозунгами «равенства жертв» и ограничения прибылей крупного капитала была главной причиной, заставившей правительство Ллойд Джорджа поднять в 1917 г. уровень налога на военные сверхприбыли до 80%¹⁹⁶. Но вряд ли стоит удивляться тому, что предприниматели сравнительно легко находили способы обойти налог, увеличивая резервные и амортизационные фонды, учреждая дочерние компании, действуя через подставных лиц, наконец, просто утаивая доходы. Реальные выплаты капиталистов по этому налогу составили едва треть полученной ими сверхприбыли, а никак не половину ее и тем более не 80%¹⁹⁷. Общий же размер поступлений от налога на военные сверхприбыли составил к моменту его отмены в 1921 г. 1154 млн. ф. ст., или около 1/4 всех налоговых поступлений¹⁹⁸, тогда как на долю двух других прямых налогов приходилась почти половина полученных государством доходов от налогообложения.

Столь же неуклонно, хотя и не так быстро, росли в годы войны и косвенные налоги — акцизные и пошлинные сборы на торговлю различными, особенно продовольственными, товарами. Были значительно увеличены пошлины на сахар и чай, алкогольные напитки и пиво, почти втрое (с 3 шилл. 8 пенс. за фунт веса до 8 шилл. 2 пенс.) выросли пошлины на табак (что, однако, почти не повлияло на объем потребления табачных

здесь). Был введен новый сбор со зрелищных предприятий, имевший большое значение ввиду быстрого распространения в годы войны сети кинотеатров. Серьезным новшеством в системе косвенного налогообложения, с далеко идущими последствиями в послевоенные годы, явилось введение осенью 1915 г. так называемых пошлин Маккенны (по имени либерала Р. Маккенны, сменившего Ллойд Джорджа на посту министра финансов), которые налагались на ввозимые в страну «предметы роскоши» — автомобили, мотоциклы, велосипеды, часы, музыкальные инструменты и т. п. — и составляли 1/3 их стоимости¹⁹⁹. Доходы государства от косвенных налогов за годы войны удвоились (что примерно соответствовало темпам роста цен), тогда как прямые налоги выросли в 5—6 раз; в результате изменилась структура налогообложения: если в 1913 г. поступления от прямых налогов составляли 57,5, а от косвенных — 42,5% всех налоговых поступлений, то в 1918 г. прямые налоги дали 72, а косвенные — 28%²⁰⁰.

Курс британских военных кабинетов привел к тому, что к концу войны налоговый гнет в Англии, по крайней мере, втрое превосходил размеры налогообложения в других странах Антанты. В этом отношении показательны официальные данные, приведенные министром финансов в парламенте в начале 1923 г.: в пересчете на душу населения налоги в Англии составили 16 ф. 12 шилл. в год, во Франции — 5 ф. 12 шилл. 6 пенс., или 435 франков, а в США — 5 ф. 11 шилл. 9 пенс., или 26 долл. 30 ц.²⁰¹ Фактически, с учетом косвенных налогов, налогообложение в Англии за годы войны выросло еще больше — с 3 ф. 11 шилл. 4 пенс. на душу населения в 1913 г. до 22 ф. в 1921 г.²⁰² Понятно, что наиболее сильно этот рост сказался на жизненном уровне трудящихся масс. Вместе с тем такая финансовая политика позволила английским капиталистам гораздо успешнее, чем буржуазии других воюющих стран, бороться с тем процессом кризисного развития экономики, который академик Е. С. Варга удачно назвал «военно-хозяйственной деформацией»²⁰³.

Предельное, более чем 4-кратное увеличение налогообложения даже в такой тогда богатейшей стране капитализма, как Англия, все же не могло полностью покрыть гигантские военные расходы. Реально налоговые поступления не обеспечили и трети (по данным Х. Фиска, 28,74%) военных затрат страны. Иначе говоря, огромный дефицит государственного бюджета с самого начала первой мировой войны и вплоть до 1920/21 фин. г. сделался постоянной характеристикой государственной финансовой системы. Рост бюджетного дефицита иллюстрирует таблица 2.

Как видно из таблицы, в собственно военные годы дефицит государственного бюджета составлял от 2/3 до 3/4 правительственных расходов. Он покрывался за счет внутренних и внешних займов, т. е. превращался в государственный долг. Английская система покрытия военных издержек займами, действо-

Баланс государственного бюджета, млн. ф. ст.

Финансовый год	Доходы	Расходы	Дефицит (—) или превышение (+)	Доходы (% к расходам)
1913/14	198,2	197,5	+ 0,7	100,4
1914/15	226,7	560,5	—333,8	40,5
1915/16	336,8	1559,2	—1222,4	21,6
1916/17	573,4	2198,1	—1624,7	26,1
1917/18	707,2	2696,2	—1989,0	26,2
1918/19	889,0	2579,3	—1690,3	34,5
1919/20	1339,6	1665,8	—326,2	80,4
1920/21	1426,0	1195,4	+ 230,6	119,3

Источник: Pollard S. The Development of the British Economy, 1914—1967, 2-nd ed. L., 1969, p. 66.

вавшая в период первой мировой войны, достаточно сложна²⁰⁴. В ней применялись три основные группы займов: к первой относились разного рода кратко- и среднесрочные кредитные операции правительства, объединяемые термином «текущие государственные долги»; вторую группу составляли внутренние, а третью — внешние военные займы.

Текущие долги включали пять форм государственных обязательств.

Во-первых, правительство активно использовало такую форму краткосрочного государственного кредитования, как получение в Английском банке открытых кредитов на текущие расходы под быстрое погашение из будущих налоговых поступлений (Ways and Means Advances). Эта форма кредитования практиковалась с 1867 г., но существенное отличие ее в годы войны состояло в том, что с 1917 г. правительство стало погашать авансы не из налогов, а новыми государственными обязательствами по займам у населения. При этом банкиры получили немалый выигрыш, ибо погашение налогами производилось по нарицательной сумме аванса, а погашение заемными обязательствами — с учетом 5% в пользу банка²⁰⁵. Общая сумма авансов Английского банка с 1915/16 по 1918/19 фин. г. составила 455,5 млн. ф. ст.

Второй важной формой были краткосрочные государственные займы у населения, выпускавшиеся в виде специальных билетов казны (Treasury Bills). Они применялись с 1896 г., но по сравнению с мирным временем выпуск билетов казны был увеличен в несколько десятков раз. Срок их действия устанавливался в 1, 2, 3 квартала и 1 год, учитывали их как государственные, так и частные кредитные учреждения. Благодаря тому, что некоторое количество билетов казны выпускалось мелкими

купюрами, они отчасти служили средством мобилизации денежных сбережений широких слоев населения. Таблица 3 дает представление о поступлении денежных средств по этой форме краткосрочных обязательств.

Таблица 3

Выпуск и погашение билетов казны, млн. ф. ст.

Финансовый год	Выпуск	Погашение	Разница
1914/15	87,7	23,6	—64,1
1915/16	961,8	473,0	—488,8
1916/17	1785,9	1888,2	+ 102,3
1917/18	2805,5	2294,6	—510,9
1918/19	3747,0	3763,5	+ 16,5
1919/20	3146,1	2995,1	—151,0
Всего:	12534	11438	—1096

Английский банк принимал билеты казны в платежи по долгосрочным военным займам с учетом 5% в свою пользу. К концу войны общая сумма непогашенных билетов казны составляла 1094,7 млн. ф. ст.

Значение авансов Английского банка и билетов казны для текущих военных расходов правительства менялось от года к году. Динамику этого процесса легко видеть из таблицы 4.

Таблица 4

**Доля авансов Английского банка и билетов казны
в общей сумме текущего государственного долга, в %**

Финансовый год	Авансы Английского банка	Билеты казны	Общая доля двух займов
1915/16	—	54	54,0
1916/17	2,6	74	76,6
1917/18	19,8	42	61,8
1918/19	8,2	42	50,2
1919/20	12,8	27	39,8

Как следует из этих данных, краткосрочные государственные обязательства играли заметную роль в финансировании военных расходов, составляя от половины до 3/4 всех текущих расходов правительства. Причем займы у населения имели большее значение, чем кредиты Английского банка: последние служили для государства своего рода «разменной монетой», тогда как первые выступали в роли «крупных купюр». Характерно, что авансы Английского банка играли наибольшую роль именно в 1917 г.,

когда правительство Ллойд Джорджа прибегло к решительной переориентации финансовой политики на долгосрочные займы, и, пока шла эта перестройка, 1/5 текущих расходов удалось обеспечить кредитами Английского банка, которые, как уже было отмечено, с этого времени разрешено было погашать долгосрочными обязательствами. Переходом к средне- и долгосрочным займам объясняется и то обстоятельство, что краткосрочные обязательства правительства, обеспечившие в 1916 г. 3/4 военных расходов, в дальнейшем теряют значение основного источника финансовых поступлений.

Третьей формой государственных обязательств были облигации казначейства (Exchequer Bonds), выпускавшиеся с конца 1915 г. сроком на 5 лет. Они отчасти заменяли билеты казны и являлись более выгодными для буржуазии, ибо выпуск 1915 г. был 3-процентный, 1916 г. — 5-, а выпуски 1917 и 1918 гг. — 6-процентные. Особую роль облигации казначейства сыграли в 1917 г., обеспечив вместе с авансами Английского банка основную часть текущих государственных расходов. В конце войны облигации казначейства почти полностью были конвертированы в долгосрочные займы. Общая сумма поступлений от этого вида среднесрочных государственных обязательств была относительно невелика — 372,1 млн. ф. ст.

Гораздо большее значение имела четвертая форма государственных обязательств — национальные военные облигации (National War Bonds). Четыре серии этих облигаций из 4 и 5% были выпущены правительством в 1917—1919 гг. сроком на 5; 7 и 10 лет. В целом этот среднесрочный заем принес 1721,3 млн. ф. ст. В 1919 г. национальные военные облигации, за исключением последней, четвертой, серии, были конвертированы в выпущенный для консолидации всех текущих долгов «Заем победы» («Victory Bonds») и погашались полугодовыми тиражами по курсу 85 из 4%.

Известным своеобразием отличалась пятая форма привлечения денежных средств для оплаты текущих военных расходов правительства — выпуск специальных государственных сертификатов. С осени 1916 г. правительство попыталось ввести в оборот два вида таких обязательств: сертификаты военных сбережений (War Saving Certificates) и сертификаты военных расходов (War Expenditure Certificates). Выпуск обоих видов сертификатов имел целью мобилизацию излишков денежных средств населения, а разница между ними состояла в том, что первый вид был рассчитан на привлечение сбережений мелкой буржуазии и верхушки рабочего класса (сертификаты мелкого номинала), тогда как второй — на мобилизацию капиталов правящего класса (сертификаты крупного номинала). Результаты этой финансовой операции весьма характерны. Экономическая эффективность ее приближалась к нулю, что не удивительно, поскольку продажа сертификатов не предусматривала выплаты процентов по ним, а в условиях растущей инфляции это означало бросать деньги

на ветер. Но если, убедившись в провале затеи, правительство не пыталось больше выпускать сертификаты военных расходов (т. е. тревожить понапрасну крупный капитал), то выпуск сертификатов военных сбережений продолжался до конца войны и сопровождался широкой «патриотической» кампанией. Для пропаганды среди населения такой своеобразной формы добровольных пожертвований в разных районах страны было создано около 40 тыс. полуофициальных обществ.

Наряду с перечисленными формами кратко- и среднесрочных государственных займов важное значение, особенно в финансовой политике второго коалиционного правительства, приобрели долгосрочные обязательства — военные займы (War Loans). Всего за время войны было выпущено шесть военных займов на общую сумму 2491 млн. ф. ст. Условия были несколько более выгодными, чем условия обычных рыночных займов. Так, первый заем был выпущен из расчета 3,5%, второй — из 4,5, а третий и последующие — из 5% годовых. Кроме того, условия военных займов разрешали покупку их облигаций и на все другие виды государственных обязательств, что позволяло крупным капиталистам конвертировать кратко- и среднесрочные обязательства, часто приобретаемые на средства от фиктивных вкладов, в долгосрочные обязательства. Выгода от помещения крупных денежных средств в военные займы объяснялась и тем обстоятельством, что доходы от них не подлежали налогообложению. Военные займы обеспечили около 40% средств на военные расходы Англии, полученных из внутренних источников, а сумма внутреннего государственного долга составила к 1923 г. 6 619 854 000 ф. ст.²⁰⁶

И все же ни огромное усиление налогового гнета, ни гигантские суммы внутренних военных займов не покрывали полностью всех военных расходов страны. Английское правительство было вынуждено прибегнуть к займам за границей. За время войны было реализовано около 25% зарубежных инвестиций Англии, а ее внешний долг достиг 1150 млн. ф. ст., причем на долю США приходилась его основная часть — 850 млн. ф. ст. Из кредитора американских капиталистов Англия превратилась в их крупного должника.

Осуществленные в годы войны внутренние и внешние займы обусловили колоссальный, почти 12-кратный рост государственного долга.

Как можно видеть из таблицы 5, размер государственного долга, достигший к концу войны почти 7,5 млрд. ф. ст., продолжал возрастать и в послевоенные годы²⁰⁷. Некоторое уменьшение долга в 1921—1922 гг. объясняется проведенными в это время конверсиями военных займов и частичным погашением его за счет контрибуций.

Представляют интерес и неполные, к сожалению, данные о выплате государственного долга. Если накануне войны средства, ассигнованные на погашение государственного долга, не пре-

Государственный долг Англии

Дата	Сумма государственного долга, млн. ф. ст.	Государственный долг на душу населения, ф. ст.	Выплата государственного долга		
			размер выплаты, млн. ф. ст.	выплата, в % к гос. расход.	выплата, в % к сумме долга
На 1.VIII.1914	653	14,20	24,5	12,4	3,75
На 31.III.1918	5921	128,72			
—>— 1919	7481	162,63	нет данных		
—>— 1920	7876	171,22			
—>— 1921	7623	165,72	332	29,5	4,36
—>— 1922	7679	166,93	324	35,5	4,22
—>— 1923	7774	168,99	347	44,0	4,46

вышли 1/8 государственных расходов, то в послевоенные годы размер выплат постоянно растет, приближаясь к половине бюджетных расходов. При этом, как показывают данные последней колонки таблицы 5, размер погашаемой части долга почти не меняется, оставаясь в пределах 4—4,5% общей суммы долга. Иными словами, из государственного бюджета оплачивались только проценты по государственному долгу²⁰⁸.

Тесная взаимосвязь между государственным долгом и налогообложением была подробно проанализирована К. Марксом. «Так как государственные долги опираются на государственные доходы, за счет которых должны покрываться годовые проценты и т. п. платежи, — писал он в I томе «Капитала», — то современная налоговая система стала необходимым дополнением системы государственных займов»²⁰⁹. Займы требуют повышения налогов, но высокий уровень налогообложения заставляет правительство в случае острой необходимости новых расходов прибегать к новым займам. Чрезвычайные расходы, связанные с ведением первой мировой войны, были столь огромны, что привели к одновременному росту и займов, и налогов, причем размеры займов не позволили даже частично уменьшить налоговый пресс и в послевоенные годы²¹⁰. Дополнительным фактором сохранения максимального уровня налогообложения явилось стремление финансовой олигархии ликвидировать дефицит государственного бюджета, грозивший ослабить позиции Англии как мирового банкира. Стабилизация налогов в послевоенной Англии на уровне последнего года войны полностью подтверждает вывод К. Маркса о том, что «...современная фискальная система, осью которой является обложение необходимейших жизненных средств (следовательно, их вздорожание), в самой себе несет зародыш автоматического возрастания налогов. Чрезмерное обложение — не случайный факт, а скорее ее принцип»²¹¹.

Огромные средства, поступавшие в казну из всех описанных источников, перераспределялись буржуазным государством в

интересах монополистического капитала. Современная буржуазная историография прилагает немало сил, чтобы доказать обратное. Так, например, С. Поллард подчеркивает, что усиление налогообложения в годы войны преимущественно за счет роста прямых налогов вызывало «тенденцию к возрастанию своего рода эффекта перераспределения налоговой системы, по крайней мере в ее верхних уровнях». Он ссылается на то, что темпы роста прямого налогообложения крупных доходов примерно вдвое превышали темпы роста обложения мелких доходов²¹². Но при этом сознательно замалчивается тот факт, что аккумулярованные буржуазным государством средства в дальнейшем направлялись через государственный бюджет именно в кассы крупных промышленников и банкиров в виде оплаты государственных военных заказов, государственных субсидий и кредитов, уплаты гарантированной прибыли и возмещения «ущерба» от введения государственного контроля и т. п.

Централизованное финансирование военных расходов через государственный бюджет не только не сдерживало, а, напротив, способствовало извлечению британскими капиталистами гигантских сверхприбылей. В 1915—1918 гг. норма прибыли ведущих компаний (по их собственным заниженным данным) в среднем составляла 13—15%, что значительно превосходило довоенные показатели²¹³. Наиболее быстрыми темпами росли прибыли капиталистов в контролируемых государством отраслях экономики: в военной промышленности, угледобыче, на железнодорожном и морском транспорте, в судостроении, металлургии, производстве одежды. Финансовая политика правительства целиком отвечала интересам крупной монополистической буржуазии²¹⁴, а развитие государственно-монополистического регулирования экономики облегчало ее проведение. В условиях государственно-монополистического капитализма буржуазия получала доход не только от прямой эксплуатации рабочих, но и от ограбления государством всех трудящихся посредством налогов и долга²¹⁵.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА ПО ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ НАД ЭКОНОМИКОЙ

1. Правительственные планы послевоенной перестройки

Развитие системы государственно-монополистического регулирования экономики в годы первой мировой войны требовало от всех классов британского общества определить свое отношение к новым формам руководства хозяйственной жизнью страны. Особую актуальность приобрел этот вопрос на рубеже 1916—1917 гг. в связи с процессом, который В. И. Ленин определил как «...поворот в мировой политике от империалистской войны... к империалистскому миру...»¹. Народ устал от войны, падал боевой дух армии, промышленность работала с чрезвычайным напряжением. Даже в правящем классе все чаще стали раздаваться голоса, призывающие к «миру без победы», к империалистическому сговору за спиной народа, к переделу мира за столом переговоров, а не на полях сражений. В этих условиях проблемы послевоенного развития, перевода хозяйства на мирные рельсы, получившего название «реконструкции», встали особенно остро.

Планирование «реконструкции» приобрело в Англии необычайно широкий характер. Это и понятно: ведь каждый англичанин связывал с окончанием мировой войны какие-то надежды на изменения и в собственной судьбе, и в положении всей страны. Среди многочисленных планов и проектов переустройства после войны наибольший интерес представляют две программы — правительственная и лейбористская. В ходе их разработки складывалась оценка перспектив государственно-монополистического развития основными классами капиталистического общества, хотя, как мы дальше увидим, правительственная программа «реконструкции» лишь в малой степени совпадала с планами британской буржуазии, а лейбористская еще менее выражала интересы рабочего класса.

Необходимость подготовки к окончанию войны стала осознаваться правящими кругами уже на рубеже 1915—1916 гг., когда министр торговли У. Рансимен неоднократно обращался к Г. Асквиту, предлагая заранее начать планирование послевоенной политики. Его поддержал лорд Селборн, а лорд Крю в составленном им для короля обзоре отмечал, что «нельзя

далее откладывать рассмотрение проблемы реорганизации и восстановления после войны, проблемы, тесно связанной со всей социальной и коммерческой жизнью страны»². К весне 1916 г. большинство членов кабинета присоединилось к этой точке зрения.

18 марта появился меморандум Асквита, в котором говорилось: «В соответствии с решением кабинета я предлагаю учредить, по аналогии с комитетом имперской обороны и под моим председательством, комитет для рассмотрения и выработки рекомендаций, при помощи подкомитетов, по проблемам, которые возникнут после заключения мира, и для координации работы, уже проделанной министерствами в этом направлении»³. В состав комитета вошли представители всех главных политических партий: Асквит, Рансимен, лорд Крю и Э. Монтегю — от либеральной партии, Бонар Лоу, О. Чемберлен и лорд Селборн — от консерваторов, Гендерсон — от лейбористов.

Комитет просуществовал более девяти месяцев, с конца марта по начало декабря 1916 г., и создал девять подкомитетов, провел шесть заседаний, подготовил пять докладов. Деятельность его основывалась на предположении, что послевоенные условия будут напоминать скорее военное, чем довоенное время. В связи с этим комитет считал необходимым сохранение практики государственного контроля на послевоенный период, особенно в плане государственной помощи частному предпринимательству. Большое внимание он уделял социальным аспектам «реконструкции», в частности вопросам демобилизации, безработицы, «промышленным беспорядкам», жилищному строительству⁴.

Хотя в докладах комитета содержался целый ряд рекомендаций, практически неосуществленных, а зачастую и неосуществимых, его значение заключалось не столько в конкретных итогах деятельности, сколько в самом факте существования. Учрежденный Асквитом комитет состоял из узкого круга министров, не имел штата⁵ и являлся исключительно совещательным органом. Если ему удалось поставить проблему послевоенной перестройки в целом и наметить примерный круг вопросов, требующих решения, то это свидетельствует в первую очередь о том, что правящий класс начинал испытывать беспокойство, а вовсе не об особой прозорливости либеральных лидеров⁶.

Формально первый комитет по «реконструкции» не был распущен и после ухода Асквита в отставку, но фактически его работа прервалась⁷. В феврале 1917 г. Ллойд Джордж объявил о возобновлении подготовки к «реконструкции» и о новом составе комитета⁸. В нем почти не осталось министров (даже Ллойд Джордж лишь номинально возглавлял его работу), а их место заняли молодые политики из так называемого детского сада Ллойд Джорджа и лейбористские деятели, в частности Беатриса Вебб⁹. Комитет вырос численно, но, утратив почти все связи с министерствами, потерял и работоспособность. К лету 1917 г. раздираемый борьбой за лидерство между Э. Монтегю и В. Нэшем,

он распался на подкомитеты по отдельным направлениям планируемой «реконструкции» и фактически перестал существовать как единый орган.

Причину трансформации комитета по «реконструкции» следует искать в изменении взглядов британской буржуазии на проблему послевоенной перестройки. С окончанием войны трудящиеся массы связывали надежду на глубокие, коренные изменения своего положения. Сам термин «реконструкция» рабочие понимали как «переустройство существующих отношений», хотя четкого представления о путях его не имели. Это действительно массовое стремление к коренным переменам более всего пугало буржуазию.

В борьбе с опасными чаяниями народа главную роль капиталисты отводили политике буржуазного реформизма в ее типично британском варианте — «ллойд-джорджизму».

Выступая перед делегатами Манчестерской конференции лейбористской партии в конце января 1917 г., Ллойд Джордж заявил: «Нечего и думать о возвращении того, что было до войны; это будет действительно новый мир»¹⁰. Тем самым он дал понять, что его правительство намерено к концу войны подготовить всестороннюю программу социально-экономических реформ. Могло показаться, что именно такую задачу он ставит перед новым составом комитета по «реконструкции». По свидетельству очевидца, на первом его заседании, 16 марта 1917 г., Ллойд Джордж говорил «около получаса самым впечатляющим и воодушевляющим образом об огромных задачах, стоящих перед комитетом, о своих больших надеждах на комитет и о необходимости нарисовать новую картину Британии, используя поменьше серой краски»¹¹. Премьер-министр достаточно четко разграничил два круга вопросов: которые неизбежно возникнут по окончании войны (демобилизация армии, перевод промышленности на мирные рельсы, жилищная проблема и т. п.) и которые заложат основы нового общественного порядка. При решении первых он рекомендовал членам комитета сосредоточиться на выработке рекомендаций по развитию системы социального обеспечения, страхования по безработице, расширению общественных работ и т. д. Решение вторых, по его мнению, зависело от реформ в таких ключевых сферах, как земля, труд, заработная плата и местное управление (развитию последнего Ллойд Джордж уделил особое внимание)¹².

Следует иметь в виду, что большая часть членов комитета была назначена самим Ллойд Джорджем¹³, т. е. его неспособность планировалась сознательно. В самом деле, решение проблем демобилизации армии или жилищного строительства возможно лишь в тесном контакте со многими правительственными ведомствами, которого члены комитета не имели, как не располагали они и полномочиями на получение информации от министерств. Рекомендация сосредоточиться на мелких социальных реформах непосредственно нацеливала комитет на создание

беспорочных проектов. А указание на особую важность реформы местного управления — прямая провокация: не зря же Ллойд Джордж включил в состав комитета горячую сторонницу фабианской доктрины «муниципального социализма» Б. Вебб. Следует ли после этого удивляться двухмесячным бесплодным препирательствам, мелким интригам в борьбе за лидерство и, наконец, фактическому распаду комитета?!

Работа комиссий внешне выглядела продуктивной. К лету 1917 г. комиссии подготовили серию проектов послевоенных государственных мер, охватывающих многие сферы социально-экономической и политической жизни страны. В целом комиссии по-прежнему исходили из презумпции сохранения государственного контроля на послевоенный период. Так, 5-я комиссия, занимавшаяся вопросами промышленности и торговли, предложила создать правительственный Промышленный совет для руководства ведущими отраслями британской индустрии, реорганизацию системы энергетического снабжения под контролем государства и решительный переход к протекционизму в торговле¹⁴. В то же время комиссия специально подчеркнула вынужденный, временный характер государственного вмешательства в экономику. «Если бы различные виды (государственного) контроля... были внезапно отменены, — говорилось в докладе комитета по «реконструкции», — и торговцы, и предприниматели, и финансисты, вероятно, искренне обрадовались бы, но уровень цен и стоимость фрахтов сразу поднялись бы, и мы оказались бы перед лицом невообразимого хаоса... Мы защищаем контроль не потому, что искалеченному обществу потребуются костыли, а потому, что в условиях нехватки необходимых товаров, сокращения производства и ухудшения обслуживания... а также ограниченного снабжения... какая-то временная система государственного надзора, информации и руководства неизбежна, прежде чем вновь можно будет положиться на методы свободной торговли»¹⁵.

Суть послевоенной «реконструкции» сформулирована здесь достаточно ясно — возврат к довоенной «свободе торговли», опираясь на «костыли» государственного капитализма. Она явно отличалась от декларируемой Ллойд Джорджем программы создания «действительно нового мира». В дальнейшем именно задача быстрого и безболезненного восстановления всего комплекса довоенных порядков становится основной, а проекты реформ лишь служат ее прикрытием¹⁶.

В конце июля 1917 г. кабинет принял решение об образовании нового министерства реконструкции во главе с К. Аддисоном¹⁷. Министерство располагало значительным штатом сотрудников, в помощь ему правительство учредило сотни комитетов и подкомитетов, а кроме того, при министерстве был создан консультативный совет из представителей заинтересованных организаций. Сфера деятельности министерства реконструкции была практически безграничной: в его структуре были отделы торговли и промышленности, финансов, судоходства, общественных служб, труда

и организации производства, сельскохозяйственного развития, центрального и местного аппаратов управления, здравоохранения, образования, жилищного строительства и, наконец, внутреннего транспорта.

В акте об учреждении министерства реконструкции его цели были определены весьма туманно. «Компетенция, состав и задачи нового министерства,— сообщал в Петроград временный поверенный в делах России в Англии Набоков,— в законопроекте указаны крайне смутно. Имею основание думать, что из всей этой затеи пока ничего не выйдет»¹⁸. Сделано это было не случайно: каждый волен был вкладывать свое понимание в термин «реконструкция» и верить, что так же понимает его и министерство. Тем самым рабочим внушалась мысль о том, что правительство полностью взяло на себя заботу о будущем переустройстве страны ко всеобщему благу и больше не надо волноваться, ибо все мнения и пожелания им будут учтены.

Особый интерес представляет положение закона о том, что «в деле реконструкции первостепенное значение имеет не исполнительное действие, а организованная мысль»¹⁹. Оно прямо предписывало министерству только сбор информации и составление планов перестройки, но ни в коем случае не их реализацию. Уникальность министерства реконструкции заключалась не в том, что оно являлось «думающим министерством»²⁰, а в том, что этот орган исполнительной власти буржуазного государства был вообще лишен какой-либо реальной власти. Его функция состояла исключительно в подготовке законодательных предложений, основная масса которых никогда не была даже рассмотрена парламентом. Проще говоря, создание министерства реконструкции стало пышными похоронами идеи послевоенной перестройки английского хозяйства и общества.

Министерство реконструкции просуществовало до конца 1918 г. Пока оно строило воздушные замки для рабочих, другие государственные учреждения готовили планы реконструкции подлинной, а не мнимой, — планы полного восстановления довоенных порядков, планы самоликвидации. К концу войны большинство органов государственного контроля располагало подобными проектами: планы самоликвидации заготовили департамент контролера угля при министерстве торговли и промышленности²¹, министерство продовольствия²² и другие ведущие органы государственного регулирования экономики. Но, пожалуй, первостепенное значение имела разработка аналогичного плана в министерстве вооружений — крупнейшем и по масштабам деятельности, и по роли в структуре механизма государственно-монополистического регулирования органе.

Незадолго до учреждения министерства реконструкции Б. Вебб записала в своем дневнике: «Все, что необходимо для решения задачи реконструкции,— это могучий ум на посту министра реконструкции с первоклассным штатом гражданских чиновников и совещательным комитетом избранных непрофессионалов для

выработки идей... Сидней и я полагаем, что лучшим из всех, кого сейчас можно заполучить, является Уинстон Черчилль»²³. Действительность оказалась очень близкой к прогнозу супругов Вебб по форме и диаметрально противоположной по существу. Министерство реконструкции почти полностью соответствовало пожеланиям знаменитых фабианцев: большой штат чиновников, совещательный комитет непрофессионалов, широкое поле деятельности, бездна идей... Не доставало лишь главного: «могучего ума» Черчилля и решения проблемы «реконструкции» на практике. Но Веббы не ошиблись в том, что именно У. Черчилль стал ключевой фигурой в подготовке перестройки промышленности на мирные рельсы. 17 июля 1917 г. он был назначен министром вооружений.

Ровно за год до окончания войны Черчилль поручил специально созданному им при министерстве вооружений комитету разработать план ликвидации военных заказов и перевода военных предприятий на выпуск мирной продукции. К концу октября 1918 г. план был готов. Согласно ему, изготовление продукции, собранной более чем на 60%, доводилось до конца, а вся остальная подлежала демонтажу, после чего предприятие прекращало выпуск военного снаряжения²⁴. Особое внимание было обращено на меры по борьбе с безработицей и возможными «рабочими беспорядками». Для поддержания существовавшего уровня занятости в условиях демобилизации армии и свертывания военного производства предполагалось полностью запретить сверхурочную работу, прекратить сдельную оплату труда, ввести неполный рабочий день, сократив часы работы до половины нормальной рабочей недели, и широко практиковать предоставление рабочим выходных дней и отпусков без сохранения содержания²⁵. Подобные же планы параллельно разрабатывались и другими государственными органами, но показательно, что план трудоустройства демобилизованных солдат, созданный министерством реконструкции в начале 1918 г., предусматривал возвращение на работу лишь 60% рабочих²⁶, а план министерства труда заканчивался красноречивым призывом к правительству «подготовить до окончания войны дальнейшие проекты с учетом возможности локальной или общей безработицы, которая может представлять собой нечто большее, чем временное явление»²⁷. Как оказалось в дальнейшем, наибольшее практическое значение имел именно план Черчилля, хотя неожиданно высокая послевоенная конъюнктура и не потребовала его осуществления в полном объеме.

Итак, к началу последнего года мировой войны сложилось четкое «разделение труда» в сфере планирования послевоенной хозяйственной и социально-политической перестройки. Реальную подготовку к мирным условиям в рамках своей компетенции вели различные государственные органы контроля, а пропагандистскую кампанию планирования глубоких реформ, рассчитанную на обман масс, взяло на себя министерство реконструкции. Реальная программа перестройки была ориентирована

на возврат к довоенным условиям и потому исключала возможность длительного сохранения государственного вмешательства в дела частного бизнеса, а планы министерства реконструкции, по оценке американского эксперта того времени, преследовали цель оздоровления английской экономики на путях государственного капитализма²⁸. Указанное различие в известной мере отражало расхождение точек зрения на государственно-монополистический капитализм не только пролетариев и капиталистов, но и внутри правящего класса.

2. Государственный контроль над экономикой и британские капиталисты

Задача верного отображения общей картины отношения правящего класса Великобритании к практике государственного контроля над экономикой и оценки им перспектив государственного регулирования в послевоенных условиях представляется крайне сложной по многим причинам. Прежде всего картина эта выглядела отнюдь не однотонной, а весьма красочной благодаря широкому спектру составлявших ее мнений, суждений и оценок различными слоями и группами буржуазии: монополистической и немонополистической, промышленной и аграрной, финансовой и торговой, крупной и мелкой, поддерживавшей правительство и настроенной к нему оппозиционно и т. д. Мало того, она не была статичной — по мере развития механизма государственно-монополистического регулирования, особенно бурного в 1917—1918 гг., динамично менялось и отношение к нему разных отрядов правящего класса. Наконец, несмотря на то, что оценка настоящего и будущего государственного контроля на заключительном этапе мировой войны стала постоянной темой обсуждений и на страницах буржуазной прессы, и в стенах парламента, и на митингах, и в светских салонах, далеко не единичными были случаи, когда, выступая в прессе или на митинге, представитель правящего класса говорил одно, а на собрании своей ассоциации или в клубе — прямо противоположное (чаще всего этим грешили политические деятели).

Почти невозможно различить мелкие, быстро меняющиеся штрихи и оттенки этой картины, но более крупные, устойчивые элементы ее поддаются анализу, а их сочетание позволяет представить и общий ее облик. Серьезным подспорьем в этом служат не только материалы прессы того времени, но и уникальное в своем роде исследование общественного мнения, предпринятое осенью 1918 г. журналистом Хантли Картером. В течение нескольких последних недель мировой войны он собирал вырезки с отчетами о выступлениях видных деятелей, рассылал анкеты и брал интервью у десятков людей, начиная с Ллойд Джорджа и Бонар Лоу и кончая Дж. Б. Шоу и секретарем профсоюза транспортников Р. Уильямсом. Всем им он задавал один вопрос: какой должна

быть судьба государственного контроля после окончания войны. Полученные устные и письменные ответы он затем довольно произвольно сгруппировал по рубрикам («Государственные взгляды», «Взгляды политических лидеров», «Взгляды финансового мира» — отдельно «банкиры» и «финансисты», «Позиция промышленников» — по основным отраслям и т. п.) и в феврале 1919 г. издал довольно объемистой книгой под заголовком «Пределы государственного промышленного контроля»²⁹.

Оценки британскими капиталистами механизма государственно-монополистического регулирования экономики можно свести к следующим основным. Первая — государственный контроль в чрезвычайных обстоятельствах мировой войны совершенно необходим. Неизбежность контроля и его роль в мобилизации национальных ресурсов для достижения победы в войне к концу ее признаны абсолютно всеми представителями правящего класса. Вторая — государственный контроль в военном хозяйстве страны был эффективен: он не только обеспечил благоприятный исход войны, но и способствовал более плавному функционированию экономики, позволив «ликвидировать или свести до минимума потери от трения между управляющим и работником, между производством и распределением...»³⁰. Государственный контроль наглядно обнаружил преимущества организованного капитализма перед анархией свободной конкуренции. Журнал «Economist» писал: «Мы увидели, чего может достичь организованное производство... и мы поняли, что производительные возможности нашей Англии гораздо более обширны, чем можно было предполагать до войны»³¹. Эту оценку в отличие от первой нельзя назвать общепринятой в среде буржуазии, но уже тот факт, что ее дал «журнал английских миллионеров...»³², который до войны неизменно отстаивал принципы либеральной доктрины свободы частной инициативы и государственного невмешательства в дела бизнеса, говорит о многом.

Третья — свидетельствует о негативном отношении к военному механизму государственного управления и выражена в наиболее типичной для психологии «деловых людей» форме: государственный контроль дорог. И это не просто ностальгическая тоска по «дешевому правительству» викторианской эпохи, но и вполне реальное стремление поскорее избавиться от связанных с ростом государственного аппарата огромных издержек, особенно от налога на военные сверхприбыли. Впрочем, довод этот редко приводится прямо³³, скорее он составлял неременный фон критических высказываний противников государственного вмешательства.

Четвертая оценка, имевшая много оттенков и общепризнанная в среде правящего класса — осуждение косности, негибкости, а главное, бюрократического характера государственного регулирования. «Бюрократическая система контроля военного периода»³⁴ (крупнейший судовладелец лорд Инчкейп) клеймится за то, что «правительственные методы в высшей степени медли-

тельные и громоздкие... не эластичны... а государственный механизм рождает только рутину»³⁶ (издатель Уолтер Хэзелл), и за то, что «чрезмерный государственный контроль не только является несчастьем для промышленности, но и ведет к проникновению в общественную жизнь фактора коррупции»³⁶ (лорд Пармур), а главное — за то, что «правительственные департаменты не способны вести даже обычные деловые операции страны»³⁷. Крепнущее убеждение «делового мира» в неэффективности бюрократического контроля государства рождало стремление избавить бизнесменов от опеки правительственных чиновников. Если «правительство попытается руководить бизнесом и после войны, — полагал сэр Эдвард Карсон, — ... то наша страна обречена»³⁸, и потому устами лорда Инчкейпа капиталисты прямо заявили: «Мы не хотим, чтобы бизнесом в нашей стране занималось правительство»³⁹. Такая позиция хозяев британской политики находила полное понимание в самом правительстве. «Я сам достаточно долго вращался в деловом мире, — говорил А. Бонар Лоу, — чтобы знать, что человек, ведущий собственное дело, ничто на свете не ненавидит так сильно, как ненужное вмешательство с чьей угодно стороны... Я заверяю вас, что правительство само желает как можно скорее избавиться от контроля над экономикой»⁴⁰. И даже премьер-министр спешил успокоить «деловой мир», уверяя, что в возглавляемом им правительстве «никто никогда и не помышлял о продлении нынешней системы жесткого и мелочного вмешательства, которая была необходима во время войны»⁴¹.

Таким образом, на чашах весов, где английская буржуазия выверяла свою оценку государственного контроля над экономикой, самыми крупными разновесами были доводы «за» и «против» его экономической эффективности. До определенного момента эти чаши хотя и колебались, но в основном оставались в равновесии.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции в России, ознаменовавшая исторический поворот в судьбах всего человечества, заставила британских капиталистов по-новому взглянуть и на проблему государственного контроля над экономикой. На первый план теперь выходят соображения социальной опасности системы государственного регулирования. Собственно, ощущение тревоги в связи с чрезмерной централизацией управления экономикой наиболее дальновидные представители правящего класса начинают испытывать уже накануне революционных событий в России. В статье «Кооперация в промышленности» журнал «Economist» писал: «Государственная организация является худшей из всех возможных — она неуклюжа, негибка и в мирное время всегда находится в опасности стать предметом политических влияний» (курсив мой. — С. С.)⁴². А когда рабочие и крестьяне России революционным путем взяли власть в стране, эта тревога британских капиталистов стала определяющей в их отношении к практике и перспективам государственного вме-

стальства в экономику. Они уже твердо заявляли, что «основное возражение против государственного контроля в промышленности заключается в неизбежности положения, при котором государственные контролеры находятся под прямым или косвенным контролем политических влияний. Этот закон невозможно обойти»⁴³.

Английская буржуазная и лейбористская печать на первых порах попыталась замолчать факт создания государства рабочих и крестьян, а когда это не удалось, пустила в ход дезинформацию, клевету и всевозможные измышления, стремясь извратить суть событий в России и опорочить первые шаги Советской власти⁴⁴.

В этих условиях правдивая информация о республике Советов была крайне скудной⁴⁵, но все же два факта довольно скоро стали ясны английским трудящимся. Первый — новая русская революция безусловно совершена рабочими, крестьянами и солдатами, она направлена против эксплуататоров, против угнетателей, значит, это народная революция. Второй — народное правительство призвало к демократическому миру, следовательно, это антивоенная революция. На рубеже 1917—1918 гг. оба они оказали наибольшее влияние на подъем рабочего движения и массовой антивоенной борьбы трудящихся в Англии⁴⁶.

Первая реакция британского правительства на известие о революции в России весьма симптоматична. В ноябре 1917 г. полиция Лондона и других крупных городов приступила к широкому подавлению антивоенного движения⁴⁷. И почти одновременно правительство объявило об увеличении заработной платы 900 тыс. рабочих военной промышленности на 12,5%⁴⁸. Подобное сочетание «кнута» и «пряника» в политике английской буржуазии не отличалось новизной. Но важно отметить, что британские капиталисты сразу же постарались нейтрализовать влияние Октябрьской революции именно в борьбе рабочих за улучшение экономического положения и против империалистической войны. В дальнейшем оба эти направления займут важнейшее место в антирабочей политике как правительства, так и оппортунистов. Орудием борьбы с антивоенным движением буржуазия и ее агенты в рядах пролетариата избирают вопрос о «целях войны», а требованиям улучшения экономического и политического положения трудящихся масс они противопоставляют «утилизм».

Как уже было отмечено, при разработке планов послевоенной «реконструкции» правительственные органы уделили серьезное внимание вопросу о будущем отношений труда и капитала в промышленности. Еще в 1916 г. в составе первого комитета по «реконструкции» был образован специальный подкомитет для рассмотрения «рабочего вопроса». По имени своего председателя, спикера палаты общин Джона Уитли, он получил название «комиссия Уитли». Доклад комиссии Уитли был представлен 8 марта 1917 г., когда новый состав комитета по «реконструкции» только что приступил к работе.

Предложения комиссии Уитли, содержавшиеся в 26 пунктах доклада, сводились к следующему⁴⁹. На каждом промышленном предприятии и в промышленных округах необходимо создать постоянные «промышленные советы» из равного числа представителей заводской администрации и местных комитетов тред-юнионов, а по отраслям промышленности — центральные советы. Рабочих в последних должно представлять руководство соответствующих тред-юнионов. Равные права сторон в «советах Уитли», как вскоре стали называться эти органы, предлагалось гарантировать либо назначением двух равноправных сопредседателей, либо двух заместителей при третьейском председательстве правительственного уполномоченного.

При обсуждении проекта в комитете по «реконструкции» основным оппонентом Уитли выступила Б. Вебб. Ее критика была довольно острой: она утверждала, что результатом осуществления проекта явится «активная вражда, классовая жестокость и подозрительность в отношении пристрастности правительства»⁵⁰. Но по существу предложения Б. Вебб не означали стремления провалить проект, а сводились лишь к попыткам подправить его с целью упрочения позиций профсоюзных лидеров. Учитывая это, комитет по «реконструкции» легко согласился на внесение соответствующих поправок. В частности, было уточнено, что интересы рабочих могут представлять в советах только члены руководства тред-юнионов, а интересы хозяев — только представители предпринимательских ассоциаций, причем решения «промышленных советов» вступят в силу лишь с согласия обеих этих организаций⁵¹.

7 июня 1917 г. предложения комиссии Уитли были одобрены правительством и переданы в министерство труда для ознакомления с ними предпринимателей и тред-юнионов. Спустя три недели доклад был опубликован⁵². Министерство труда запросило мнение 146 тред-юнионов, 37 федераций тред-юнионов и 107 объединений предпринимателей, а сверх того — парламентского комитета БКТ, Генеральной федерации тред-юнионов и Федерации британской промышленности. По свидетельству Дж. Сеймура, автора наиболее полного исследования «уитлизма», ни один из полученных ответов прямо не отвергал проекта, 86 высказали дополнительные соображения по его реализации, а пять отрицали возможность осуществления проекта в отдельных отраслях промышленности⁵³.

На деле ситуация была значительно сложнее. Большинство предпринимательских ассоциаций действительно одобрили план Уитли, хотя и без особого энтузиазма. Характерна в этом отношении позиция Федерации британской промышленности, предложившей еще сильнее укрепить верхнюю ступень иерархии «советов Уитли» (в частности, образовать высший совет для группы отраслей промышленности), а создание низового звена — советов предприятий — поставить в зависимость от воли их владельцев⁵⁴. Другого мнения был парламентский совет предпри-

нимательских ассоциаций, который заявил о недопустимости формирования «промышленных советов» на предприятиях⁵⁵. Однако многие предприниматели и правительство склонны были считать именно заводские «советы Уитли» главным средством в борьбе с растущим влиянием шоп-стюардов⁵⁶. Оппортунисты из руководства тред-юнионов и лейбористской партии, безусловно, оказались в рядах сторонников идеи объединенных «промышленных советов», но рядовые члены профсоюзов и в особенности шоп-стюарды активно отвергали ее⁵⁷, справедливо расценивая план Уитли, как защиту интересов капиталистов.

Проект создания «объединенных промышленных советов» был окончательно одобрен военным кабинетом в октябре 1917 г. 20 октября министру труда Робертсу было поручено приступить к его реализации⁵⁸. Ни в одной из ведущих отраслей британской промышленности создать «советы Уитли» не удалось⁵⁹, они были сформированы лишь на некоторых мелких предприятиях, где рабочие не имели сплоченной организации⁶⁰.

Однако значение «уитлизма» выходит за рамки практической деятельности отдельных «промышленных советов». Чтобы в полном объеме оценить его, следует иметь в виду, что идея «классового сотрудничества» приобретала в годы войны все большую привлекательность в глазах британской буржуазии. Планы так называемой промышленной демократии, как уже говорилось, с 1916 г. активно разрабатывались различными организациями капиталистов. Вершиной этой деятельности стало создание в декабре 1916 г. под эгидой ФБП Национального альянса работодателей и рабочих. «Уитлизм», таким образом, являлся лишь одним из многих вариантов «промышленной демократии», отличаясь от прочих более широким кругом вопросов, отнесенных к компетенции «объединенных советов», да более детальной разработкой их иерархической структуры и функций. «Хотя главная идея предложений официального комитета по реконструкции и не нова,— указывал журнал «Economist»,— она изложена в столь привлекательном духе, что планы постоянных промышленных советов внушают реальные надежды на индустриальное процветание нашей страны в будущем»⁶¹.

Разработка планов классового сотрудничества в рамках «промышленной демократии» отражала реакцию английской буржуазии на распространение идей национализации и рабочего контроля в среде британского пролетариата. Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, указавшей трудящимся всех стран путь к подлинному освобождению от власти капитала, задача подчинения интересам буржуазии стремления рабочих к руководству экономикой становится для правящего класса не просто актуальной, но и жизненно важной. Идея «промышленной демократии» вообще, и план Уитли в особенности, после Октябрьской революции в России предстали глазам британских капиталистов в новом свете. 12 ноября 1917 г. спешно созванное чрезвычайное собрание Национального альянса

работодателей и рабочих приняло резолюцию, 7-й пункт которой требовал немедленного учреждения объединенных советов предпринимателей и рабочих на предприятиях страны⁶². «Советы Уитли», ранее не вызывавшие энтузиазма у предпринимателей, вдруг превратились в их знамя. Более того, они заняли центральное место в планировании послевоенных реформ. Не случайно современный американский историк с некоторым удивлением отмечает, что «с этого момента официальную версию реконструкции стали роковым образом отождествлять с делом "уитлизма"»⁶³.

«Объединенные промышленные советы», первоначально задуманные как продолжение в мирных условиях военной практики принудительного поддержания государством «мира в промышленности», трактовались теперь как альтернатива государственному регулированию. Перед лицом поднимающейся революционной волны английские капиталисты увидели в государственном контроле опасное сосредоточение власти над экономикой, но свое желание избавиться от него стремились выдать за «волю народа». Владелец судостроительных верфей У. Л. Хиченс заявлял: «Англичане могут расходиться во мнениях по множеству вопросов, но, вероятно, все они едины в своей нелюбви к контролю»⁶⁴, а «Economist» уже через три недели после Октябрьской революции уверял читателей: «Чего желают сейчас все классы, и желают до боли сердечной, так это закончить войну устраивающим союзников образом и избавиться от государственного контроля в промышленности»⁶⁵.

Пытаясь обеспечить своей борьбе за ликвидацию государственного контроля хоть какую-то поддержку в массах, буржуазия прибегала к несложному, но достаточно эффектному трюку. Рабочие боролись против реакционно-бюрократического контроля буржуазного государства, а капиталистическая пресса, вслед за социал-реформистами, объявляла такой контроль «социализмом». Вот и получалось, что рабочие против социализма. Одновременно делались попытки бросить тень и на популярный в массах британского пролетариата лозунг национализации: «В умах и работодателей, и рабочих,— вешала буржуазная печать,— растет явное неприятие всего правительственного вмешательства и не менее отчетливая решимость избавиться от него при первой возможности. Все мы получили болезненный урок государственного социализма, оскорбившего наше обоняние. Старое требование социалистических ораторов о том, что государство должно национализировать и то, и другое, и третье погибает, если уже не погибло»⁶⁶. Взяв твердый курс на восстановление в полном объеме довоенной системы капиталистических отношений, правящий класс Великобритании всеми силами старался при этом остановить рост революционного рабочего движения. Ради этой цели буржуазия усиленно гримировала собственную военно-принудительную систему государственного контроля под «социализм», а «советы Уитли» пыталась выдать за рабочий контроль.

3. Лейбористская программа «реконструкции»

Развитие государственно-монополистического капитализма оказало огромное влияние на теорию и практику лейбористского движения. Оно отчетливо прослеживается на примере планирования послевоенной «реконструкции» теоретиками лейборизма, которые именовали себя «социалистами», т. е. принадлежавшими либо к Фабианскому обществу, либо к НРП. Создание системы государственного контроля над капиталистической экономикой сразу же было объявлено ими «принятием нашего старого социалистического идеала»⁶⁷. В основе подобного утверждения лежал реформистский тезис о «надклассовом» характере государства. Отсюда — участие лейбористских лидеров в коалиционных правительствах и профбюрократии в государственном аппарате.

В этих условиях фабианская доктрина «муниципального социализма» трансформируется в идею «государственного социализма» и за исходную точку планов на послевоенный период принимается необходимость сохранения и расширения государственного регулирования. Впервые лейбористская программа «реконструкции», основанная на этом принципе, была разработана С. Веббом в серии статей в либеральной газете «Daily News and Leader» в июле—сентябре 1916 г., изданных позже отдельной брошюрой⁶⁸. С. Вебб излагал в них идеи по проблемам демобилизации армии, аграрной политики, образования, национализации железных дорог и угольных шахт и др., многие из которых затем легли в основу как лейбористских, так и правительственных планов⁶⁹.

При подготовке лейбористским руководством собственной программы послевоенной перестройки Англии, ставшей и политической программой лейбористской партии, основная трудность заключалась в необходимости решить две противоположные задачи. Во-первых, новый документ должен был продемонстрировать британскому финансовому капиталу готовность, а главное, способность лейбористов защищать его интересы. И, во-вторых, с помощью новой программы лейбористское руководство надеялось восстановить утраченное доверие к нему рядовых членов партии и тред-юнионов. В 1917 г. разрыв между массой организованных рабочих и их «вождями» (руководителями тред-юнионов и лейбористской партии) углубился настолько, что о нем с тревогой заговорила даже буржуазная печать⁷⁰. Опасность его остро ощущалась и самими профбюрократами, считавшими, подобно секретарю тред-юниона котельщиков Дж. Хиллу, что «восстановления доверия внутри союзов... необходимо достичь в наших собственных интересах»⁷¹.

Решить эти задачи лейбористскому руководству отчасти помогли объективные условия. 1917 год — время бурного развития государственно-монополистического капитализма в Англии. Новые органы государственного контроля и управления возникали чуть

ли не ежедневно, его позиции казались незыблемыми, а официальное правительственное учреждение, занятое подготовкой послевоенных реформ, открыто провозглашало неизбежность и желательность сохранения регулирующих функций государства и в мирных условиях. По мере роста механизма государственного контроля над экономикой идеи национализации и рабочего контроля распространялись среди трудящихся. Чтобы не потерять доверия буржуазии и одновременно восстановить контроль над рабочим движением, реформистские лидеры решили представить реакционно-бюрократический контроль буржуазного государства как осуществление массового требования рабочего контроля.

В 1917—1918 гг. практически все основные тред-юнионы Англии приняли новые программные резолюции. Они по-лейбористски формулировали требования национализации промышленности и рабочего контроля над производством и распределением. Так, требование национализации средств производства трансформировалось в указание на желательность национализации отдельных, и зачастую не главных, отраслей промышленности и транспорта, а идея рабочего контроля — в разного рода проекты введения совместного контроля предпринимателей и рабочих, иногда при участии капиталистического государства. В таком духе были составлены, например, резолюции конференций Национального союза железнодорожников (ноябрь 1917 г.)⁷² и Федерации горняков Великобритании (июль 1918 г.)⁷³. В резолюциях БКТ к ставшим уже привычными требованиям национализации железных дорог, внутренних водных путей и шахт в 1917 г. добавились требования огосударствления производства продовольствия и торговли спиртными напитками, а в 1918 г. — производства электроэнергии, снабжения молоком, социального страхования, автомобильного и воздушного транспорта⁷⁴.

Прологом к выдвижению новых программных положений лейбористской партии стала разработка ее устава. К концу октября 1917 г. специальный комитет, которым руководили С. Вебб, Р. Макдональд и А. Гендерсон, завершил работу над его проектом и приступил к составлению программы⁷⁵. После обсуждения в местных организациях проект устава был вынесен на 17-ю ежегодную конференцию лейбористской партии, состоявшуюся в конце января 1918 г. в Ноттингеме. Открывая ее, председатель исполкома лейбористской партии Фрэнк Парди заявил: «Раз во время войны контроль над железными дорогами, каналами, шахтами, судоходством, судостроением и т. п. считается необходимым в интересах нации, значит, после войны лейбористская партия обязана настаивать на владении ими и контроле в интересах всего народа»⁷⁶. Господствовавшее на конференции настроение в пользу национализации отражало и принятие без обсуждения резолюции о том, что «лейбористская партия выступает за национализацию всех средств производства, распределения и обращения», предложенной секретарем лон-

донского окружного совета тред-юнионов Дунканом Кармай-
клом⁷⁷.

Позиция делегатов конференции во многом определялась поведением основной массы рядовых членов тред-юнионов и лейбористской партии. Только учитывая изменения в сознании рабочих под влиянием развития государственно-монополистического капитализма, можно правильно понять появление в уставе лейбористской партии знаменитого 4-го пункта (пункта «d» 3-го раздела «Цели партии»), гласившего: цель партии состоит в том, чтобы «обеспечить работникам физического или умственного труда полные продукты их деятельности и наиболее справедливое распределение таковых, которого только можно достичь на основе общественной собственности на средства производства и наилучшей системы народного управления и контроля в каждой отрасли промышленности и каждом виде услуг»⁷⁸.

Хотя в уставе не был употреблен термин «социализм» применительно к конечной цели партии, хотя 4-й пункт почти дословно повторял антинаучный тезис Лассаля о «полном и неурезанном продукте труда», хотя классовое понятие «пролетариат» подменялось в нем аморфной формулой «работники физического или умственного труда»⁷⁹, все же положение об «общественной собственности на средства производства», включенное в устав лейбористской партии, бесспорно «выражало социалистические взгляды всех лучших представителей движения»⁸⁰.

Готовя к обсуждению проект программы лейбористской партии, реформисты постарались всеми силами загладить неблагоприятное впечатление, произведенное на буржуазию 4-м пунктом устава, и взять реванш на эту победу левого крыла. В июне 1918 г. 18-я конференция лейбористской партии в Лондоне приняла 26 резолюций программного характера, объединенных и опубликованных под названием «Труд и новый социальный порядок»⁸¹, с подзаголовком «Доклад о реконструкции». Последний достаточно точно отражает сущность программы: она не стремилась определить конечные цели партии, но и не была предвыборным манифестом⁸², она представляла собой лейбористский вариант «реконструкции».

Важное место в резолюциях 18-й конференции вновь заняла проблема национализации железных дорог и шахт. Конференция предлагала «сохранение в руках общества железных дорог и водных путей и экспроприацию их у владельцев на справедливых условиях» с тем, чтобы, дополнив их портово-складскими службами и почтово-телеграфной связью, создать «национальную общественную службу связи и транспорта». Эта резолюция, внесенная Уокденом, предупреждала правительство, что его попытка вернуть железные дороги владельцам или субсидировать их из общественных фондов встретит самый решительный отпор со стороны лейбористской партии. Аналогичная резолюция в отношении горнодобывающей промышленности была предложена Смайли и одобрена конференцией. Речь в ней тоже шла об

«экспроприации у капиталистических собственников» копей и шахт «на справедливых условиях», но при этом оговаривалось, что розничное распределение угля должно осуществляться муниципальными органами. Кроме того, обе резолюции требовали обеспечить «неуклонно расширяющееся участие в центральном и местном управлении» этими отраслями железнодорожникам и шахтерам⁸³.

Одобренная конференцией резолюция лейбористского комитета по проблемам сельской жизни не требовала национализации земли, но предлагала сохранить государственный контроль над землепользованием с тем, чтобы обеспечить высокий уровень производства сельскохозяйственной продукции в стране и ее распределение по ценам ниже стоимости импортируемых продуктов, а также для улучшения условий труда и жизни сельского населения. Распределение продовольствия в городах предлагалось изъять из рук дельцов и спекулянтов (опять же «за справедливое возмещение») и передать кооперативным обществам и местным органам власти⁸⁴.

Важнейший вопрос о национализации металлургической, металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности конференция вообще обошла молчанием. В ее решениях содержится лишь указание на желательность сохранения государственного контроля над ценами, прибылями и сырьевым снабжением. Но зато конференция выдвинула новые для лейбористов требования огосударствления промышленных страховых компаний и производства электроэнергии. Последнее предусматривалось достичь путем передачи крупнейших электростанций в собственность государства⁸⁵.

Общая резолюция «О задачах социальной реконструкции» была представлена на обсуждение делегатов конференции секретарем союза железнодорожников Дж. Томасом. Она определяла «социальную реконструкцию» как «постепенное строительство нового общественного порядка, основанного... на тщательно продуманном сотрудничестве в производстве и распределении, благожелательном отношении к здоровому равенству, на самом широком соучастии как в экономической, так и в политической власти, и общем духе согласия, которыми характеризуется истинная демократия». При обсуждении резолюции Э. Ферчайлд⁸⁶ справедливо критиковал ее за явный отход от провозглашенной в уставе партии цели обобществления средств производства, указывая, что «сотрудничество в производстве», как его понимают авторы резолюции, подозрительно напоминает правительственный план создания «советов Уитли». Он предложил дополнить резолюцию требованием «социал-демократической собственности и контроля над промышленностью с целью обеспечить использование механизма производства и распределения на благо всех». Возражая ему, С. Вебб призывал по достоинству оценить важность принципов строительства нового общественного порядка, изложенных в резолюции, и утверждал, что вопрос об обобщест-

вления средств производства якобы конкретно рассматривается во многих других проектах резолюций, включенных в повестку дня конференции. Последнее утверждение было заведомой ложью — именно требования такой национализации конференция не выдвинула, и С. Вебб, будучи главным автором лейбористской программы, не мог этого не знать, но тем не менее поправка Ферчайлда была отклонена⁸⁷. Вместе с тем в программе сохранилось напоминание о «социалистическом» характере партии. При обсуждении предложенной Р. Макдональдом резолюции «О необходимости роста производства» большинством делегатов конференции была принята поправка, предложенная делегатами нортгемптонского комитета рабочего представительства и шэффилдского окружного совета тред-юнионов, которая объявляла фундаментом реконструкции и основой всякой перестройки «социализацию промышленности»⁸⁸.

Резолюции лондонской конференции лейбористской партии, составившие основу программы «Труд и новый социальный порядок», были затем «слегка» подредактированы С. Веббом⁸⁹. Смысл редакции сводился к тому, что «успешная реорганизация британской промышленности» была названа целью партии⁹⁰. Если при этом учесть характер предлагаемой программой национализации, то становится очевидным, что речь шла только о реорганизации капиталистического хозяйства в рамках буржуазного строя. То же самое относится и к изложению в программе идеи рабочего контроля. Лейбористская программа «реконструкции» содержала требование «демократического контроля в промышленности»⁹¹, но трактовалось оно весьма своеобразно. «Партия настаивает, — гласила программа, — на постепенном отстранении отдельных капиталистов и их объединений от контроля над промышленностью и на сосредоточении этого контроля в руках всех, кто занят физической или умственной работой на пользу общества»⁹². Указание на постепенность введения контроля без определения конкретных форм перехода и вне связи с вопросом о политической власти лишало «демократический контроль» классового содержания⁹³ и в перспективе делало его вполне совместимым с правительственной программой «утилитизма».

Лейбористская программа «Труд и новый социальный порядок» по сути представляла собой программу развития государственно-монополистического капитализма в Англии. «Лишенная своей риторической драпировки, — писал леволейбористский историк Ральф Милибенд, — программа... была фабианским проектом более прогрессивной, более упорядоченной формы капитализма, становление которой происходило на протяжении минувших десятилетий и которой война придала более определенные очертания. С принятием этой программы лейбористская партия стала самым последовательным защитником деятельности государства, направленной к контролю и смягчению частного предпринимательства»⁹⁴. В отношении цели программы Р. Милибенд добросовестно заблуждается: она, конечно же, состояла не в «смягче-

нии» произвола частного капитала, а в сохранении самого капиталистического способа производства. Но он точно уловил основную суть лейбористской программы 1918 г. — английские лейбористы стали первой в мире политической партией, которая выдвинула и в течение 60 с лишним лет неуклонно защищает программу развития капитализма в его государственно-монополистической форме.

Причины, обусловившие появление лейбористской программы, многочисленны и неравноценны. Здесь и широкое развитие системы государственного контроля над экономикой в годы первой мировой войны, и казавшаяся такой очевидной перспектива его сохранения в мирных условиях, и огромные масштабы сращивания оппортунистической верхушки рабочего движения с государственным механизмом, и порожденная глубоким кризисом либеральной партии вакансия в двухпартийном аппарате государственного управления, и особенно подъем революционной активности трудящихся масс, грозивший лейбористским лидерам утратой контроля над рабочим движением, и многое другое. Но в основе всех этих факторов лежали глубинные социально-экономические сдвиги, вызванные вступлением капитализма в эпоху его общего кризиса, начало которому было положено Великой Октябрьской социалистической революцией.

Завершающий этап первой мировой войны был ознаменован новым подъемом английского рабочего движения. В 1917 г. размах стачечной борьбы вновь превысил довоенный уровень: официальная статистика зарегистрировала 730 забастовок, в которых участвовало 872 тыс. рабочих и было потеряно 5647 тыс. рабочих дней, а в 1918 г. в 1223 стачках участвовало 1116 тыс. рабочих и было потеряно 5875 тыс. рабочих дней⁹⁶. И это в условиях военной дисциплины на производстве, вопреки жестким регламентациям «Акта о производстве вооружений», не взирая на измену профсоюзного руководства!

Свидетельством роста революционных тенденций британского пролетариата, ускоренного влиянием Октябрьской революции в России, явилось оформление национального движения шопстюардов и рабочих комитетов, «которое включало наиболее боевых, классово сознательных рабочих, остро ненавидевших капитализм и враждебно относившихся к реформизму»⁹⁶. Повседневный опыт все более убеждал их в том, что ни прямое вмешательство буржуазного государства в отношения между трудом и капиталом в интересах последнего, ни лейбористская программа расширения государственного регулирования не отвечают их чаяниям. «Рабочие, — отмечал английский историк-марксист Р. Фокс, — получили во время войны прекрасный урок достоинств государственного капитализма, который столь многие у нас считали формой "социализма"»⁹⁷.

Развитие классового сознания рядовых английских рабочих и пример российского пролетариата обусловили выдвижение шопстюардами и рабочими комитетами в качестве основных лозун-

гов требований национализации и рабочего контроля, единство и универсальный характер которых делал их, даже несмотря на распространенность у шоп-стюардов синдикалистских представлений, гораздо более радикальными по сравнению с половинчатым лейбористским вариантом «реконструкции». К осени 1918 г. именно эти требования наиболее полно выражали программу массовой антиимпериалистической борьбы трудящихся. Один из руководителей шоп-стюардов Шотландии Артур Макманус в речи на состоявшейся 7—8 сентября в Бирмингеме национальной конференции «движения левых» заявил: «Сегодня мы представляем определенную идею — контроль над производством»⁹⁸.

Хотя шоп-стюарды не выдвинули программы революционного завоевания политической власти, но борьба за рабочий контроль над производством и национализацию промышленности способствовала более полному осознанию английскими рабочими своих классовых целей, ибо, как указывал В. И. Ленин, «...пробуждение и рост социалистического восстания против империализма неразрывно связаны с ростом демократического отпора и возмущения»⁹⁹.

4. Послевоенная судьба механизма государственного регулирования экономики

К концу первой мировой войны отношение двух основных классов английского общества к регулированию капиталистической экономики буржуазным государством обрело отчетливые формы. Британский пролетариат, исходя из опыта регулирования отечественной военной экономики и под влиянием революционного примера рабочих России, отвергал реакционно-бюрократический государственный контроль и противопоставлял ему национализацию и рабочий контроль, все ближе подходя в этой борьбе к выдвижению задачи революционного завоевания политической власти. Английская буржуазия после Октябрьской революции испытывала постоянный страх перед ростом рабочего движения в Англии и потому усматривала в любом усилении государственного капитализма призрак «большевизма». Страх этот был так велик, что даже спустя без малого 10 лет будущий «отец» буржуазной экономической доктрины государственного регулирования Дж. М. Кейнс с горечью писал: «...трудность заключается в том, что капиталистические руководители в Сити и парламенте не способны отличать новые средства, направленные на поддержание капитализма, от того, что называют "большевизмом"»¹⁰⁰. Уже на завершающем этапе мировой войны, но особенно после ее окончания, пресса «деловых кругов» развернула широкую атаку на государственный контроль, рисуя радужные перспективы, которых следует ожидать, как только «нация перестанет пла-

тить людям за то, что они чинят препятствия частному предпринимательству»¹⁰¹. Финансовые магнаты, выражая недовольство «раздражающим и бесполезным вмешательством» правительства в их дела, устами лорда Инчкейпа провозгласили: «Наша страна столкнулась с трудной задачей — возвратиться на те позиции, которые она занимала в 1914 году»¹⁰². Отныне на знамени буржуазии было начертано: «Назад к 1914 году!», что применительно к государственному вмешательству в экономику означало одно — полностью прекратить!

Однако на поверхности политической жизни страны позиции пролетариата и буржуазии в отношении государственного контроля капиталистического хозяйства словно в кривом зеркале отражались в программах лейбористского руководства и правительства. Лейбористам удалось под видом «социализма» выдвинуть программу развития государственно-монополистического капитализма, а правительство, втайне готовя планы ликвидации механизма государственного регулирования, с большой помпой рекламировало проекты обширных послевоенных реформ. Для верного понимания позиций и тех, и других, тем более что лейбористы сами были участниками правительственной коалиции, необходимо принять во внимание политический фактор.

Окончание войны неизбежно приближало новые парламентские выборы. Стремясь во что бы то ни стало сохранить коалицию с консерваторами, Ллойд Джордж продолжал одновременно заигрывать и с рабочим движением, а козырной картой в этой игре было обещание послевоенных реформ, воплощенное в лозунге «Сделаем страну достойной ее героев!». Правительственная программа «реконструкции» была основана на принципе сохранения и развития государственного регулирования, и премьер-министр до последних дней войны поддерживал иллюзию своей святой веры в незыблемость этого принципа.

Впрочем, только ли иллюзию? Позиция правительства в данном вопросе отнюдь не была простой. Характерен в этом плане такой эпизод. 31 июля 1918 г. состоялась встреча Д. Ллойда Джорджа и А. Бонар Лоу с делегацией одной из влиятельных предпринимательских ассоциаций — Национального союза промышленников. Представители буржуазии почти в ультимативной форме потребовали освободить их от всех ограничений военного времени. Министр финансов консерватор Бонар Лоу поспешил заверить их, что правительство само преисполнено желания ускорить этот процесс. Однако премьер-министр своим выступлением внес некоторый диссонанс в наметившуюся идиллию взаимопонимания, ибо, подтвердив стремление правительства избавить промышленность от государственного контроля, он одновременно заговорил о необходимости учесть преподанный войной урок ценности «государственного содействия, государственной помощи, государственной поддержки и государственного поощрения»¹⁰³. Вряд ли следует рассматривать подобное заявление как очередную лицемерную тираду Ллойда Джорджа — уж слишком неподходящей

для этого была аудитория. Скорее объяснение следует искать в другом. Именно правительство Ллойд Джорджа наиболее активно проводило политику расширения государственного вмешательства в экономику, именно в 1917—1918 гг. была создана сложная и всеобъемлющая машина государственного контроля, и именно премьер-министр в первой же своей речи изложил программу такого развития, а затем настойчиво претворял ее в жизнь. Иными словами, правительство второй коалиции и лично Ллойд Джордж несли полную ответственность за создание военного механизма государственного регулирования, и смена курса на прямо противоположный не способствовала бы укреплению его политического престижа накануне парламентских выборов.

Масштабы регулирующей деятельности государства в 1918 г. были настолько велики, что представлялось немислимым разрушить всю эту махину в одночасье. Не случайно даже такой не склонный к восторгам по поводу государственного вмешательства политик, как У. Черчилль, с гордостью, хотя и не без некоторого преувеличения, вспоминал о размахе возглавлявшегося им в конце войны министерства вооружений: «Почти все шахты и заводы Британии были в наших руках. Мы контролировали и прямо управляли всеми крупнейшими отраслями промышленности. Мы регулировали все их сырьевое снабжение. Мы полностью организовывали распределение готовой продукции. Почти пять миллионов человек находились под нашим непосредственным управлением, и мы были всесторонне связаны со всеми другими сферами национальной экономики»¹⁰⁴. Понятно, что, даже искренне стремясь к полному возврату хозяйства в его довоенное состояние, в короткий срок решить эту задачу было исключительно трудно. Наконец, помимо желания нужны были еще и реальные возможности, а прогнозы правительственных экспертов не оставляли сомнения в том, что послевоенная экономическая ситуация в течение по меньшей мере нескольких лет будет аналогична военному периоду.

Накануне парламентских выборов 1918 г. программы и реформистов из руководства лейбористской партии, и консервативно либеральной коалиции во главе с Ллойд Джорджем по существу представляли собой поиски компромисса в вопросе о перспективах государственно-монополистического капитализма в Англии, а точнее, попытки наилучшим образом удовлетворить требования буржуазии, не вызвав при этом опасного возмущения рабочего класса. Лейбористы предлагали развитие государственного капитализма, слегка загримированного под «социализм», а правительство (особенно консерваторы) под маской ревнителя сохранения государственного контроля и сторонника глубоких социально-экономических реформ тщательно скрывало свое стремление избавить частное предпринимательство от государственной опеки. Несомненно, что правительственная программа тогда в большей мере отвечала запросам и хозяев британской политики, и средних слоев, и части рабочих, которые попали в плен демаго-

гических лозунгов «реконструкции» и государственного ограничения деятельности крупного частного капитала. Правительственная коалиция обеспечила себе победу на выборах, а покинувшие ее по окончании войны лейбористы впервые стали «оппозицией правительства Его Величества»¹⁰⁶.

Исход выборов predetermined и судьбу механизма государственного контроля военной экономики. Обширная программа «реконструкции» и многочисленные предвыборные обещания коалиции были немедленно отправлены в корзину. Правительственный план государственного жилищного строительства был резко сокращен, хотя совсем отказаться от участия государства в решении жилищного вопроса не удалось, были провалены реформы образования, сельского хозяйства, транспорта, проекты нового фабричного законодательства и закона о фиксированном минимуме заработной платы. Основу внутривластной деятельности первого послевоенного правительства с начала 1919 г. составила «политика деконтроля», т. е. разрушения всего здания государственного контроля¹⁰⁶.

Решительный поворот правящих кругов к «деконтролю», помимо политических причин, во многом объяснялся и спецификой реальной послевоенной хозяйственной ситуации, существенно отличавшейся от прогнозов правительственных экспертов. Ухудшение конъюнктуры рынка и рост безработицы, начавшиеся с осени 1918 г., к марту—апрелю 1919 г. были приостановлены кратковременным подъемом экономики, носившим характер спекулятивного бума. В основе своей он был порожден резким повышением спроса на продовольственные и потребительские товары, что нетрудно понять: население Британских островов изголодалось и обносилось в годы войны. Однако этот бум не мог длиться долго, так как платежеспособность масс, задавленных гигантским налоговым прессом, была невелика. Бурно развивалась инфляция: к 1920 г. в обращении находилось бумажных знаков на 353 млн. ф. ст. против 33 млн. в 1914 г.¹⁰⁷ Индекс цен составлял в 1918 г.— 192 (1913 г.=100), в 1919 г.— 206, в 1920 г.— 258,2, в 1921 г.— 155 и в 1922 г.— 131, причем максимального значения он достиг в апреле 1920 г.— 265,1¹⁰⁸. Из-за быстрого роста цен жизненный уровень английских трудящихся понижался, а прибыли капиталистов росли. Вместе с тем резко увеличился объем капиталовложений в основные отрасли промышленности, в морской и железнодорожный транспорт.

Кратковременный экономический бум сопровождался расширением выпуска продукции в ряде отраслей английской промышленности и увеличением внешнеторгового оборота. В 1919—1920 гг. производство чугуна возросло на 8,1%, стали — на 15,2, в судостроительной промышленности производство увеличилось на 25,4, а объем экспорта — на 38,1%¹⁰⁹. И хотя общий объем промышленного производства на 10% отставал от довоенного, а экспорт снизился по сравнению с уровнем 1913 г. почти на 1/3¹¹⁰, британские капиталисты решили, что прежние времена возвра-

жаются. Теперь они видели в государственном контроле единственную преграду на пути к восстановлению своего довоенного экономического могущества и открыто требовали от правительства решительных мер¹¹¹.

В 1919 г. прекратили деятельность и были упразднены практически все бесчисленные комитеты и подкомитеты, комиссии и подкомиссии при министерстве торговли, созданные за время войны¹¹². Тем самым был ликвидирован государственный контроль над промышленностью (за исключением военной и угледобывающей), транспортом¹¹³, внешней и внутренней торговлей, включая сырьевое снабжение. Министерство продовольствия постепенно суживало размеры и сферу своих операций и было окончательно ликвидировано в марте 1921 г., как и связанные с ним закупочные комиссии по сахару и пшенице¹¹⁴.

Согласно «Акту о производстве вооружений»¹¹⁵ министерство вооружений следовало упразднить в течение года после окончания войны, но реально оно просуществовало до 31 марта 1921 г. Подобная задержка вполне объяснима, если учесть, что к моменту окончания войны аппарат его насчитывал 65 142 сотрудника, а годовой объем деятельности оценивался в 672 млн. ф. ст.¹¹⁶. В руках министерства в основном находился государственный сектор капиталистической экономики (не считая, конечно, почтового ведомства) — более 200 военных заводов, построенных за время войны¹¹⁷. Уже к концу 1918 г. 85 из них были проданы частным фирмам, а в начале 1919 г. правительство решило, что впредь «государственные предприятия должны использоваться для производства только таких изделий, единственным потребителем которых является правительство и в производстве которых они не создадут конкуренции частным предприятиям»¹¹⁸. Но поскольку номенклатура подобной продукции была весьма ограниченной, постольку процесс реприватизации государственных предприятий продолжался и в дальнейшем. И все же государственный сектор в промышленности не исчез. Если до войны он располагал двумя дюжинами заводов, то к началу 20-х годов он по меньшей мере утроился, и хотя это составляло лишь 1/3 государственных предприятий военного времени, но зато это были, как правило, крупные, технически оснащенные заводы, обладавшие серьезным экономическим потенциалом.

Ликвидация министерства вооружений венчала процесс разрушения военного механизма государственного регулирования экономики. Казалось, что он полностью демонтирован, но это было не совсем так. Государство продолжало играть огромную роль в сфере обращения, не только перераспределяя значительную долю национального дохода через государственный бюджет, но и являясь монопольным контролером денежной эмиссии: принятый в 1919 г. «Закон о денежном и валютном обращении» признал де-юре отмену золотого стандарта фунта стерлингов, происшедшую де-факто в самом начале войны. Оно не было устранено и из сферы торговли: «пошлины Маккенны» не просто

сохранились в послевоенные годы (лишь на короткое время их отменило первое лейбористское правительство в 1924 г.), но все более приобретали характер откровенно протекционистской меры, как и введенные законом 1921 г. «О защите ключевых отраслей промышленности» пошлины на ряд новых товаров (искусственный шелк, анилиновые красители и др.). В социальной области правительство, приняв на себя в годы войны и подтвердив это на выборах 1918 г., сохранило ответственность за решение таких важнейших вопросов, как проблема безработицы и жилищный вопрос. А главное, сокращение бюрократического аппарата государственного контроля не затронуло экономической основы новой формы капитализма. Гигантская концентрация производства и капитала, достигнутая в годы первой мировой войны при прямом или косвенном содействии буржуазного государства, после войны не только не уменьшилась, но продолжала возрастать. В таких условиях автоматическое регулирование процесса капиталистического воспроизводства через механизм рынка, характерное для капитализма эпохи свободной конкуренции, стало невозможным. Со всей силой и очевидностью это вскоре продемонстрировал мировой экономический кризис начала 30-х годов. Для сохранения самого капиталистического способа производства роль регулятора неизбежно должно было взять на себя буржуазное государство¹¹⁹. Именно это имел в виду В. И. Ленин, когда в 1918 г. он отмечал: «Старый капитализм, основанный на свободной конкуренции, этой войной окончательно убит,— он уступил место капитализму государственному, монополистическому»¹²⁰.

Важнейшую роль в послевоенной ликвидации механизма государственно-монополистического регулирования экономики в Англии играл социальный фактор — характер и размах классовой борьбы пролетариата. Его значение особенно наглядно продемонстрировала борьба британских рабочих в угледобывающей промышленности, развернувшаяся в 1919—1921 гг., которая не раз привлекала внимание как прогрессивных английских, так и советских историков¹²¹.

Подобно всем остальным британским капиталистам, английские шахтовладельцы стали настойчиво добиваться ликвидации государственного вмешательства сразу же после окончания войны. Однако удовлетворить желание угольных магнатов избавиться от государственной опеки оказалось совсем не просто. Отмена контроля в этой отрасли промышленности означала бы прекращение действия закона 1918 г., формально ограниченного шестью месяцами после окончания войны, и, следовательно, прекращение государственных субсидий. Результатом этого явилось бы резкое падение заработной платы шахтеров, а в конечном итоге снижение жизненного уровня и всех остальных отрядов трудящихся Англии. В обстановке подъема массового рабочего движения в 1919—1920 гг., который с особой силой проявился в движении солидарности с Советской Россией и в создании

Коммунистической партии Великобритании, подобный шаг был бы весьма рискованным.

Страх перед революционным взрывом заставил правительство прибегнуть к маневрированию. В феврале 1919 г. была учреждена «беспристрастная» комиссия для рассмотрения положения в угледобывающей промышленности под председательством либерала судьи Сэнки и департамент угольного контролера преобразован в департамент шахт при министерстве торговли, что позволило продлить срок полномочий этого органа государственного контроля до 31 августа 1921 г.

Постепенно накапливались резервные запасы угля на случай массовой забастовки шахтеров. В главных промышленных районах страны было начато создание широкой сети штрейкбрехерских организаций¹²², так пригодившихся капиталистам в период Всеобщей стачки 1926 г. И наконец, был подготовлен юридический фундамент подавления рабочего движения: в октябре 1920 г. парламент принял «Закон о чрезвычайных полномочиях»¹²³, заменивший в мирных условиях утратившее силу репрессивное законодательство военного времени. Закончив подготовку к решительной схватке, буржуазия поспешила опередить рабочих и нанести неожиданный удар. Правительство объявило об отмене государственного контроля в угледобыче с 31 марта 1921 г., т. е. за пять месяцев до им самим установленного срока. Шахтовладельцы добились победы только в результате измены профсоюзного руководства, которое в день «черной пятницы», 15 апреля 1921 г., сорвало единое выступление шахтеров, транспортников и железнодорожников. Поражение шахтеров стало началом временного спада в английском рабочем движении. Таким образом, добиваясь отмены государственного контроля в угледобывающей промышленности, буржуазия и правительство в первую очередь преследовали классовые цели, стремясь понизить жизненный уровень всего британского пролетариата, сломить его боевой дух, разрушить единство организованного рабочего движения.

Наряду с конкретными требованиями в отношении заработной платы и продолжительности рабочего дня, общенациональных, а не порайонных трудовых соглашений и снижения цен на уголь шахтеры в ходе борьбы неизменно выдвигали требования национализации шахт и установления над ними рабочего контроля¹²⁴. Особое значение приобрел лозунг национализации, так как он означал не сохранение военной системы государственного контроля над шахтами, а полное устранение шахтовладельцев с введением государственной собственности в угледобывающей промышленности. Требование национализации вынуждена была поддержать даже комиссия Сэнки, однако правительство, неоднократно обещавшее считаться «с духом так же, как с буквой» рекомендаций комиссии¹²⁵, решительно отказалось от проведения национализации шахт и копей¹²⁶.

Буржуазию более всего пугало, что шахтеры «предложили

нечто большее, чем то, что обычно понимается под термином национализация»¹²⁷. Смысл этих слов Бонар Лоу раскрыл журнал «Economist», писавший в октябре 1920 г.: «Для них (шахтеров) национализация не означает „шахты для государства“, а означает „шахты для шахтеров“»¹²⁸. Полгода спустя тот же журнал констатировал: «Мы столкнулись сейчас не с трудовым конфликтом, основанным на обычных принципах (борьбы) за заработную плату и часы работы, какими были стачки 1912 или осени прошлого года; мы стоим лицом к лицу с угрозой уничтожения самого фундамента, на котором воздвигнуто все здание промышленности нашей страны»¹²⁹. Шахтеры «посагнули на устон», но иначе и не могло быть, ибо, как указывал В. И. Ленин, в эпоху государственно-монополистического капитализма «...социализм вырисовывается непосредственно, *практически*, из каждой крупной меры, составляющей шаг вперед на базе этого новейшего капитализма»¹³⁰. Именно новый характер классовой борьбы пролетариата в значительной мере определил горячее желание английских капиталистов восстановить довоенные порядки, полностью покончив с системой государственно-монополистического контроля над экономикой. В конечном итоге вопрос о том, быть или не быть государственному контролю, а если быть, то каким, решался не в дискуссиях экономистов и не парламентскими дебатами, а в классовой борьбе пролетариата и буржуазии.

В годы первой мировой войны британский монополистический капитализм быстро превращался в государственно-монополистический. В основе этой трансформации лежала эволюция всей капиталистической экономики в условиях военно-хозяйственного кризиса невиданного прежде в истории масштаба. В империалистической войне первостепенное значение приобрел экономический потенциал воюющих стран, способность тыла не только обеспечить нужды фронта, но и выстоять самому. Перестройка хозяйства на военные рельсы не могла, как раньше, носить частичного характера, она должна была стать всеобщей и требовала мобилизации всех его ресурсов. Решение этой задачи влекло за собой ускоренный рост концентрации производства и капитала, что в свою очередь требовало централизации управления в рамках отраслей хозяйства и национальной экономики в целом. Военно-хозяйственный кризис (означавший военный конфликт и нарушение сложившихся национальных и интернациональных экономических связей и пропорций, изменение структуры мирового капиталистического рынка и резкие колебания его конъюнктуры, сокращение мирового производства многих видов сырья и продовольствия и рост цен на них) серьезно повредил механизм рыночного регулирования процесса воспроизводства капитала, подорванный господством монополий в хозяйственной жизни в эпоху империализма. Роль основного регулятора капиталистической экономики вынужденно взяло на себя буржуазное государство — «идеальный совокупный капиталист»¹.

Процесс адаптации английского капитализма к новым условиям не был простым. В первые месяцы мировой войны его развитие из-за стремления правящего класса избежать широкого государственного вмешательства в сферу капиталистического хозяйства сохраняло довоенную инерцию. Это выразилось в правительственной политике «бизнес как обычно», означавшей отказ от глубокой перестройки экономики на военный лад, и в провозглашении под давлением оппортунистов в рабочем движении «мира в промышленности» — добровольного согласия тред-юнионов на прекращение стачечной борьбы на время войны. Но, вопреки планам генеральных штабов, мировая война приобрела затяжной характер, и уже весной 1915 г. несостоятельность как хозяйственного, так и социального курса либерального кабинета Г. Асквита стала очевидной.

Поворот к решительным мерам государственного вмешательства в социально-экономический процесс был ознаменован правительственным кризисом в мае 1915 г., учреждением министерства вооружений и принятием «Акта о производстве вооружений». С этого времени начинается создание механизма государственного регулирования экономики в интересах империалистической буржуазии. На основе «Акта о производстве вооружений» аппарат государственного контроля был учрежден в военной промышленности и смежных с ней отраслях, постепенно он распространял сферу своей деятельности на все более широкий круг предприятий и рабочих. Министерство вооружений насаждало на этих предприятиях систему «военнизированного труда», чему способствовало и введение в Англии в мае 1916 г. всеобщей воинской повинности.

Дальнейшее углубление военно-хозяйственного кризиса и рост борьбы трудящихся вызвали перегруппировку сил в рядах английской буржуазии. В результате второго правительственного кризиса в декабре 1916 г. победу одержали сторонники расширения государственно-монополистического регулирования за пределы военных отраслей промышленности. Коалиционное правительство во главе с Д. Ллойд Джорджем приступило к глубокой перестройке руководства хозяйственной жизнью страны на основе создания разветвленной системы государственного регулирования экономики.

Наибольшего развития в период первой мировой войны механизм государственного контроля над капиталистической экономикой достиг в Англии в 1917—1918 гг. Различными формами государственного регулирования было охвачено в то время почти все ее хозяйство. В сфере производства оно распространялось на основные отрасли промышленности и сельского хозяйства, в сфере распределения — на сырьевое, топливное и энергетическое снабжение, распределение большей части промышленной продукции и товаров первой необходимости, организацию снабжения и распределения продовольствия вплоть до введения карточной системы, на транспорте оно означало установление контроля над железнодорожными и морскими перевозками, в торговле — фактическое введение государственной монополии внешней торговли, в области государственных финансов — огромный рост налогового бремени и перераспределение все большей части национального дохода в интересах крупного капитала средствами бюджетной политики, в сфере социальных отношений — установление военной дисциплины труда для 80% промышленных рабочих, определение условий труда и жизни всех остальных трудящихся страны посредством министерств национальной службы и труда, подавление сопротивления эксплуатируемых масс всей мощью государственной машины путем использования основанного на «Законе о защите королевства» и «Акте о производстве вооружений» чрезвычайного законодательства.

Средства и методы государственного регулирования отличались большим разнообразием, так как система государственного контроля создавалась спонтанно, применительно к конкретным проявлениям военного кризиса в различных отраслях экономики. С введением монополии внешней торговли и государственного контроля над угледобывающей промышленностью важным рычагом регулирования стало распределение сырья и топлива. Не меньшее значение имело и предоставление государством субсидий, ссуд и кредитов. Ограниченную, но также немаловажную роль играли государственные заказы в промышленности и лицензии в торговле и на транспорте.

Многообразны были и формы государственно-монополистического регулирования экономики. Наряду с ростом и укреплением государственного сектора в военной промышленности развивались и преобладали не связанные с огосударствлением формы государственного контроля: «контролируемые предприятия», «вступление во владение» шахтами, железными дорогами, мельницами и пекарнями, «реквизиции» морских судов и т. п. Основу государственного регулирования составлял в этих случаях принцип «справедливого» возмещения предпринимателям издержек, вызванных введением государственного контроля, причем их размер, определялся ли он путем непосредственного соглашения между капиталистами и государством, или государственной политикой фиксирования цен, неизменно оказывался выгоден буржуазии.

Развитие государственного вмешательства в экономику сопровождалось количественным ростом и качественным усложнением бюрократического аппарата буржуазного государства. «...Эпоха перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, — подчеркивал В. И. Ленин, — показывает необыкновенное усиление „государственной машины“, неслыханный рост ее чиновничьего и военного аппарата...»². Впервые в широких масштабах к участию в работе государственного механизма привлекались выходцы из оппортунистической профсоюзной бюрократии, а энергичное внедрение представителей крупного капитала в высшие эшелоны государственного контроля экономики наглядно обнаруживало, что буржуазное государство «... теснее и теснее сливается с всесильными союзами капиталистов...»³.

Государственно-монополистическое регулирование экономики в конечном счете служит одной цели — сохранению частнокапиталистической формы присвоения результатов производства в условиях, когда само оно все более приобретает общественный характер. Стремление буржуазии увековечить капиталистическую эксплуатацию с помощью государства приводит к углублению основного противоречия капиталистического способа производства — между общественным характером труда и частной формой присвоения его результатов. Важной чертой английского государственно-монополистического капитализма периода первой

мировой войны была его неприкрытая ориентация на максимальное удовлетворение интересов британских капиталистов за счет рабочего класса. Это проявилось, с одной стороны, в политике «милитаризации труда», широком наступлении на права тред-юнионов, классово ограниченном распределении продовольствия и товаров первой необходимости, гигантском усилении налогового пресса, в общем снижении жизненного уровня рабочего класса; с другой стороны — в ограниченности государственного вмешательства в сферу интересов частного бизнеса, в попытках правительства обеспечить высокие прибыли капиталистам при минимальном ущемлении их прав. Классовое содержание государственного регулирования экономики в условиях мировой империалистической войны исчерпывающе охарактеризовано В. И. Лениным. Буржуазные государства, писал он, «„регулируют экономическую жизнь“ так, чтобы рабочим (и крестьянам отчасти) создать *военную каторгу*, а банкирам и капиталистам *рай*. Их регулирование состоит в том, что рабочих „подтягивают“ вплоть до голода, а капиталистам обеспечивают... прибыли *выше* тех, какие были до войны»⁴.

Развитие государственно-монополистического капитализма оказало огромное влияние на классовую борьбу пролетариата. Широкое вмешательство буржуазного государства в отношения между капиталистами и рабочими на стороне первых создало очень сложные условия для развертывания массового рабочего движения и на первых порах ослабило сопротивление трудящихся. Но одновременно повседневная практика реакционно-бюрократического государственного контроля над экономикой убеждала рабочих в необходимости борьбы не просто с отдельными капиталистами — хозяевами предприятий, но и с «совокупным капиталистом» — буржуазным государством. В ходе подъема классовой борьбы в Англии в 1917—1918 гг. под мощным воздействием революционных событий в России рост сознательности британского пролетариата наглядно проявился в усилении тяги к единству действий, в выдвижении лозунга рабочего контроля над производством и распределением в сочетании с требованием национализации средств производства, в обострении борьбы двух тенденций в рабочем движении, в массовом разрыве рядовых рабочих с верхушкой организованного рабочего движения, перешедшей на службу буржуазии.

Реформистские лидеры тред-юнионов и лейбористской партии, равно опасаясь как расширения борьбы масс за национализацию и рабочий контроль, грозившую им утратой контроля над рабочим движением, так и потери занятых ими в годы войны выгодных позиций в политической и административной структуре капиталистического государства, прибегли к маневру. Они разработали устав и первую официальную программу лейбористской партии, в которых за почти социалистическими по форме требованиями обобществления средств производства и демократического контроля над

ним скрывался план реорганизации британской экономики на основе государственно-монополистических методов хозяйствования.

Военный опыт государственного контроля над экономикой показал английской буржуазии объективную необходимость и эффективность этого нового для нее средства сохранения своего господства, ибо государственное вмешательство позволило с минимальным ущербом для класса капиталистов справиться с огромными военно-хозяйственными и социально-политическими трудностями, созданными условиями мировой войны. Но пример российского пролетариата, свергнувшего власть эксплуататоров, и подъем массового рабочего движения в Англии на качественно новую ступень заставили буржуазию добиваться ликвидации экономических функций государства и восстановления довоенной свободы частнопредпринимательской деятельности. Выполняя социальный заказ капиталистов, правительство Ллойд Джорджа под прикрытием пропагандистской кампании по планированию глубокой социально-экономической «реконструкции» Англии разработало и осуществило планы уничтожения государственных контрольных органов.

Развернувшийся в обстановке кратковременного послевоенного оживления экономики процесс разрушения огромной машины государственного регулирования протекал в острой классовой борьбе. Рабочие, в первых рядах которых выступал наиболее сплоченный и классово сознательный отряд британского пролетариата — шахтеры, боролись не просто за сохранение существовавшей системы реакционно-бюрократического государственного контроля в интересах кучки эксплуататоров. Они стихийно противопоставляли ему требование национализации предприятий и установления над ними рабочего контроля в интересах народных масс, не осознавая еще, что без свержения власти капиталистов и разрушения буржуазной государственной машины, без завоевания пролетариатом всей полноты политической власти такой контроль невозможен. Буржуазии удалось тогда одержать победу, и поражение шахтеров означало не только завершение процесса демонтажа аппарата государственного регулирования экономики, но и начало временного отступления всего английского рабочего движения.

Борьба между пролетариатом и буржуазией вокруг государственного вмешательства в экономику со всей очевидностью обнаружила глубокую взаимосвязь социальных и экономических факторов развития государственно-монополистического капитализма. Война ускорила перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический, в условиях которого росло и обретало новые черты массовое рабочее движение. Напуганная его размахом и мощью буржуазия поспешила как можно скорее избавиться от государственного вмешательства в тщетной надежде восстановить свое былое всевластие. Именно классовая борьба определила динамику развития государственно-монопо-

листического капитализма в Англии — от почти всеобъемлющей системы государственного регулирования в 1917—1918 до серьезного демонтажа ее в 1919—1921 гг.

Глубокая взаимосвязь социальной и экономической сторон пронизывает и всю последующую историю современного английского капитализма. Углубление его общего кризиса неизбежно ведет к усилению государственно-монополистических тенденций. Процесс этот развивается неравномерно: он то ускоряется, как в период мирового экономического кризиса начала 30-х годов, второй мировой войны и послевоенного восстановления экономики или в конце 60-х годов, то замедляется, позволяя капиталистам временно ограничивать государственное вмешательство, как в период частичной стабилизации капитализма в 20-е годы или во время реприватизации отдельных отраслей хозяйства в начале 50-х и вновь в начале 80-х годов, но остановить его буржуазия уже не в силах. Важнейшее влияние на характер и динамику этого процесса неизменно оказывает классовая борьба английского пролетариата, что убедительно подтвердили и опыт Всеобщей стачки 1926 г., и массовые движения 30-х годов, и борьба за права профсоюзов в 60-е годы, и мощные забастовки шахтеров в 1974 и 1984-1985 гг.

Капитализм исторически обречен, но это вовсе не означает, что он уже исчерпал все возможности своего развития, что его крушение произойдет автоматически. Решающую роль в приближении окончательного краха капиталистического строя сыграет классовая борьба пролетариата в союзе со всеми прогрессивными, антимонополистическими силами, выступающими за мир, демократию и социализм.

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 102.
- ² Попытка рассмотрения генезиса ленинского учения о государственно-монополистическом капитализме предпринята мной в статье «Вопросы государственно-монополистического капитализма в ленинской теории социалистической революции» (Вопросы истории КПСС, 1977, № 9).
- ³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 24, с. 112.
- ⁴ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. I, с. 481—482.
- ⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 221—224.
- ⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 370.
- ⁷ Там же, с. 337—338.
- ⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 344.
- ⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 412.
- ¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 281.
- ¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 83.
- ¹² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 336.
- ¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 166, 191.
- ¹⁴ Там же, с. 193.
- ¹⁵ Great Britain Parliament. House of Lords. The Parliamentary Debates (Hansard), Official Report, 5th series, vol. 18—32. L., HMSO, 1914—1919; Great Britain Parliament. House of Commons. The Parliamentary Debates (Hansard). Official Report, 5th series, vol. 65—110. L., HMSO, 1914—1919.
- ¹⁶ Public General Acts and Church Assembly Measures, being the 5th Session of the 30th Parliament of the United Kingdom of Great Britain and Ireland. L., HMSO, 1916; Public General Acts and Church Assembly Measures, being the 7th Session of the 30th Parliament of the United Kingdom of Great Britain and Ireland. L., HMSO, 1918.
- ¹⁷ History of the Ministry of Munitions, vol. 1—8. L., HMSO, 1920.
- ¹⁸ Reports of Proceedings at the 47—51 Annual Trades Union Congresses. L., 1915—1919.
- ¹⁹ Reports of the 15—19 Annual Conferences of the Labour Party. L., 1916—1920.
- ²⁰ Labour and the New Social Order: A Report on Reconstruction. L., 1918.
- ²¹ The Labour Year Book, 1916. L., 1916; The Labour Year Book, 1919. L., 1919.
- ²² Мировые экономические кризисы. Под ред. Е. Варгн, т. I—III. М., 1937—1939.
- ²³ Мировая война в цифрах. М. — Л., 1934.
- ²⁴ 68th Statistical Abstract for the United Kingdom. L., 1924; 69th Statistical Abstract for the United Kingdom. L., 1926.
- ²⁵ Blood and Treasure. Facts and Figures of Britain's Effort, 1914—1917. L., 1918.
- ²⁶ Credit, Industry and the War. Ed. by A. W. Kirkaldy. L., 1915; Labour, Finance and the War. Ed. by A. W. Kirkaldy. L., 1916; Industry and Finance. Ed. by A. W. Kirkaldy. L., 1917; British Finance during and after the War, 1914—1921. Ed. by A. W. Kirkaldy. L.—N. Y., 1921.
- ²⁷ Dearle N. B. An Economic Chronicle of the Great War for Great Britain and Ireland, 1914—1919. L., 1929.
- ²⁸ The Limits of State Industrial Control. A Symposium on the Present Situation and How to Meet It. Ed. by H. Carter. L., 1919.

²⁹ Asquith H. H., earl of Oxford. *Memoirs and Reflections*, 1852—1927, vol. 2. Boston, 1928.

³⁰ См.: Ллойд Джордж Д. *Военные мемуары*, т. I—VI. М., 1934—1937; Ллойд Джордж Д. *Речи, произнесенные во время войны*. Пр., 1916.

³¹ Churchill W. L. S. *The Aftermath*. L., 1929; Churchill W. L. S. *The World Crisis, 1911—1918*. L., 1942.

³² Addison Ch. *Four and Half Years. A Personal Diary from June 1914 to January 1919*. L., 1934.

³³ Davies J. *The Prime Minister's Secretariat, 1916—1920*. Newport, 1951.

³⁴ Amery L. S. *My Political Life*, vol II, *War and Peace, 1914—1929*. L., 1953.

³⁵ Clynes J. R. *Memoirs, 1869—1924*. L., 1937.

³⁶ Webb B. *Diaries, 1912—1924*. Ed. by M. Cole. L., 1952.

³⁷ Bell T. *Pioneering Days*. L., 1941; Thorne W. *My Life's Battles*. L., 1931; Tillett B. *Memoirs and Reflections*. L., 1931; Gallacher W. *Revolt on the Clyde. An Autobiography*. L., 1949; Pollitt H. *Serving My Time. An Apprenticeship to Politics*. L., 1950.

³⁸ Здесь нет необходимости перечислять все труды, вошедшие в указанное издание, достаточно упомянуть лишь наиболее важные для освещения исследуемых в нашей работе вопросов: Bowley A. L. *Prices and Wages in the United Kingdom, 1914—1920*. Oxford, 1921; Salter J. A. *Allied Shipping Control*. Oxford, 1921; Cole G. D. H. *Trade Unionism and Munitions*. Oxford — London, 1923; Cole G. D. H. *Workshop Organization*. Oxford — London, 1923; Middleton T. H. *Food Production in War*. Oxford, 1923; Redmayne R. A. S. *The British Coal Mining Industry during the War*. Oxford, 1923; Lloyd E. M. H. *Experiments in State Control at the War Office and the Ministry of Food*. Oxford, 1924; Scott W. R. and Cunnison J. *The Industries of the Clyde Valley during the War*. Oxford — London, 1924; Fayle C. E. *The War and the Shipping Industry*. Oxford, 1927; Beveridge W. H. *British Food Control*. L., 1928.

³⁹ Примером подобного рода исследований могут служить работы У. Бивериджа, Э. Ллойда, Р. Редмейна и др. Так, в книге Э. Ллойда значительный по объему раздел отведен сравнительному анализу форм и методов осуществления государственного контроля в двух правительственных ведомствах, где он работал.

⁴⁰ Lloyd E. M. H. *Op. cit.*, p. XI.

⁴¹ Money L., Chiozza. *The Triumph of Nationalisation*. L., 1920. Есть сокращенный русск. пер.: Монэ Л. Чюзза. *Торжество национализации*. М., — Пр., 1923.

⁴² Economist, 1920, 23.X, p. 633.

⁴³ См., например: Cole G. D. H. *Labour in War Time*. L., 1915; Mac Donald J. R. *Socialism after the War*. Manchester — London, s. a. (работа опубликована в 1917 г.).

⁴⁴ Webb S. and B. *The History of Trade Unionism*. L., 1920; *The Book of the Labour Party. Its History, Growth, Policy and Leaders*. Ed. by H. Tracey, vol. I—III, L., 1925; см. также указанные выше две работы Дж. Коула, опубликованные в британской серии «Экономической и социальной истории мировой войны».

⁴⁵ Hammond M. B. *British Labour Conditions and Legislation during the War*. N. Y., 1919.

⁴⁶ Bogart E. L. *War Costs and their Financing*. L., 1921 (эта работа видного американского экономиста была включена в британскую серию «Экономической и социальной истории мировой войны»); Litman S. *Prices and Price Control in Great Britain and the United States during the World War*. N. Y., 1920; Fisk H. R. *English Public Finance from the Revolution of 1688*. N. Y., 1921; Friedman E. M. *International Finance and Its Reorganisation*. N. Y., 1922.

⁴⁷ Stamp J. *Taxation during the War*. Oxford, 1932.

⁴⁸ Asquith H. *Moments of Memory. Recollections and Impressions*. L., 1937; Clynes J. R. *Memoirs, 1869—1924*. L., 1937; MacDonagh M. *In London during the Great War. The Diary of a Journalist*. L., 1935.

⁴⁹ См. например: Murphy J. T. *Preparing for Power. A critical Study of the History of British Working-class Movement*. L., 1934.

⁵⁰ Walworth G. *Feeding the Nation in Peace and War*. L., 1940.

- ⁸¹ Jones Th. G. The Unbroken Front. Ministry of Food, 1916—1944. L., 1944.
- ⁸² Tawney R. H. The Abolition of Economic Controls, 1918—1921. — Economic History Review, 1943, № 1—2, p. 1—31.
- ⁸³ «Система (государственного. — С. С.) контроля в минувшей войне, — писал Тоун. — ... явилась почти полной импровизацией» (Ibid., p. 4).
- ⁸⁴ Ibid., p. 2.
- ⁸⁵ Clark J. M. Demobilisation of Wartime Economic Control. N. Y., 1944, p. 187.
- ⁸⁶ Впрочем, тезис об исключительно военном характере государственного регулирования в годы первой и второй мировых войн еще сохранялся в буржуазной историографии. С этих позиций, например, подошел к рассмотрению изменений в государственном аппарате лорд Хэнки, довольно слабая работа которого содержала и краткий очерк государственной деятельности в сфере управления хозяйством в период первой мировой войны (Hankey Lord. Government Control in War. Cambridge, 1945).
- ⁸⁷ Hurwitz S. J. State Intervention in Great Britain. A Study of Economic Control and Social Response, 1914—1919. N. Y., 1949.
- ⁸⁸ Murray K. Agriculture. L., 1955.
- ⁸⁹ Parker H. M. D. Manpower. L., 1957.
- ⁹⁰ Inman P. Labour in the Munition Industries. L., 1957.
- ⁹¹ Woodward Sir Llewellyn. The Great Britain and the War of 1914—1918. L., 1967.
- ⁹² Marwick A. The Deluge. L., 1965; Marwick A. Britain in the Century of Total War. War, Peace and Social Change, 1900—1967. L., 1968.
- ⁹³ Johnson P. B. Land Fit for Heroes. The Planning of British Reconstruction. Chicago and London, 1968.
- ⁹⁴ Armitage S. The Politics of Decontrol of Industry: Britain and the United States. L. S. E. Research Monographs 4. L., 1969.
- ⁹⁵ Ibid., p. VII.
- ⁹⁶ Mowat Ch. Britain between the Wars, 1918—1940. L., 1955.
- ⁹⁷ Pollard S. The Development of the British Economy. 1914—1967. 2nd ed. L., 1969.
- ⁹⁸ Taylor A. J. P. English History, 1914—1945. Oxford, 1979.
- ⁹⁹ The British Labour Party. Its History, Growth, Policy and Leaders. Ed. by H. Tracey, vol. I—III. L., 1948.
- ⁷⁰ Cole G. D. H. Introduction to Economic History, 1750—1950. L., 1953; Cole G. D. H. Communism and Democracy, 1914—1931. L., 1958.
- ⁷¹ Williams F. Fifty Years' March. The Rise of the Labour Party. L., 1950; Williams F. Magnificent Journey. The Rise of the Trade Unions. L., 1954.
- ⁷² Милибенд Р. Парламентский социализм. Исследование политики лейбористской партии. М., 1964, с. 72.
- ⁷³ Там же, с. 91.
- ⁷⁴ Barry E. Eldon. Nationalisation in British Politics. The Historical Background. L., 1965.
- ⁷⁵ Ibid., p. 203.
- ⁷⁶ Fox R. The Class Struggle in Britain in the Epoch of Imperialism, pt. 1—2. L., 1933.
- ⁷⁷ См.: Хатт А. Английское профсоюзное движение. М., 1954, с. 83—98; Хатт А. Британский тред-юнионизм. М., 1981, гл. 6—7.
- ⁷⁸ См.: Арнот Р. Пейдж. Английские горняки в годы кризиса и войны. М., 1964.
- ⁷⁹ Hannington W. Industrial History in War Time. L., 1941.
- ⁸⁰ Dobb M. Trade Union Experience and Policy, 1914—1918. An Outline. L., 1940.
- ⁸¹ Ленинская теория империализма и современность. Под ред. Н. Н. Иноземцева, В. А. Мартынова и С. М. Никитина. М., 1977, с. 219—258.
- ⁸² Там же, с. 224—225.
- ⁸³ См.: Шигагин Г. И. Военная экономика в первую мировую войну. М., 1956.

⁸⁴ См.: Дубинский Л. С. Монополии и экономика Англии (до II мировой войны). М., 1960.

⁸⁵ См.: Ротштейн Ф. А. Очерки рабочего движения в Англии. М. — Л., 1925; Трухановский В. Г. Новейшая история Англии. М., 1958; Ерофеев Н. А. Очерки по истории Англии (1815—1917 гг.). М., 1959.

⁸⁶ См.: Виноградов К. Б. Дэвид Ллойд Джордж. М., 1970; Трухановский В. Г. Уинстон Черчилль. Политическая биография, 3-е изд. М., 1981.

⁸⁷ См.: Ленин И. М. Англия во время первой мировой войны. — Мировое хозяйство и мировая политика, 1939, № 7—8; Захаров С. В. Англия во время первой империалистической войны. — Историк-марксист, 1939, № 2 и 1940, № 5—6.

⁸⁸ См.: Гурович П. В. Подъем рабочего движения в Англии в 1918—1921 гг. М., 1956; Карлнер М. М. Рабочее движение в Англии в годы первой мировой войны (1914—1918). М., 1961; Мадор Ю. П. Подъем рабочего движения в Англии 1910—1913. М., 1966.

⁸⁹ См.: Черняев А. С. Революционный подъем рабочего движения в Англии в 1917—1920 гг. и предательство лейбористских лидеров. — Вопросы истории, 1953, № 1; Мочульский Н. Ф. Великая Октябрьская социалистическая революция и английское рабочее движение (1917—1920). М., 1958; Мадор Ю. П. Великая Октябрьская социалистическая революция и английское рабочее движение (1917—1920 гг.). — В кн.: Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1958.

⁹⁰ См.: Карлнер М. М. Указ. соч., с. 78—103.

Глава I

¹ Woodward L. Great Britain and the War of 1914—1918. L., 1967, p. 455.

² Hurwitz S. J. State Intervention in Great Britain. N. Y., 1949, p. 68.

³ Dearle N. B. An Economic Chronicle of the Great War for Great Britain and Ireland, 1914—1919. L., 1929, p. 2(1914, 4. VIII).

⁴ Ibid., p. 10 (1914, 16. IX).

⁵ Hurwitz S. J. Op. cit., p. 68; cp.: Taylor A. J. P. English History, 1914—1945. Oxford, 1979, p. 30, note 3.

⁶ Dearle N. B. Op. cit., p. 3 (1914. 5. VIII).

⁷ Hurwitz S. J. Op. cit., p. 70.

⁸ Более детальное исследование этих вопросов см.: о снабжении Англии строевым лесом — две статьи Э. Стеббинга (Nineteenth Century and After, 1915, II, p. 467—478; 1915, VII, p. 204—217); о развитии английской химической промышленности — статью Дж. Гордона (Nineteenth Century and After, 1915, VII, p. 194—203); характерный пример неизбежности государственного вмешательства в связи с организацией снабжения джутом приводит Л. Вудвард (Woodward L. Op. cit., p. 459).

⁹ Dearle N. B. Op. cit., p. 6 (1914, 20. VIII).

¹⁰ Ibid, p. 9 (1914, 11. IX).

¹¹ Ibid., p. 10. (1914, 22. IX).

¹² Ibid., p. 14 (1914, 23. X);

¹³ Достаточно сказать, что международный сахарный комитет, как с 1916 г. стала называться комиссия, закупал на корню весь урожай кубинского сахара (Tawney R. H. The Abolition of Economic Controls, 1918—1921. — Economic History Review, 1943, № 1—2, p. 3).

¹⁴ Nineteenth Century and After, 1914, X, p. 800—801.

¹⁵ Подробнее описание всех финансовых мер правительства в дни «августовской финансовой паники» см.: Kirkaldy A. W. (Ed.). Credit, Industry and the War. L., 1915, p. 197; Hurwitz S. J. Op. cit., p. 67.

¹⁶ Pollard S. The Development of the British Economy, 1914 — 1967, 2-nd ed. L., 1969, p. 70.

¹⁷ Ibid., p. 71.

¹⁸ Ллойд Джордж Д. Речи, произнесенные во время войны, Пр., 1916, с. 37.

¹⁹ Dearle N. B. Op. cit., p. 3 (1914, 6. VIII.); Morgan E. V. Studies in British Financial Policy 1914—1925. L., 1952, p. 13—14, 166—169, 241.

²⁰ В действительности эта формула была придумана предпринимчивыми дельцами одной лондонской торговой фирмы, а Черчилль ввел ее в политический оборот (Marwick A. *The Deluge*. L., 1965, p. 39).

²¹ Addison Chr. *Politics from within*, vol. I., L., 1924, p. 40.

²² По свидетельству С. Харвица, государство в то время называли царем Мидасом наоборот: все, к чему оно прикасалось, обращалось в прах (Hurgwitz S. J. *Op. cit.*, p. 64).

²³ Мысль о «серебряной пуле» прозвучала в одной из первых военных речей Ллойд Джорджа (Ллойд Джордж Д. Речи, произнесенные во время войны, с. 25—26).

²⁴ Lloyd E. M. H. *Experiments in State Control at the War Office and the Ministry of Food*. Oxford, 1924, p. 23.

²⁵ Times, 25.28.VIII; 1.29.IX; 12.X. 1914.

²⁶ Текст закона см.: *The Public General Acts...* L., 1914, p. 80 *passim*.

²⁷ *The Public General Acts...*, p. 80.

²⁸ Вторая редакция закона была одобрена парламентом 28 августа, а 27 ноября был принят сводный DORA (Dearle N. B. *Op. cit.*, p. 7 (1914, 28.VIII), p. 18; (1914, 27.XI)).

²⁹ Lloyd E. M. H. *Op. cit.*, p. 50.

³⁰ *Parliamentary Debates*. 5th Ser. House of Commons. Official Report (далее Н. С. Deb., 5th Ser.), vol. 65. HMSO, 1914, col. 2217.

³¹ Н. С. Deb., 5th Ser., vol. 69, HMSO, 1915, cols. 1176—1179.

³² British Government, 1914—1953. *Select Documents* by G. H. L. Le May. L., 1955, p. 9.

³³ *Public General Acts... being the 5th Session of the 30th Parliament...* L., 1916, p. 21—22.

³⁴ *The Labour Year Book*, 1919, L., 1919, p. 153—155.

³⁵ Webb S. and B. *The History of Trade Unionism*. L., 1920, p. 636.

³⁶ В резолюции конференции, в частности, говорилось: «... должны быть немедленно предприняты усилия для того, чтобы положить конец всем существующим производственным конфликтам, как стачкам, так и локаутам, и если во время войны возникнут новые затруднения, то следует приложить все силы для достижения их дружественного разрешения» (*The Labour Year Book*, 1916, L., 1916, p. 22).

³⁷ Об этом с гордостью говорили профсоюзные лидеры, принявшие активное участие в развертывании кампании по набору в армию (Times, 1914, 7.X.).

³⁸ Economist, 1915, 20.II. p. 329.

³⁹ Ibid., p. 336.

⁴⁰ Карлинер М. М. Рабочее движение в Англии в годы первой мировой войны. М., 1961, с. 42.

⁴¹ Board of Trade Labour Gazette, 1915, № 3, p. 85.

⁴² Times, 1915, 26.II.

⁴³ Ллойд Джордж Д. Военные мемуары, т. I—II. М., 1934, с. 216.

⁴⁴ History of the Ministry of Munitions, vol. I. HMSO, 1920, p. 2, 40.

⁴⁵ Dearle N. B. *Op. cit.*, p. 5, 15.

⁴⁶ Cole G. D. H. *Trade Unionism and Munitions*. Oxford, L., 1923, p. 53—54. «Полностью автоматическим механизмом» соглашение называло станок, не требующий переналадки от начала до конца операции.

⁴⁷ Cole G. D. H. *Op. cit.*, p. 58.

⁴⁸ Ibid., p. 58—60.

⁴⁹ Это, правда, не означало, что правительство совершенно отказалось от надежды убедить рабочих призывами. Так, 8 февраля с аналогичным призывом к тред-юнионам с парламентской трибуны обращался заместитель секретаря военного министерства Теннант (Н. С. Deb., 5th Ser., vol. 69. HMSO, 1915, col. 285).

⁵⁰ Назначенный еще в октябре 1914 г. для помощи военному министерству в производстве вооружений особый правительственный комитет занимался и вопросом обеспечения рабочей силой, но только военных заводов (History of the Ministry of Munitions, vol. I, p. 93—99).

⁵¹ Board of Trade Labour Gazette, 1915, N 3, p. 83—84.

⁵² Times, 1915, 22.II.

⁵³ The Labour Year Book, 1916, p. 53, 58.

⁵⁴ Именно Ллойд Джордж играл на конференции ключевую роль; она и проходила-то на его «рабочем месте» — в помещении Казначейства (отсюда ее название). Английский историк А. Тейлор, отмечая роль Ллойда Джорджа как «умиротворителя рабочих», особо подчеркивает, что из всех либеральных министров только Ллойд Джордж понимал невозможность вести войну на базе невмешательства государства (Taylor A. J. P. Politics in Wartime. L., 1964, p. 137).

⁵⁵ Текст «Казначейского соглашения» см., например: Workers and Employers. Documents on Trade Unions and Industrial Relations since the XVIII th century. Ed. by J. T. Ward and W. Hamish Fraser. L., 1980, p. 190—191.

⁵⁶ Times, 1915, 20.III.

⁵⁷ Economist, 1915, 20.III, p. 572—573.

⁵⁸ Manchester Guardian, 1915, 27.III.

⁵⁹ Ср., например: Times, 1915, 18—20, 26—27.III.

⁶⁰ Herald, 1915, 3, 10.IV.

⁶¹ Dewar A. B. The Great Munitions Feat 1914—1918. L., 1921, p. 259.

⁶² History of the Ministry of Munitions, vol. I, p. 1—17, 37—76.

⁶³ Justice, 1915, 18.III.

⁶⁴ Cole G. D. H. Labour in War Time. L., 1915, p. 198.

⁶⁵ Cole G. D. H. Trade Unionism and Munitions, p. 76.

⁶⁶ History of the Ministry of Munitions, vol. I., p. 97. «Соглашение... оказалось совершенно неэффективным», — признавал после войны историк Л. Макэсси (Macassey L. Labour Policy — False and True. L., 1922, p. 135—136).

⁶⁷ Economist, 1915, 5.VI, p. 1155.

⁶⁸ Statist, 1915, 4.IX, p. 373.

⁶⁹ Labour Leader, 1915, 15, 22.V; Herald, 1915, 22.V.

⁷⁰ Ллойд Джордж Д. Речи, произнесенные во время войны, с. 123.

⁷¹ Nineteenth Century and After, 1915, VI, p. 1306.

⁷² См.: Карлинер М. М. Указ. соч., с. 62.

⁷³ См., например: Manchester Guardian, 1915, 30.VI. I. VII; Statist, 1915, 3.VII, p. 15—16.

⁷⁴ Lloyd E. M. H. Op. cit., p. 15 (точная сумма закупок за два предвоенных года составила 11 млн. 370 тыс. ф. ст.).

⁷⁵ Ibid., p. 16.

⁷⁶ Report of the Committee on the Organization and Administration of the Manufacturing Departments of the Army. HMSO, 1887, с. 5116.

⁷⁷ Текст «Соглашения» см.: Lloyd E. M. H. Op. cit., Appendix I.

⁷⁸ Ibid., p. 22.

⁷⁹ Скорее всего, именно этим, а не только особыми отношениями с генералом Френчем, как полагает К. Б. Виноградов, объясняется осведомленность Ллойда Джорджа (см.: Виноградов К. Б. Дэвид Ллойд Джордж. М., 1970, с. 203).

⁸⁰ Ллойд Джордж Д. Военные мемуары, т. I—II, с. 118.

⁸¹ Там же, с. 138.

⁸² См.: Виноградов К. Б., Указ. соч., с. 205.

⁸³ History of the Ministry of Munitions, vol. I, p. 135.

⁸⁴ Guinn P. British Strategy and Politics 1914—1918. Oxford, 1965, p. 75—76.

⁸⁵ Times, 1915, 14.V.

⁸⁶ Nineteenth Century and After, 1915, VI, p. 1297.

⁸⁷ Русские записки, 1915, № 6, с. 291.

⁸⁸ Times, 1915, 19.V.

⁸⁹ Asquith H. H., earl of Oxford. Memoirs and Reflections 1852—1927, vol. 2, Boston, 1928, p. 123—125.

⁹⁰ Nineteenth Century and After, 1915, VI, p. 1434.

⁹¹ Ibidem.

⁹² Times, 1915, 31.V.

⁹³ 17 мая, когда решение о создании коалиции уже сложилось у Ллойда Джорджа, он писал брату: «Остаюсь министром финансов». В письме, написанном

день спустя, такой уверенности у него уже нет: «Если захочу, останусь министром финансов» (George W. My Brother and I. L., 1958, p. 251).

⁹⁴ См.: Виноградов К. Б. Указ. соч., с. 208.

⁹⁵ Ллойд Джордж Д. Военные мемуары, т. I—II, с. 209.

⁹⁶ Hammond M. B. British Labour Conditions and Legislation during the War. N. Y., 1919, p. 86—87. Правда, некоторые тред-юнионы, например Федерация горняков, не поддержали проект закона (Cole G. D. H. Trade Unionism and Munitions, p. 78).

⁹⁷ Отчет об обсуждении билля см.: H. C. Deb., 5th Ser., vol. 72, cols. 1483—1612.

⁹⁸ Полный текст «Акта о производстве вооружений» см.: The Public General Acts..., p. 96—106.

⁹⁹ Lloyd E. M. H. Op. cit., p. 24.

¹⁰⁰ Wolfe H. Labour Supply and Regulations. Oxford. 1923, p. 338—343, Appendix VI.

¹⁰¹ The Labour Year Book, 1919, p. 106.

¹⁰² Специальным приказом от 14 июля 1915 г. Ллойд Джордж распространил действие ст. 7 на всю военную промышленность, а не только на «контролируемые предприятия» (Wolfe H. Op. cit., p. 220—221).

¹⁰³ Важнейшие из этих постановлений, касающихся изменения условий труда и положения рабочих военной промышленности, см.: Cole G. D. H. Trade Unionism and Munitions, p. 222—241, Appendix B.

¹⁰⁴ См.: Карлинер М. М. Указ. соч., с. 139.

¹⁰⁵ H. C. Deb., 5th Ser., vol. 73, cols. 739—740; Daily Chronicle, 1915, 13—14.VII.

¹⁰⁶ Macassey L. Op. cit., p. 137.

¹⁰⁷ Times, 1915, 20—21.VII.

¹⁰⁸ Это отмечали многие исследователи. Так, например, М. Хэммонд особо подчеркивал: «Первая попытка распространить действие положений об арбитраже актов о производстве вооружений на невоенные отрасли провалилась» (Hammond M. B. Op. cit., p. 234; ср.: Macassey L. Op. cit., p. 138, Somerwell D. Ch. The Reign of King George the Fifth. L., 1935, p. 139—140).

¹⁰⁹ History of the Ministry of Munitions, vol. V., p. 37—38, 244—245.

¹¹⁰ Times, 1915, 16.X.

¹¹¹ Цит. по: Hurwitz S. J. Op. cit., p. 104, note 22.

¹¹² Полные результаты осуществления «схемы Дербн» были таковы: с 23 октября по 15 декабря 1915 г. в армию вступили 103 тыс. из более чем 2 млн. холостых и 112 431 из 1 832 210 женатых мужчин; в резерв было зачислено 690 138 холостых и 915 491 женатых мужчин; подтвердили согласие на призыв 840 тыс. холостых и 1 345 тыс. женатых мужчин; свыше 2 млн. мужчин не явились подтвердить согласие (Hurwitz S. J. Op. cit., p. 103—104).

¹¹³ В палате общин билль представлял сам премьер-министр Г. Асквит, а в палате лордов — главнокомандующий генерал Китченер (H. C. Deb., 5th Ser., vol. 77, cols. 949—961; H. L. Deb., 5th Ser., vol. 20, cols. 815—816).

¹¹⁴ Herald, 1916, 15.I.

¹¹⁵ Daily News and Leader, 1916, 13.I.

¹¹⁶ Report of the 15th Annual Conference of the Labour Party. L., 1916, p. 117.

¹¹⁷ Ibidem.

¹¹⁸ Ibid., p. 124.

¹¹⁹ Ibid., p. 126—128.

¹²⁰ По свидетельству газеты «Herald», этот день напоминал день траура (Herald, 1916, 4.III.)

¹²¹ См.: Ллойд Джордж Д. Военные мемуары, т. I—II, с. 485.

¹²² Blood and Treasure. Facts and Figures of Britain's Effort, 1914—1917. L., 1918, p. 7.

¹²³ Из числа министров-либералов за немедленное введение конскрипции последовательно выступал только Ллойд Джордж, видевший в ней первую ступень «милитаризации труда» (Times, 1915, 4.VI.).

¹²⁴ Asquith H. H., earl of Oxford. Op. cit., vol. 2, p. 149.

¹²⁵ Hurwitz S. J. Op. cit., p. 104.

¹²⁶ Обсуждение в парламенте касалось прежде всего использования военных в качестве рабочей силы на металлургическом заводе в Лланели (Н. С. Deb., 5th Ser., vol. 85, cols. 1712—1713).

¹²⁷ Report of Proceedings at the 48th Annual Trade Unions Congress. L., 1916, p. 302—305.

¹²⁸ Цит. по: Cole G. D. H. Trade Unionism and Munitions, p. 130, 133.

¹²⁹ Именно этот совет позже был преобразован в руководящий орган по проведению «милитаризации труда» — департамент национальной службы, а не в министерство труда.

¹³⁰ Н. С. Deb., 5th Ser., vol. 87, col. 766.

¹³¹ History of the Ministry of Munitions, vol. VI, p. 23—41.

¹³² The Labour Year Book, 1919, p. 315. Следует иметь в виду, что эти цифры почти не учитывают тех рабочих, которые находились на фронте, но из своих тред-юнионов не вышли, так что на самом деле цифры еще более внушительны.

¹³³ Нагляднее всего эта тенденция проявилась в образовании в конце 1915 г. Тройственного союза горняков, железнодорожников и транспортников, объединившего около 1,3 млн. членов (The Labour Year Book, 1916, p. 103—104).

¹³⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 404—406.

¹³⁵ Hobswart E. Labouring Men. N. Y., 1967, p. 341.

¹³⁶ Показательно, что накануне войны буржуазия все же попыталась создать хотя бы видимость такого массового подкупа, зангрявая со всем рабочим классом. Речь идет о политике мелких социальных уступок, названной В. И. Лениным по имени ее руководителя «ллойд-джорджизмом» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 176).

¹³⁷ Организация буржуазных радикалов Союз демократического контроля возникла месяц спустя после начала войны для контроля главным образом внешней политики правительства. Один из организаторов и вдохновителей Союза его бессменный секретарь и казначей, блестящий оратор и публицист Эдмунд Морел, либерал по партийной принадлежности, как и президент Союза Ч. Тревелиян, внес немалую лепту в разоблачение империалистических целей войны, но при этом не выходил за рамки буржуазного пацифизма (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 269). Антивоенная пропаганда Союза снискала ему популярность, что в свою очередь создало основу для его сближения с лейборизмом; так, по мысли Ч. Тревелияна, «была заложена основа коалиции между радикализмом и рабочим движением, которые вскоре полностью слились» (Trevelyan Ch. The Union of Democratic Control. Its History and Its Policy. L., 1919, p. 8).

¹³⁸ Накануне войны из Фабнанского общества выделилась группа «молодых фабнанцев» (среди них и будущий лейбористский историк Дж. Коул), стремившихся приблизить фабнанскую доктрину к рабочему движению. В 1914 г. они учредили Национальную гильдейскую лигу и разработали программу эволюционного перехода от капитализма к «социализму». Основной ячейкой будущего общества программа называла «гильдию» — объединение на федеративных началах всех предприятий данной отрасли промышленности, при условии национализации всей промышленности страны и создания выборных рабочих комитетов на каждом предприятии. «Гильдейский социализм» не получил широкого распространения среди рабочих.

¹³⁹ Cole G. D. H. Workshop Organization, p. 5—6.

¹⁴⁰ Ibid., p. 9—19; Bell T. Pioneering Daus. L., 1941, p. 107—108.

¹⁴¹ Murphy J. T. Preparing for Power. A critical Study of the History of the British Working-class Movement. L., 1934, p. 145; cp.: Cole G. D. H. Workshop Organization, p. XIV.

¹⁴² Forward, 1915, 13.II. Наблюдательные комитеты просуществовали всю войну, и к концу 1917 г. их насчитывалось уже около двух тысяч (Manchester Guardian, 1918, 4.II.).

¹⁴³ Worker, 1916, 15.I.

¹⁴⁴ Forward, 1916, 1.I.

¹⁴⁵ Paton J., Gallacher W. Towards Industrial Democracy. s. p., 1917.

¹⁴⁶ Report of the Sixteenth Annual Conference of the Labour Party. L., 1917, p. 123. Резолюция служит наглядным опровержением тезиса лейбористской

историография о том, что широкое распространение лозунга рабочего контроля в Англии объясняется якобы участием представителей рабочих организаций в деятельности государственных учреждений (Cole G. D. H. Workshop Organization, p. 89). Резолюция четко противопоставляет рабочий контроль бюрократическому контролю буржуазного государства. Не случайно лейбористская историография, как правило, избегает упоминать о ней.

¹⁴⁷ Memorandum on the Industrial Situation. (Garton Foundation). L., 1916, p. 42—51.

¹⁴⁸ Labour, Finance, and the War. Ed. by A. W. Kirkaldy L., 1916, p. 40—52.

¹⁴⁹ The Federation of British Industries. Studies in Labour and Capital. (Labour Research Department). L., 1923, p. 7—8.

¹⁵⁰ Labour and Capital in Parliament. (Labour Research Department). L., 1923, p. 13—14; см. также: H. C. Deb., 5th Ser., vol. 93, col. 1373.

¹⁵¹ The Federation of British Industries, p. 7.

¹⁵² Вскоре после окончания первой мировой войны официальный орган ФБП с гордостью констатировал: «Когда общие соображения промышленности по любому конкретному вопросу государственной важности излагаются Федерацией британской промышленности, они оказывают должное влияние на правительство и прессу» (The Federation of British Industries, p. 5).

¹⁵³ Ibid., p. 55.

¹⁵⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 83.

¹⁵⁵ The Federation of British Industries, p. 61, Appendix.

¹⁵⁶ В начале 1917 г. «Times» констатировала: «Создание Национального альянса работодателей и рабочих было делом Федерации» (Times, 1917, 10.I.).

¹⁵⁷ Сообщение об этом собрании см.: Economist, 1917, 27.I, p. 127.

¹⁵⁸ Даже журнал «Economist», традиционно поддерживавший политику либеральных кабинетов, обвинял правительство Асквита в том, что «оно давало возможность довести накопление военных сверхприбылей до таких размеров, которые вызвали в рабочем классе опасное недовольство» (Economist, 1916, 9.XII, p. 1074).

¹⁵⁹ См.: Ллойд Джордж Д. Военные мемуары, т. I—II, с. 570, 364.

¹⁶⁰ Сумма военных расходов приближалась к сумме всего национального дохода за 1913 г. (The Book of the Labour Party. Its History, Growth, Policy and Leaders. Ed. by H. Tracey, vol. II. L., 1925, p. 262).

¹⁶¹ См. например: Times, 1916, 4—9.XII.

¹⁶² Addison Ch. Four and Half Years. A Personal Diary from June 1914 to January 1919. L., 1934, p. 271—278; Blake R. Unrepentant Tory. The Life and Times of Andrew Bonar Low, 1858—1923. N. Y. — L., 1956, p. 312—351; Taylor A. J. P. Op. cit., p. 99—106 и т. д.

¹⁶³ Morning Post, 1916, 23.XI. С другой стороны, открыто велась критика бездарности Асквита, неспособного руководить страной (Times, 1916, 4.XII).

¹⁶⁴ Как заявлял один из лидеров консерваторов Бальфур, «правительство без Ллойда Джорджа немислимо» (Jenkins R. Asquith. L., 1964, p. 457).

¹⁶⁵ Taylor A. J. P. Op. cit., p. 109.

¹⁶⁶ См., например: Mallet Ch. Lloyd George. L., 1930, p. 90—93.

¹⁶⁷ Несмотря на неоднократные заявления Ллойда Джорджа о том, что он остается «бесконечно большим либералом и демократом», чем перешедшие в оппозицию либералы-асквитанцы (Owen F. Tempestuous Journey. Lloyd George. His Life and Times. L., 1954, p. 353), он действовал в духе и под контролем в основном консервативного кабинета.

¹⁶⁸ Ллойд Джордж Д. Военные мемуары, т. III, с. 21.

¹⁶⁹ Она состоялась, как можно судить, по обоюдному стремлению сторон. Ллойд Джордж утверждал даже, что ее инициатором был Гендерсон (там же, с. 22; ср.: Owen F. Tempestuous Journey, p. 347).

¹⁷⁰ Ibid., p. 349.

¹ Определение принадлежит крупному буржуазному историку первой мировой войны Л. Вудварду, назвавшему так главу своей книги о развитии государственного контроля над экономикой (Woodward L. *Great Britain and the War of 1914—1918*. L., 1967, p. 452—520).

² Pollard S. *The Development of the British Economy, 1914—1967*, 2-nd. ed. L., 1969, p. 46—47; см. также: Morgan E. V. *Studies in British Financial Policy 1914—1925*. L., 1952, ch. 2.

³ Широкомасштабные планы государственного вмешательства в экономику изложены Ллойд Джорджем в программной речи в палате общин 19 декабря 1916 г. (H. C. Deb., 5th Ser., vol. 88, cols. 1326—1350).

⁴ Так назвал торговый флот Англии Ллойд Джордж (H. C. Deb., 5th Ser., vol. 88, col. 1345).

⁵ *Nineteenth Century and After*, 1915, III, p. 725; ср.: Hurwitz S. J. *State Intervention in Great Britain*. N. Y., 1949, p. 181.

⁶ Fayle C. E. *The War and the Shipping Industry*. Oxford, 1927, p. 17—18.

⁷ Salter J. A. *Allied Shipping Control*. Oxford, 1921, p. 39.

⁸ Fayle C. E. *Op. cit.*, p. 72—75.

⁹ Salter J. A. *Op. cit.*, p. 114.

¹⁰ *Nineteenth Century and After*, 1915, III, p. 726.

¹¹ Fayle C. E. *Op. cit.*, p. 157—158.

¹² Salter J. A. *Op. cit.*, p. 114—115.

¹³ Pollard S. *Op. cit.*, p. 48.

¹⁴ *Ibidem*.

¹⁵ Hurwitz S. J. *Op. cit.*, p. 186—187.

¹⁶ Fayle C. E. *Op. cit.*, p. 152, 161, 199.

¹⁷ H. C. Deb., 5th Ser., vol. 69, col. 1186. Рансимен был убежденным противником подобных мер и стремился доказать их абсурдность.

¹⁸ В последнем случае введение монополии облегчалось тем, что царское правительство создало для британских министерств торговли и военного ряд преимуществ перед частными коммерсантами: перевозку закупленного льна по железной дороге как военного груза, беспрепятственный обмен фунтов на рубли через русское министерство финансов и т. п. (Lloyd E. M. H. *Experiments in State Control at the War Office and the Ministry of Food*. Oxford, 1924, p. 311—313).

¹⁹ Показателен такой факт: лорд Керзон, будучи председателем комитета по контролю над судоходством, большую часть сил и времени отдавал не его работе, а борьбе за введение конскрипции (Hurwitz S. J. *Op. cit.*, p. 188, note 29).

²⁰ По подсчетам буржуазного экономиста Дж. Пэйша, почти половину роста цен на внутреннем рынке следует отнести за счет возросшей стоимости фрахтов (Litman S. *Prices and Price Control in Great Britain and the United States during the World War*. N. Y., 1920, p. 62).

²¹ Pollard S. *Op. cit.*, p. 49.

²² H. C. Deb., 5th Ser., vol. 88, cols. 1345—1346.

²³ Fayle C. E. *Op. cit.*, p. 206.

²⁴ Примечательно, что Маклей, став членом правительства, не был даже членом парламента (Taylor A. J. P. *English History, 1914—1945*. Oxford, 1979, p. 114).

²⁵ Fayle C. E. *Op. cit.*, p. 208.

²⁶ *Labour and Capital in Shipping*. Labour Research Department. L., 1923, p. 25.

²⁷ Ллойд Джордж Д. Военные мемуары, т. III. М., 1935, с. 129.

²⁸ Money L. Chiozza. *The Triumph of Nationalization*. L., 1920, p. 88.

²⁹ *Ibidem*.

³⁰ Германские субмарины стали топить все суда, в том числе и под флагом нейтральных держав, следующие в порты стран Антанты. В результате потери британского торгового флота достигли в апреле 1917 г. 545 тыс. тонн, а за год составили 3730 тыс. тонн (Pollard S. *Op. cit.*, p. 49).

³¹ Министерство вооружений, как уже было отмечено, сосредоточило в своих руках сырьевое снабжение тяжелой, машиностроительной, химической и

других военных отраслей промышленности. Департамент для армии военного министерства с лета 1915 г. полностью переключился на вещевое и продовольственное снабжение войск, имея дело с сырьем для легкой и пищевой промышленности, после создания в 1917 г. министерства продовольствия из ведения департамента было изъято и продовольственное снабжение. Сверх того значительно выросли закупки сырья для легкой промышленности через отдел снабжения министерства торговли, что было связано с централизацией снабжения населения товарами первой необходимости.

³² Tawney R. H. *The Abolition of Economic Controls, 1918—1921.* — *Economic History Review*, 1943, № 1—2, p. 3.

³³ Lloyd E. M. H. *Op. cit.*, p. 311.

³⁴ *Ibid.*, p. 308.

³⁵ *Ibid.*, p. 306.

³⁶ *Ibid.*, p. 305.

³⁷ Woodward L. *Op. cit.*, p. 461.

³⁸ В 1916 г. цены были на 35% выше довоенных (но на 40% ниже рыночных), в 1917 — на 55, в 1918 — на 60 (Lloyd E. M. H. *Op. cit.*, p. 118—119).

³⁹ *Ibid.*, p. 205.

⁴⁰ Hurwitz S. J. *Op. cit.*, p. 163.

⁴¹ Соглашение о закупках шерсти в доминионах действовало до лета 1920 г. (Woodward L. *Op. cit.*, p. 461).

⁴² Lloyd E. M. H. *Op. cit.*, p. 129—130.

⁴³ Woodward L. *Op. cit.*, p. 460, note 1.

⁴⁴ Lloyd E. M. H. *Op. cit.*, p. 93, 305.

⁴⁵ Цит. по: Hurwitz S. J. *Op. cit.*, p. 162, note 46.

⁴⁶ После введения с началом войны государственного контроля над железнодорожным, а с 1917 г. и морским транспортом вне сферы контроля оставались автомобильный транспорт и внутреннее судоходство, но их доля в общем объеме перевозок была незначительна.

⁴⁷ *Times*, 1917, 28.XI.

⁴⁸ *Labour Year Book* 1919, p. 162.

⁴⁹ *Economist*, 1917, 10.III, p. II—IV.

⁵⁰ *History of the Ministry of Munitions*, vol. VI, p. 57.

⁵¹ *Ibid.*, vol. V, p. 157.

⁵² Численность рабочих крупнейшего государственного предприятия — Вулвичского арсенала — выросла за годы войны с 10 до 80 тыс. (*Ibidem*).

⁵³ В английском языке термин «manpower» — «рабочая сила» вошел в употребление в годы первой мировой войны (Hurwitz S. J. *Op. cit.*, p. 81, note 16).

⁵⁴ В результате «разводнения» выиграли лишь отрасли военной промышленности, где число занятых рабочих-мужчин выросло с 1869 тыс. до 2309 тыс., а женщины с 212 тыс. до 945 тыс., т. е. общий рост составил 1,2 млн. рабочих; в центральном и местном аппарате убыль клерков-мужчин (173 тыс.) перекрывалась привлечением к труду женщин (201 тыс.), в торговле и финансах, наоборот, вместо 555 тыс. мужчин было взято на работу 449 тыс. женщин, но хуже дело обстоит в текстильной и швейной, деревообделочной, бумагоделательной и печатной, строительной и пищевой отраслях, а также на транспорте и в сфере обслуживания, которые потеряли около 1,4 млн. рабочих-мужчин, а взамен получили 90 тыс. женщины (Kirkaldy A. W. (Ed). *Industry and Finance*. L., 1920, p. 96).

⁵⁵ H. C. Deb., 5th Ser., vol. 88, cols. 1344—1345.

⁵⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 336. Подробнее об этом см.: Вопросы истории КПСС, 1977, № 9, с. 90.

⁵⁷ В первые месяцы работы министерство называлось департаментом генерал-директора национальной службы; соответственно Н. Чемберлен занимал пост не министра, а генерал-директора.

⁵⁸ Wolfe H. *Labour Supply and Regulation*, Oxford, 1923, p. 206—208.

⁵⁹ Cole G. D. H. *Trade Unionism and Munitions*, p. 136.

⁶⁰ Wolfe H. *Op. cit.*, p. 211—214. Главной причиной нововведения была отмена в июле 1917 г. в результате нарастающей борьбы рабочих ненавистной системы «отпусковых свидетельств» (Taylor A. J. P. *Op. cit.*, p. 67).

⁶¹ Wolfe H. Op. cit., p. 211.

⁶² Ллойд Джордж Д. Военные мемуары, т. III, с. 220.

⁶³ Так бесславно закончился первый опыт министерской карьеры будущего премьер-министра и «мюнхенского умиротворителя». Любопытно, что этого в сущности очень точного определения его способностей Н. Чемберлен не мог простить Ллойд Джорджу до конца жизни (См.: Виноградов К. Б. Дэвид Ллойд Джордж. М., 1970, с. 229, прим. 2).

⁶⁴ H. C. Deb., 5th Ser., vol. 88, col. 1345.

⁶⁵ Оправдывая задним числом свою «нерешительность» в применении принципа принуждения в системе «национальной службы», Ллойд Джордж писал в мемуарах: «Министерство (национальной службы) не проявило никаких признаков того, что оно работало бы лучше, если бы ему были предоставлены принудительные права» (Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. т. III, с. 220).

⁶⁶ Hammond M. B. British Labour Conditions and Legislation during the War, N. Y., 1919, p. 93—94.

⁶⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 166.

⁶⁸ Herald, 1916, 16.X.

⁶⁹ Вспоминая о своей деятельности на посту лидера тред-юниона литейщиков, Ходж признавался: «В спорах с членами своего тред-юниона, когда мы обсуждали конфликтные вопросы, я отстаивал точку зрения предпринимателя» (цит. по: Allen V. L. Power in Trade Unions. L., 1954, p. 197). В. Аллен не без оснований считает Ходжа образцом профбюрократа.

⁷⁰ Daily Express, 1916, 25.XII.

⁷¹ Уже через несколько дней после назначения Робертса на пост министра труда рабочие Норвича заявили, что отказываются впредь считать его своим депутатом в палате общин, и потребовали его отставки (Herald, 1917, 1.IX.).

⁷² По словам Миддлтона, страна могла самостоятельно питаться в течение каждой недели только по уик-эндам — «с вечера пятницы до утра понедельника» (Middleton T. H. Food Production in War. Oxford, 1923, p. 1—2).

⁷³ Ibid., p. 5.

⁷⁴ Ibid., p. 109.

⁷⁵ Hurwitz S. J. Op. cit., p. 211.

⁷⁶ Middleton T. H. Op. cit., p. 110.

⁷⁷ Цит. по: Hurwitz S. J. Op. cit., p. 211—212.

⁷⁸ Ibid., p. 212.

⁷⁹ Middleton T. H. Op. cit., p. 137. Показательно, что с призывом к фермерам правительство обратилось через год после начала войны; во всех других отраслях хозяйства подобные патристические воззвания были сделаны в первые месяцы и даже недели войны.

⁸⁰ Hibbard B. H. Effects of the Great War upon Agriculture in the United States and Great Britain. N. Y., 1919, p. 185.

⁸¹ Ллойд Джордж затрагивал эти проблемы в своей речи 19 декабря 1916 г. (H. C. Deb., 5th Ser., vol. 88, cols. 1346—1347).

⁸² Hurwitz S. J. Op. cit., p. 215—216. В целях пропаганды «огородничества» для выращивания овощей были использованы даже клумбы перед Букингемским дворцом и часть цветочных оранжерей в Гайд-парке (Rew R. H. An Agricultural Faggot. L., 1923, p. 51).

⁸³ Hurwitz S. J. Op. cit., p. 208.

⁸⁴ Middleton T. H. Op. cit., p. 165.

⁸⁵ Lloyd E. M. H. Op. cit., p. 175.

⁸⁶ Middleton T. H. Op. cit., p. 175.

⁸⁷ Hurwitz S. J. Op. cit., p. 218.

⁸⁸ Lloyd E. M. H. Op. cit., p. 332.

⁸⁹ H. C. Deb., 5th vol. 90, col. 1606.

⁹⁰ Ibid., vol. 92, cols. 1484—1485.

⁹¹ Доходы, полученные за счет освоения новых площадей, были значительно ниже (Middleton T. H. Op. cit., p. 309—310).

⁹² Ibid., p. 190.

⁹³ Ibid., p. 239—240, 249—251, 254—257.

⁹⁴ Ibid., p. 322.

⁹⁵ Mowat Ch. Britain between the Wars, 1918—1940. L., 1955, p. 251.

⁹⁶ Lloyd E. M. H. Op. cit., p. 338.

⁹⁷ В сентябре 1916 г., выступая против предложения У. Черчилля об учреждении министерства продовольствия, Рансимен заявил: «Мы должны избегать... оказаться в положении блокадного народа. Карточки на хлеб, купоны на мясо — все эти искусственные меры вредны, они вредны для тех, у кого есть хоть что-то, на что можно купить (еду)... Мы хотим избежать любого рационарования продовольствия для народа» (цит. по: Woodward L. Op. cit., p. 501—502).

⁹⁸ Ibid., p. 502.

⁹⁹ Пост контролера продовольствия был предложен лорду Милнеру, но тот, будучи убежден в скорой смене правительства, отказался, и учреждение этого ведомства было отложено (Ibid., p. 503).

¹⁰⁰ Неспособность первого коалиционного кабинета справиться с ростом спекуляций продовольствием стала одной из главных причин массового недовольства его политикой, что облегчило и ускорило падение правительства Асквита.

¹⁰¹ Лорд Девонпорт (Г. Кирли) в 80-х годах XIX в. основал крупную фирму бакалейной торговли, с 1892 по 1910 г. был депутатом парламента в составе его либеральной фракции, в 1908 г. занимал пост заместителя парламентского секретаря министерства торговли, а с 1909 г. — первого председателя правления Лондонского порта.

¹⁰² Times, 1917, 22.III, 1.IV; ср.: Woodward L. Op. cit., p. 510.

¹⁰³ Times, 1917, 14.IV.

¹⁰⁴ Times, 1917, 17.V.

¹⁰⁵ Woodward L. Op. cit., p. 506—507.

¹⁰⁶ Observer, 1917, 8.IV. С легкой руки У. Бивериджа в британской историографии утвердилось мнение, что продовольственные очереди впервые появились в Англии осенью 1917 г. (Beveridge W. British Food Control. L., 1928, p. 195; ср.: Woodward L. Op. cit., p. 511). На самом деле очереди за продуктами выстраивались у магазинов уже весной 1917 г. (Marwick A. Britain in the Century of Total War. L., 1968, p. 67).

¹⁰⁷ В мае «Times» сообщала об этих резолюциях почти ежедневно (Times, 1917, 14, 17, 18, 22, 24, 26, 29.V.).

¹⁰⁸ В Лондоне наблюдательный совет был создан в конце мая (Times, 1917, 1.VI).

¹⁰⁹ Лорд Рондда (Д. А. Томас) нажил состояние на угольных спекуляциях и к началу войны стал крупнейшим угольным магнатом Южного Уэльса, возглавляя одновременно 25 компаний (The Labour Year Book, 1919, p. 263). Он принимал активное участие в организации министерства вооружений и был даже командирован Ллойд Джорджем по делам министерства в США. Хотя с 1888 по 1910 г. он занимал место на скамьях либералов в палате общин, руководство партии не выдвигало его на правительственные должности. По достоинству его таланты оценил только Ллойд Джордж, присвоивший ему титул пэра вскоре после своего вступления на пост премьер-министра (Woodward L. Op. cit., p. 507).

¹¹⁰ Это не случайно. С декабря 1916 по июнь 1917 г. лорд Рондда занимал в правительстве пост председателя палаты местного управления, а потому он располагал уже широкими связями в местных органах власти.

¹¹¹ Woodward L. Op. cit., p. 508.

¹¹² Daily News and Leader, 1917, 18.VI.

¹¹³ Lloyd E. M. H. Op. cit., p. 319. Председателем совета стал Р. Клайнс. С сентября 1917 г. совет издавал собственный журнал.

¹¹⁴ При министерстве сельского хозяйства был создан аналогичный совет земледелия (Agricultural Council) — консультативный орган при определении цен на сельскохозяйственную продукцию, произведенную в Англии. Оба совета постоянно конфликтовали по вопросам продовольственных цен, и однажды, при определении цены на молоко, пришлось даже создавать особую согласительную комиссию из представителей обоих министерств (Lloyd E. M. H. Op. cit., p. 343—344).

¹¹⁵ Woodward L. Op. cit., p. 507.

¹¹⁶ Lloyd E. M. H. Op. cit., p. 318.

¹¹⁷ Полный текст Постановления 2-G см. в книге Э. Ллойда (Ibid., p. 319—320).

¹¹⁸ Lloyd E. M. H. Op. cit., p. 318—319, 344. Независимость решений министра продовольствия от санкции парламента даже в таком важном вопросе отражает характерный для всего периода государственно-монополистического капитализма процесс усиления исполнительной власти буржуазного государства в ущерб законодательной.

¹¹⁹ Ibid., p. 321.

¹²⁰ К концу войны «система расценок», аналогичная используемой министерством продовольствия, применялась и при распределении других товаров первой необходимости, т. е. охватывала практически всю сферу распределения.

¹²¹ Economist, 1917, 15.IX, p. 394; 20.X, p. 563—564, 567.

¹²² Рост цен на хлеб в Англии значительно превышал рост цен в Германии и Австро-Венгрии (Мировая война в цифрах. М.—Л., 1934, с. 83).

¹²³ Общая сумма субсидий с сентября 1917 по декабрь 1920 г. составила 162,5 млн. ф. ст. (Woodward L. Op. cit., p. 510).

¹²⁴ Lloyd E. M. H. Op. cit., p. 356.

¹²⁵ К моменту ликвидации министерства продовольствия в 1921 г. его годовой товарооборот составил 1,2 млрд. ф. ст. (Woodward L. Op. cit., p. 507).

¹²⁶ Clynes J. R. Memoirs, 1869—1924. L., 1937, p. 234—235.

¹²⁷ Economist, 1917, 20.X, p. 563—564.

¹²⁸ Times, 1917, 17.XII.

¹²⁹ Woodward L. Op. cit., p. 512.

¹³⁰ Ibid., note 1.

¹³¹ Herald, 1918, 20.IV, 15.VI, 6, 23.VII.

¹³² Beveridge W. H. Op. cit., p. 247.

¹³³ В начале XX в. запасы угля в Англии оценивались по крайней мере в 100 млрд. тонн (Hurwitz S. J. Op. cit., p. 166).

¹³⁴ Цит. по: Redmayne R. A. S. The British Coal Mining Industry. Oxford, 1923, p. 2.

¹³⁵ Ibid., p. 5. По объему добычи угля Англия уступала только США.

¹³⁶ Ibid., p. 8.

¹³⁷ Ibid., p. 6.

¹³⁸ Williams D. J. Capitalist Combination in the Coal Industry. L., 1924, p. 92, 96.

¹³⁹ Ibid., p. 119 passim.

¹⁴⁰ Hurwitz S. J. Op. cit., p. 168.

¹⁴¹ Scott W. R. and Cunnison J. The Industries of the Clyde Valley during the War. Oxford, 1924, p. 34.

¹⁴² Rowe W. F. Wages in the Coal Industry. L., 1923, p. 15.

¹⁴³ Hodges F. F. Nationalisation of the Mines. N. Y., s. a., p. 48.

¹⁴⁴ Летом 1917 г. Федерация горняков Великобритании объединяла 716 тыс. шахтеров, или более 2/3 рабочих отрасли (The Labour Year Book, 1919, p. 24).

¹⁴⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 271.

¹⁴⁶ В 1914 г. в Англии было добыто 265 млн. тонн угля, в 1913 г. — 287 млн. тонн, причем сокращение целиком падало на военные месяцы начиная с августа (Redmayne R. A. S. Op. cit., p. 284).

¹⁴⁷ Cole G. D. H. Labour in the Coal Mining Industry. Oxford, 1923, p. 17.

¹⁴⁸ Hurwitz S. J. Op. cit., p. 170.

¹⁴⁹ Цит. по: Hurwitz S. J. Op. cit., p. 171.

¹⁵⁰ В 1913 г. средняя стоимость добычи тонны угля составляла 10 шилл. 2 пенса (Scott W. R. and Cunnison J. Op. cit., p. 16).

¹⁵¹ Redmayne R. A. S. Op. cit., p. 33—34.

¹⁵² Буржуазная историография, как правило, эту связь замалчивает. Так, американский историк С. Харвиц пишет о решении правительства ввести ограничение цен на уголь в 1915 г. как о «полной неожиданности», называя его причиной лишь «стремительное развитие событий» (Hurwitz S. J. Op. cit., p. 172).

¹⁵³ Например, в Южном Уэльсе за год после введения фиксированных цен на уголь они реально выросли в 1,5 раза, или в 2 раза по сравнению с довоенным уровнем (Edwards N. History of the South Wales Miners' Federation, vol. I. L., 1938, p. 102).

¹⁵⁴ Hurwitz S. J. Op. cit., p. 172—173.

¹⁵⁵ Redmayne R. A. S. Op. cit., p. 25.

¹⁵⁶ Ibid., p. 32, 75.

¹⁵⁷ В течение полугода комитет экспортеров угля исполнял функции государственного органа, не столько ограничивая цены на уголь, сколько распределяя правительственные лицензии на его вывоз с выгодой для крупных шахто- и судовладельцев. Не случайно председатель комитета заявлял, что такой порядок намного лучше «ненавистой обираловки», совершаемой государственным комитетом по лицензиям (Redmayne R. A. S. Op. cit., p. 26).

¹⁵⁸ Redmayne R. A. S. Op. cit., p. 76—78, 81, 133, 197.

¹⁵⁹ Hurwitz S. J. Op. cit., p. 175—176.

¹⁶⁰ Единственной мерой, против которой шахтеры почти не выступали, было «разводнение труда», так как женский и детский труд на подземных работах практически не использовался.

¹⁶¹ Карлинер М. М. Рабочее движение в Англии в годы первой мировой войны. М., 1961, с. 142—149.

¹⁶² Hammond M. B. Op. cit., p. 234.

¹⁶³ Карлинер М. М. Указ. соч., с. 171, 315.

¹⁶⁴ Правительство мотивировало решение дежурными фразами о необходимости увеличения добычи угля и ликвидации сверхприбылей шахтовладельцев, но называлась и подлинная причина — стремление «избежать промышленных беспорядков» (H. C. Deb., 5th Ser., vol. 88, col. 475).

¹⁶⁵ Цит. по: Hurwitz S. J. Op. cit., p. 176. Лорд Милнер к осени 1916 г. фактически осуществлял надзор за снабжением и распределением угля, возглавляя неофициальный комитет председателей трех правительственных комитетов по углю при министерстве торговли и промышленности.

¹⁶⁶ Times, 1917, 6.III.

¹⁶⁷ См.: Мадор Ю. П. Подъем рабочего движения в Англии в 1910—1913 гг. М., 1966, с. 173—185.

¹⁶⁸ Ни в одном районе прибавка не достигала 20% (Economist, 1915, 29.V. p. 1120).

¹⁶⁹ Redmayne R. A. S. Op. cit., p. 88—98; ср.: Hurwitz S. J. Op. cit., p. 177.

¹⁷⁰ Economist, 1917, 3.XI, p. 726—727.

¹⁷¹ Redmayne R. A. S. Op. cit., p. 94—99; Williams D. J. Op. cit., p. 84.

¹⁷² Hurwitz S. J. Op. cit., p. 178.

¹⁷³ Arnot R. P. The Miners: Years of Struggle. L., 1953, p. 190.

¹⁷⁴ Redmayne R. A. S. Op. cit., p. 198—201.

¹⁷⁵ Woodward L. Op. cit., p. 482, note 1.

¹⁷⁶ В конце 1918 г. контролер угля получил доклад консультанта по техническим вопросам; в нем утверждалось, что для восстановления добычи угля на довоенном уровне понадобится 5—7 лет (Ibid., p. 482).

¹⁷⁷ Redmayne R. A. S. Op. cit., p. 101, 104, 109.

¹⁷⁸ Не случайно руководящее ядро департамента контролера угля во главе с самим контролером Келтропом и его заместителем по распределению Хантом было составлено из железнодорожных магнатов, имевших опыт участия в деятельности исполнительного комитета железных дорог.

¹⁷⁹ См.: Карлинер М. М. Указ. соч., с. 140, 213, 384.

¹⁸⁰ Webb S. and B. The History of Trade Unionism. L., 1920, p. 662—663.

¹⁸¹ «Смысл (raison d'être) введения контроля над шахтами, — вынужден признать американский буржуазный историк С. Харви, — заключался в нежелании наиболее организованной группы рабочих жизненно важной отрасли промышленности страны отказаться от своих устремлений и насущных нужд ради увеличения прибыли частных лиц» (Hurwitz S. J. Op. cit., p. 179).

¹⁸² Показателен в этом отношении вывод современного английского буржуазного историка: «В отличие от других отраслей промышленности, где имеющие политический характер экономические требования постепенно исчезали (здесь сэр Л. Вудвард явно выдает желаемое за действительное. — С. С.)... в угледобывающей промышленности отношения между предпринимателями и рабочими к концу войны были столь же неурегулированы, как и до 1914 года» (Woodward L. Op. cit., p. 482—483).

¹⁸³ Или казначейская стоимость войны, т. е. военные статьи расходной части государственного бюджета.

¹⁸⁴ Fisk H. E. English Public Finance from the Revolution of 1688. N. Y., 1921. Все финансовые подсчеты здесь и далее сделаны без учета падения реальной стоимости фунта стерлингов: данные, характеризующие процесс по годам, отсутствуют. В целом за время войны фунт обесценился почти на треть — 32,2% (Мировые экономические кризисы, 1848—1935, т. III. М., 1939, с. 387).

¹⁸⁵ Точные данные об изменении размеров национального богатства Англии за время войны неизвестны, но оценки буржуазных статистиков колеблются в широком диапазоне от уменьшения на 10—15% до роста на 60—70%. Приведенный расчет сделан американским экономистом Э. М. Фридменом на основе предположения о неизменности размеров национального богатства в 1914—1918 гг. (Friedman E. M. International Finance and Its Reorganisation. N. Y., 1922).

¹⁸⁶ Возможны и другие пути, например продажа государственных имуществ (земель, лесов, предприятий и т. п.), но до конца войны к этому не прибегали.

¹⁸⁷ Stamp J. Taxation during the War. Oxford, 1932, p. 22. По мнению буржуазных историков, работа Дж. Стэмпа до сих пор «остается лучшей книгой по данной проблеме» (Woodward L. Op. cit., p. 514, note 1).

¹⁸⁸ Pollard S. Op. cit., p. 63.

¹⁸⁹ Так при внесении в парламент первого военного бюджета 17 ноября 1914 г. мотивировал увеличение подоходного налога Ллойд Джордж, тогда министр финансов.

¹⁹⁰ Снижение облагаемого минимума доходов явилось прямым следствием изменений в составе и уровне заработной платы английских рабочих, связанных с политикой «разводнения труда» (Woodward L. Op. cit., p. 516).

¹⁹¹ Финансовый год в Англии начинается 1 апреля и оканчивается 31 марта следующего календарного года.

¹⁹² Mallet B. and George C. O. British Budgets (Second Series), 1913—14 to 1920—21. L., 1929, p. 324—325.

¹⁹³ Woodward L. Op. cit., p. 516—519.

¹⁹⁴ Pollard S. Op. cit., p. 64.

¹⁹⁵ Taylor A. J. P. Op. cit., p. 71.

¹⁹⁶ Pollard S. Op. cit., p. 65. По окончании войны уровень налога на сверхприбыли был понижен до 40%, а в 1920 г. вновь поднят до 60%.

¹⁹⁷ Ibid., p. 64.

¹⁹⁸ British Finance During and After the War, 1914—1921. Ed. by A. W. Kirkaldy. L., 1921, chapt. 7.

¹⁹⁹ В 20-е годы пошлины Маккенны стали центральным пунктом в борьбе сторонников «свободы торговли» против адвокатов протекционизма. Вряд ли стоит преувеличивать их значение как протекционистской меры в годы войны — их введение мотивировалось необходимостью обеспечить приоритет импорта товаров первой необходимости в условиях нехватки транспортных судов, — но показательна, например, оценка, данная им Ллойд Джорджем в частной записке: «Итак, старая система сокрушается самими ее защитниками» (цит. по: Taylor A. J. P. Op. cit., p. 71—72).

²⁰⁰ Pollard S. Op. cit., p. 65.

²⁰¹ Financial Times, 1923, 24.II.

²⁰² Woodward L. Op. cit., p. 519.

²⁰³ Барра Е. С. Избр. произв., т. I. Начало общего кризиса капитализма. М., 1974, с. 273. «Из действительно воевавших стран деформация хозяйства была слабее всего в Англии», — констатировал он, отмечая среди основных причин тот факт, что «Англия... покрывала значительную часть издержек из текущих доходов» (там же, с. 277).

²⁰⁴ Здесь предлагается общая схема государственных операций по военным займам. Данные о размерах займов и движении государственного долга почерпнуты из годовых отчетов журнала «Economist», статистического сборника «The British Bondholders. Labour Research Department. L., s. a.», а также из упомянутых работ Э. Богарта, Дж. Стэмпа и публикаций под ред. Э. Киркалды. Расчеты сделаны автором настоящей работы.

²⁰⁵ Daily Telegraph, 1917, 19.IX.

²⁰⁶ Times, 1923, 23.V. Номер целиком посвящен юбилею Британской империи.

207 Это отчасти противоречит выводу акад. Е. С. Варги: «Англия — единственное из воевавших государств, государственный долг которого уменьшился после войны» (Варга Е. С. Указ. соч., т. I, с. 300). Он основывал его на данных журнала «Economist», называвшего сумму государственного долга на 31.XII. 1919 в 8079 млн. ф. ст. (Economist, 1921, 23.IV., p. 822). Однако здесь не учитывалась выручка от продажи военных материалов и государственных предприятий (около 300 млн. ф. ст.), использованная на частичное погашение долга. Более близкая к истине цифра в 7,8 млн. ф. ст. приводилась в парламенте (H. C. Deb., vol. 119, col. 1985).

208 Осенью 1915 г. Р. Маккенна выдвинул принцип, по которому вновь вводимые налоги должны были обеспечивать уплату процентов по вновь заключаемым займам (Woodward L. Op. cit., p. 516).

209 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 766.

210 Достаточно напомнить, что в послевоенные годы ассигнования на погашение процентов по государственному долгу почти вдвое превышали размер всей расходной части довоенного бюджета (197,5 млн. ф. ст.).

211 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 766.

212 Pollard S. Op. cit., p. 65.

213 Economist, 1917, 6.I., p. 7—8; 1918, 12.I., p. 40—41. Прибыли многих компаний многократно превышали средний уровень. Так, страховое общество «Феникс» получило в 1916 г. прибыль в 25%, а некоторые фирмы — 400 и даже 500% к вложенному капиталу (Times, 1917, 26.IV; Call, 1918, 21.III).

214 Военные сверхприбыли британских капиталистов по крайней мере втрое превысили сумму поступлений по подоходному и прогрессивно-подоходному налогам (Times, 1919, 19.IV; ср.: Times, 1917, 1.III, 2.IV).

215 К. Маркс приводил остроумное замечание Уильяма Коббета о том, что в Англии все общественные учреждения называются «королевскими», но зато долг там «национальный» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 764, прим. 243а).

Глава III

¹ Ленини В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 339—340.

² Johnson P. B. Land Fit for Heroes. The Planning of British Reconstruction, 1916—1919. Chicago and London, 1968, p. 13.

³ Ibid., p. 10.

⁴ Ibid., p. 29—30.

⁵ Чуть ли не единственным штатным сотрудником комитета был его секретарь Воган Нэш, который руководил деятельностью подкомитетов при министерствах, собирал информацию и готовил отчеты.

⁶ Комментируя 5-й ежегодный отчет парламентской ассоциации работодателей, журнал «Economist» подчеркивал, что «многие крупные работодатели очень живо обеспокоены опасностями и нуждами того периода, который последует за провозглашением мифа» (Economist, 1917, 13.I., p. 53).

⁷ Буржуазная историография склонна переоценивать значение первого комитета по «реконструкции». Так, П. Джонсон считает организацию его по образцу комитета имперской обороны «примечательной параллелью», свидетельствующей о важности его задач. Но при этом он предпочитает не замечать, что комитет по «реконструкции» не обладал никакими реальными полномочиями, тогда как комитет имперской обороны действовал на основе «Акта о защите королевства» (Johnson P. B. Op. cit., p. 33—34).

⁸ Times, 1917, 26.III.

⁹ Beatrice Webb's Diaries, 1912—1924. Ed. by M. I. Cole. L., 1952, p. 86.

¹⁰ Report of the 16 th Annual Conference of the Labour Party. L., 1917, p. 169.

¹¹ Jones Th. Lloyd George. Cambridge, 1951, p. 124. Т. Джонс вместе с двумя другими членами «детского сада», профессором У. Адамсом и Филиппом Керром (последний, кроме того, был одним из молодых лидеров группы «Круглый стол»), входил в состав комитета по «реконструкции».

¹² Ibid., p. 124—125.

¹³ Johnson P. B. Op. cit., p. 36.

¹⁴ Johnson P. B. Op. cit., p. 40—41.

¹⁵ Ibid., p. 42.

¹⁶ Показательна судьба проекта решения жилищного вопроса, подготовленного 4-й комиссией под руководством Э. Монтегю и С. Роунтри. Это была детальная программа, содержащая не только конкретные данные по масштабам, срокам и финансированию жилищного строительства, но даже проект земельного законодательства об участках под жилье. До конца войны программа дополнялась и уточнялась, сразу после войны она стала одним из главных козырей в предвыборной кампании коалиции, но после выборов была урезана до минимума.

¹⁷ Кристофер Аддисон был одним из близких сподвижников Ллойд Джорджа, активно сотрудничал в министерстве вооружений, а после назначения Ллойд Джорджа военным министром стал министром вооружений вместо него. На этом посту он быстро снискал ненависть рабочих и был вынужден уступить его У. Черчиллю (Карлинер М. М. Рабочее движение в Англии в годы первой мировой войны. М., 1961, с. 261).

¹⁸ Цит. по: Карлинер М. М. Указ. соч., с. 293.

¹⁹ Цит. по: Hurwitz S. J. State Intervention in Great Britain. N. Y., 1949, p. 288.

²⁰ Именно так определяет это министерство С. Харвиц (Ibidem).

²¹ Redmayne R. A. S. The British Coal Mining Industry during the War. Oxford, 1923, p. 208—212.

²² Beveridge W. H. British Food Control. L., 1928, p. 268.

²³ Beatrice Webb's Diaries..., p. 88.

²⁴ Разительным контрастом этому детальному плану служит построенный на песке проект превращения министерства вооружений в министерство снабжения, разработанный министерством реконструкции (Tawney R. H. The Abolition of Economic Controls, 1918—1921. — Economic History Review, 1943, № 1—2, p. 11).

²⁵ Churchill W. S. The Aftermath. L., 1929, p. 18—20.

²⁶ Herald, 1918, 9.II. Этим планом К. Аддисон особенно гордился.

²⁷ Ministry of Labour Gazette, 1918, № 8, p. 307.

²⁸ Tead O. The British Reconstruction Programs. — Political Science Quarterly, 1918, March, p. 56—76.

²⁹ The Limits of State Industrial Control. A Symposium on the Present Situation and How to Meet It. Ed. by H. Carter. L., 1919.

³⁰ Economist, 1917, 13.X., p. 523.

³¹ Ibidem.

³² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 192.

³³ Например, сэр Грэхем Бауэр потребовал, чтобы отрасли британской промышленности «были освобождены от дорогостоящих и обременительных помех государственного контроля и связанного с ним ущерба кредиту и свободе» (The Limits of State Industrial Control, p. 39).

³⁴ Ibid., p. 58.

³⁵ Ibid., p. 102.

³⁶ Ibid., p. 32.

³⁷ Ibid., p. 59.

³⁸ Ibid., p. 40.

³⁹ Ibid., p. 60.

⁴⁰ Ibid., p. 26.

⁴¹ Ibid., p. 25.

⁴² Economist, 1917, 13.X., p. 524.

⁴³ The Limits of State Industrial Control, p. 178.

⁴⁴ См.: Карлинер М. М. Октябрьская революция и английская буржуазная печать. — В кн.: «Имперализм и борьба рабочего класса» (Сб. ст. памяти акад. Ф. А. Ротштейна). М., 1960.

⁴⁵ Правду об Октябрьской революции сообщала английским рабочим лишь левосоциалистическая печать, прежде всего еженедельник «Call» (1917, 15, 29.XI).

⁴⁶ Оценка влияния Октябрьской революции на развитие английского рабочего движения выходит за рамки настоящей работы. Советская историография,

в частности работы М. М. Карлинера, Н. Ф. Мочульского, П. В. Гурович и др. внесла большой вклад в изучение этой проблемы.

⁴⁷ H. C. Deb., 5th Ser., vol. 99, cols. 1006, 1169. В развертывании кампании травли активистов антивоенного движения правительству деятельно помогала шовинистская Лига британских рабочих во главе с тред-юнионистским лидером Хэвелом Вильсоном (Times, 1917, 19.XI).

⁴⁸ См.: Черняев А. С. Революционный подъем рабочего движения в Англии в 1917—1920 гг. и предательство лейбористских лидеров. — Вопросы истории, 1953, № 1, с. 62.

⁴⁹ Текст доклада см.: Trades Union Documents. Compiled and Edited with an Introduction by W. Milne-Bailey. L., 1929, p. 487—492 (Doc. N 232); ср.: Report of Proceedings at the 49th Trade Union Congress. L., 1917, p. 185—188.

⁵⁰ Цит. по: Johnson P. B. Op. cit., p. 51.

⁵¹ Ibidem.

⁵² Harris H. W. The Whitley Scheme at Work. — Contemporary Review, 1917, XII, vol. 112, p. 645—647.

⁵³ Seymour J. B. The Whitley Council Scheme. L., 1932, p. 16—17.

⁵⁴ Hammond M. B. British Labour Conditions and Legislation during the War. N. Y., 1919, p. 289—290.

⁵⁵ Times, 1917, 29.XI.

⁵⁶ Economist, 1917, I.XII, p. 867—868.

⁵⁷ Иллюстрацией может служить положение в национальном тред-юнионе железнодорожников. В 1918 г. его ежегодное собрание приняло резолюцию, в которой проект Унтли осуждался «как не обеспечивающий защиты собственных интересов рабочих». Против этой резолюции активно выступил руководитель тред-юниона Дж. Томас (Herald, 1918, 29.VI).

⁵⁸ Economist, 1917, 3.XI., p. 724.

⁵⁹ Первая попытка такого рода была предпринята правительством в конце ноября 1917 г., когда в связи со стачкой 50 тыс. рабочих авиационных заводов в Ковентри оно объявило о создании «советов Унтли» в авиастроительной промышленности. Руководимые шоп-стюардами рабочие отвергли этот план (Manchester Guardian, 1917, 3.XI).

⁶⁰ За последний год войны «советы Унтли» были сформированы на предприятиях 19 второстепенных отраслей промышленности (см.: Ерофеев Н. А. Очерки по истории Англии (1815—1917 гг.). М., 1959, с. 235).

⁶¹ Economist., 1917, 7.VII, p. 3.

⁶² Times, 1917, 13.XI.

⁶³ Johnson P. B. Op. cit., p. 54; ср.: Карлинер М. М. Рабочее движение в Англии..., с. 357.

⁶⁴ The Limits of State Industrial Control, p. 65.

⁶⁵ Economist, 1917, I.XII, p. 867.

⁶⁶ Ibidem.

⁶⁷ Формулировка принадлежала Р. Макдональду (Mac Donald J. R. Socialism after the War. Manchester — London, s. a., p. 53), но этого взгляда придерживались и другие лейбористские лидеры (Cole G. D. H. Workshop Organization. Oxford-London, 1923, p. 89; Hutchison K. The Decline and Fall of British Capitalism. L., 1951, p. 141).

⁶⁸ Webb S. When Peace Comes: the Ways of Industrial Reconstruction (Fabian Tract N 181). L., 1916.

⁶⁹ В частности, С. Вебб высказал идею создания комитетов работодателей и рабочих в промышленности по инициативе и при поддержке государства, подвращенную и развитую подкомитетом Унтли.

⁷⁰ Показательно, что журнал «Economist», например, прямо связывал отрыв лидеров от масс с участием профсоюзной верхушки в работе государственных органов: «Мы видим лидеров тред-юнионов и предпринимателей, работающих рука об руку в правительственных учреждениях... Чем теснее и короче становятся отношения между лидерами тред-юнионов и предпринимателями, тем все более широкая пропасть разверзается между ними и рабочими» (Economist, 1917, 19.V, p. 843).

⁷¹ Times, 1917, 16.VII.

⁷² Times, 1917, 23.XI.

⁷³ Webb S. and B. The History of Trade Unionism. L., 1920, p. 663.

⁷⁴ Barry E. E. Nationalisation in British Politics. L., 1965, p. 199.

⁷⁵ Herald, 1917, 1.XII.

⁷⁶ Report of the 17th Annual Conference of the Labour Party. L., 1918, p. 97.

⁷⁷ Ibid., p. 128.

⁷⁸ Ibid., Appendix I: «Constitution of the Labour Party», Section 3(d).

При обсуждении проекта устава возникли разногласия по вопросу о членстве в партии. По предложению Р. Смайлс утверждение его было отложено, и окончательно устав лейбористской партии был принят на 2-й сессии конференции в феврале 1918 г.

⁷⁹ Этот момент особенно приветствовала буржуазная печать. Призывая лейбористов «не ограничиваться узкими классовыми целями рабочих, а по-братски работать в интересах всего общества страны», журнал «Economist» писал: «Мы не любим секционных политических партий. Национальные интересы в широком смысле намного выше» (Economist, 1917, 27.X, p. 688).

⁸⁰ Gollan J. Labour Policy Today. — Marxism Today, 1957, XI, p. 41.

⁸¹ Labour and the New Social Order. A Report on Reconstruction. L., 1918.

⁸² Хотя этот документ был положен Дж. Коулом в основу предвыборного манифеста лейбористов, утвержденного специально созданной 14 ноября 1918 г. конференцией.

⁸³ Report of the 18th Annual Conference of the Labour Party. L., 1918, p. 75—76.

⁸⁴ Ibid., p. 77.

⁸⁵ Report of the 18th Annual Conference of the Labour Party, p. 76—77. Однако распределение электроэнергии предполагалось сосредоточить в руках местной администрации и частных компаний.

⁸⁶ Э. Ферчайлд принадлежал к интернационалистскому крылу британских социалистов, но во многих вопросах стоял на позициях централизма. С самого основания газеты «Call» в 1916 г. он являлся редактором этого органа Британской социалистической партии.

⁸⁷ Report of the 18th Annual Conference of the Labour Party, p. 43.

⁸⁸ Ibid., p. 44.

⁸⁹ Официально С. Вебб не был назван автором программы. Но сомневаться в этом не приходится, хотя нельзя, конечно, не учитывать и вклад других реформистов, прежде всего Р. Макдональда и Дж. Томаса. Роль Вебба наиболее полно охарактеризовал современник и участник работы над программой Дж. Коул, назвавший ее «по- существу творением Сиднея Вебба и выражением фабрианской философии и фабрианской политики» (Cole G. D. H. History of the Labour Party from 1914. L., 1948, p. 59—60).

⁹⁰ Labour and the New Social Order. A Report on Reconstruction, L., 1918, p. 12. Эта цель формулировалась в написанном С. Веббом введении к разделу «Немедленная национализация». Современный лейбористский историк со знанием дела констатирует, что подобная формулировка «вполне могла бы подойти для любого правительственного доклада по реконструкции» (Barry E. E. Op. cit., p. 203).

⁹¹ Labour and the New Social Order, p. 5.

⁹² Ibid., p. 12.

⁹³ «Контроль без власти есть пустейшая фраза», — указывал В. И. Ленин (Полн. собр. соч., т. 31, с. 345).

⁹⁴ Милибенд Р. Парламентский социализм. М., 1964, с. 92.

⁹⁵ См.: Карлинер М. М. Рабочее движение в Англии..., с. 319, 435.

⁹⁶ Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории, т. 4. М., 1980, с. 236.

⁹⁷ Fox R. The Class Struggle in Britain in the Epoch of Imperialism. L., 1933, p. 9.

⁹⁸ Workers'Dreadnought, 1918, 21.IX. На Бирмингемской конференции А. Макманус был избран президентом всебританской организации и председателем Национального административного совета шоп-стюардов и фабрично-заводских комитетов.

⁹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 71—72.

100 Цит. по: Завадский С. «Государство благоденствия». Доктрина и практика. М., 1966, с. 83.

101 Economist, 1918, 21.XII, p. 1029.

102 Economist, 1918, 28.XII, p. 1056.

103 Цит. по: Money L. Chiozza. The Triumph of Nationalisation. L., 1920, p. 139. В русском переводе 1923 г. этот эпизод опущен.

104 Churchill W. S. The Aftermath. L., 1929, p. 18.

105 Коалиция получила 484 депутатских места из 707, причем консерваторы располагали 348 мандатами, а либералы Ллойд Джорджа — 136. Лейбористы провели 59 депутатов, сторонники Асквита — 25 (Annual Register. L., 1918, p. 164—165).

106 «Казалось, — замечает Р. Тоунн, — правительство взялось доказать, что послевоенная реконструкция — это словесное противоречие, и по крайней мере эта задача была ему по силам» (Tawney R. H. Op. cit., — Economic History Review, 1943, № 1—2, p. 16.).

107 Hutchison K. Op. cit., p. 135—136.

108 Tawney R. H. Op. cit., — Economic History Review, 1943, № 1—2, p. 15.

109 Мировые экономические кризисы, 1848—1935 гг., т. III. М., 1939, с. 373.

110 Pigou A. C. Aspects of British Economic History, 1918—1925. L., 1948, p. 62, 65.

111 «Times», например, резко критиковала «бессмысленную мегаломанию» правительства, слишком медленно, по мнению газеты, избавлявшегося от «огромных министерств-стяжателей» (Times, 1919, 14.IV).

112 Tawney R. H. Op. cit., — Economic History Review, 1943, № 1—2, p. 7.

113 Одновременно с внутренними были упразднены и межсоюзнические органы контроля над транспортом: 7 апреля 1919 г. прекратил деятельность союзный совет морского транспорта, 9 февраля 1920 г. — союзный исполком морского транспорта при верховном экономическом совете Антанты (Ibidem).

114 Ibid., p. 8.

115 Юридический аспект ликвидации государственного контроля представляет определенный интерес. В DORA от 8 августа 1914 г. имелось примечание о том, что принятые на его основе указы действуют «пока продолжается нынешняя война». 21 ноября 1918 г. был одобрен закон, гласивший, что «Его Величество объявит дату, которая будет принята за окончание войны». Такой датой стало подписание союзниками мирного договора с Германией. В соответствующих парламентских актах об учреждении министерств срок их полномочий определялся периодом от 6 до 12 месяцев после окончания войны. Следовательно, условия борьбы сторонников и противников «деконтроля» были существенно неравными. Последние должны были активно добиваться продления контроля, тогда как первым достаточно было пассивного ожидания истечения установленных сроков.

116 Монэ Л. Чюзза. Торжество национализации. М. — Пг., 1923, с. 21.

117 History of the Ministry of Munitions, vol. VI, p. 4, p. 57.

118 Цит. по: Tawney R. H. Op. cit., — Economic History Review, 1943, № 1—2, p. 16.

119 Когда в середине 1921 г. первый послевоенный циклический кризис достиг наибольшей силы, буржуазии при всем недовольстве государственным контролем пришлось вновь прибегнуть к нему: в августе парламент принял специальный закон, по которому все железные дороги страны были объединены в четыре большие группы, контролируемые правительственными уполномоченными (Tawney R. H. Op. cit., — Economic History Review, 1943, № 1—2, p. 8).

120 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 353.

121 См., например: Арнот Р. Пейдж. Английские горняки в годы кризиса и войны. М., 1964; Гурович П. В. Подъем рабочего движения в Англии в 1918—1921 гг. М., 1966.

122 Л. Эмери позже писал об этом: «Под руководством министра транспорта сэра Эрика Геддеса была создана тщательно разработанная чрезвычайная организация по поддержанию снабжения и работы транспорта. Личный состав ее комплектовался из добровольцев, незаметно вербовавшихся инспекторами министерства здравоохранения... Эта часть организации была децентрализована и во главе ее поставлены региональные комиссары, которые должны

были взять на себя всю необходимую правительственную власть в случае прекращения связи между данным районом и Лондоном» (Attery L. S. *My Political Life*, vol. II. *War and Peace*, 1914—1929. L., 1953, p. 205).

¹²³ The Emergency Powers Act., 1920. L., 1920; ср.: Гурович П. В. Указ. соч., с. 165.

¹²⁴ Уже первая послевоенная конференция Федерации горняков, состоявшаяся 14 января 1919 г., призвала рабочих бороться за достижение этих целей (Rayner R. *The Story of Trade Unionism*. L., 1929, p. 186—187).

¹²⁵ Times, 1919, 21.III.

¹²⁶ Orton W. A. *Labour in Transition. A Survey of British Industrial History since 1914*. L., 1921, p. 220.

¹²⁷ Times, 1919, 21.III.

¹²⁸ Economist, 1920, 23.X. p. 633.

¹²⁹ Economist, 1921, 9.IV, p. 719.

¹³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 193.

Заключение

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 290.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 33.

³ Там же, с. 3.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 166.

Введение	3
Глава I	
На пути к государственно-монополистическому регулированию капиталистического хозяйства	18
1. Первые меры государственного вмешательства в экономику	18
2. Политика «бизнес как обычно»	21
3. Государственное регулирование трудовых отношений на «добровольной» основе	24
4. Министерство вооружений	32
5. Борьба буржуазии за «милитаризацию труда»	40
6. Государственное регулирование военного производства и новые черты социального развития Англии в 1914—1916 гг.	45
7. Приход к власти правительства Д. Ллойд Джорджа	51
Глава II	
Механизм государственно-монополистического регулирования военной экономики Англии	56
1. Государственное регулирование морского транспорта, внешней торговли и промышленного производства	56
2. Государственный контроль над рабочей силой	65
3. Государственное стимулирование сельскохозяйственного производства	68
4. Государственная организация продовольственного снабжения	71
5. Государственный контроль в угледобывающей промышленности	77
6. Государственные финансы	85
Глава III	
Классовая борьба по вопросу о перспективах государственного контроля над экономикой	95
1. Правительственные планы послевоенной перестройки	95
2. Государственный контроль над экономикой и британские капиталисты	101
3. Лейборнстская программа «реконструкции»	108
4. Послевоенная судьба механизма государственного регулирования экономики	114
Заключение	122
Примечания	128

Сергей Александрович Соловьев
РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-
МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛИЗМА
В АНГЛИИ В ГОДЫ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Зав. редакцией Н. М. Сидорова
Редактор А. З. Грабарник
Обложка художника В. Б. Гордона
Художественный редактор М. Ф. Евстафьева
Технический редактор Е. Д. Захарова
Корректор Н. В. Картышева

ИБ № 1987

Сдано в набор 14.12.84. Подписано к печати 28.02.85.
Л-102895. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсет. № 1.
Гарнитура литературная. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 9,5. Уч. изд. л. 10,9. Тираж 875 экз.
Заказ 6229. Цена 1 р. 60 к. Изд. № 3203.

Ордена «Знак Почета» издательство Московского университета
103009, Москва, ул. Герцена, 5/7.

Отпечатано с негативов 12 ЦТ МО в типографии ордена
«Знак Почета» издательства МГУ.
119899, Москва, Ленинские горы.